

ISSN 2713-2730

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «НАБЕРЕЖНОЧЕЛНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Научно-теоретический журнал

ВЕСТНИК

Набережночелнинского государственного
педагогического университета

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

Scientific and theoretical journal

BULLETIN

of Naberezhnye Chelny
state pedagogical University

2020 / 3 (28)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «НАБЕРЕЖНОЧЕЛНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Научно-теоретический журнал
ВЕСТНИК

Набережночелнинского государственного
педагогического университета

№3 (28) • Сентябрь • 2020

Scientific and theoretical journal
BULLETIN
of Naberezhnye Chelny
state pedagogical University

№3 (28) • September • 2020

Научно-теоретический журнал

ВЕСТНИК

Набережночелнинского государственного
педагогического университета

ISSN: 2713-2730

№ 3 (28) • Сентябрь • 2020

Издается с 1995 г. До 2016 года назывался «Вестник НГПИ»

Учредитель: ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет»

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА:

Главный редактор:

Галиакберова А.А., кандидат экономических наук, доцент

Зам. главного редактора:

Мухаметшин А.Г., доктор педагогических наук, профессор

Научный редактор:

Асратян Н.М., кандидат философских наук, доцент

Редактор, корректор:

Ганиев Э.Р., начальник РИО

Дизайн/верстка:

Расторгуева М. А., научно-исследовательский сектор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Блох Марк Яковлевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой грамматики английского языка Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия

Галиуллин Радик Рамилевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой татарского языка и литературы, методик их преподавания, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Татарстан, Россия

Гусейнова Ильнара Алиевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по проектной деятельности и молодежной политике, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», г. Москва, Россия

Макарова Венера Файзиевна, доктор филологических наук, профессор, доцент кафедры татарского языка и литературы, методик их преподавания, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Татарстан, Россия

Окишева Карина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Татарстан, Россия

Полькина Гульнур Маннуровна, кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Татарстан, Россия

Шакирова Резеда Дильшатовна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Татарстан, Россия

Шастина Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Елабужского института (филиала) Казанского федерального университета, г. Елабуга, Татарстан, Россия

Адрес редакции и издательства: 423806, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, ул. Низаметдинова Р.М., д. 28

Контактные телефоны: (8552) 46-62-16; 46-49-15. Факс: (8552) 46-97-06. E-mail: rio@tatngpi.ru (с пометкой «Вестник НГПИ»).

ISSN: 2713-2730. Полнотекстовая версия выпуска размещена в свободном доступе в Российской универсальной библиотеке (РУНЭБ) elibrary.ru

Подписано в печать 25.09.2020. Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12. Тираж печатный: 100 экз. Отпечатано в ЦИТ ФГБОУ ВО «НГПИ». При цитировании ссылка на журнал обязательна.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Набережночелнинский государственный педагогический университет»

Scientific and theoretical journal

BULLETIN

of Naberezhnye Chelny state
pedagogical University

ISSN: 2713-2730

№ 3 (28) • September • 2020

Published since 1995. It was called "Bulletin of NGPI» up to 2016

Founders: Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА:

Head editor:

A. Galiakberova, PhD in economics, associate Professor

Deputy editor:

A. Mukhametshin, doctor of pedagogy, professor

Scientific editor:

N. Asratyan, phd in philosophy, associate Professor

Editor – corrector:

E. Ganiev, head of the editorial and publishing Department

Design/coding:

M. Rastorgueva, scientific and research sector

BOARD:

M. Bloch, doctor of Philology, Professor, head of the Department of English grammar, Institute of foreign languages, Moscow state pedagogical University, Moscow, Russia

R. Galiullin, phd in Philology, associate Professor, head of the Department of Tatar language and literature, teaching methods, Naberezhnye Chelny state pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Tatarstan, Russia

I. Huseynova, doctor of Philology, Professor, Vice-rector for project activities and youth policy, Moscow state linguistic University, Moscow, Russia

V. Makarova, doctor of Philology, Professor, associate Professor of the Department of Tatar language and literature, teaching methods, Naberezhnye Chelny state pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Tatarstan, Russia

K. Okisheva, phd in Philology, associate Professor, head of the Department of Russian language and literature, Naberezhnye Chelny state pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Tatarstan, Russia

G. Polkina, phd in Philology, associate Professor, Dean of the faculty of Philology, Naberezhnye Chelny state pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Tatarstan, Russia

R. Shakirova, doctor of Philology, associate Professor, head of the Department of foreign languages, Naberezhnye Chelny state pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Tatarstan, Russia

E. Shastina, doctor of Philology, Professor of the Department of German Philology of the Elabuga Institute (branch) Kazan Federal University, Yelabuga, Tatarstan, Russia

Address of the Editorial Ofce and the Publisher: 28, Nizametdinova Street, Naberezhnye Chelny, 423806

Phone: (8552) 46-62-16; 46-49-15. Fax: (8552) 46-97-06. E-mail: rio@tatngpi.ru (with a mark «Vestnik NGPU»).

ISSN: 2713-2730 The full-text version of the edition is placed in free access in the Russian Scholarly Electronic Library (RUNEB): elibrary.ru

Signed in for printing 25.09.2020. Format: 60x90 1/8. Printing l. 12. Run of 100 copies (Print). Printed in ITC of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University. When quoting, a reference to the journal is obligatory.

© Federal State Budgetary Institution of Higher Education Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

Содержание:

Слово главного редактора	6
Гао Дапенг. Роль преподавателя в обучении английскому языку с использованием приложений к электронным ресурсам	8
Сингх, Судха. Сто один год «Севасадан»	11
Джан Содзюн. Использование семиотики перевода при освоении словарного запаса английского языка в колледже.....	15
Асратян З.Д., Ци Ин. Концептуализация темы художественного произведения	19
Васеева Е.А. Ядро английской терминологии специальной области «Заповедное дело».....	22
Гафарова У.А. Стихотворные вставки в комментарии ат-Табари	26
Гафорова З.А. «Вокеоти Бобури» и его персидские переводы	30
Гафорова З.А. Индийский стиль в творчестве поэтов литературного круга кашмира (XVI-XVII вв.).....	35
Досжанова Г.Д., Ережепова З.Д. Фонетические варианты функциональных форм глагола в дастане «Гарип ашык» и их эволюция	42
Зенков А.В. Числительные в авторском тексте и дискурсный анализ.....	47
Малахова Ю.В., Ван Шуэнь. Мотивация китайских студентов, изучающих русский язык	54
Марченко Т.В. Лингвистические и экстралингвистические аспекты киноперевода	58
Насриддинов Д.А. Истории мифов и средневековье в «Песнь льда и огня»	62
Пангереев А.Ш., Балтымова М.Р. Жанровые разновидности топонимического фольклора	67
Руссу А.Н. Применение инфографики в обучении иностранному языку как средства формирования и развития когнитивной и коммуникативной компетенций	83
Сафиуллин Н.А. Электронные сервисы изучения иностранных языков	88
Халикова М.К. Некоторые фрагменты формирования межкультурных компетенций языковой личности (на материале узбекского, русского и английского языков).....	92

Contents

Speech of the editor-in-chief	6
Gao Dapeng. Teacher's Roles in Blended Teaching Based on English Learning APP	6
Singh, Sudha. Hundred one Years of "Sevasadan"	11
Zhang Suojun. Explanations on College English Vocabulary Acquisition from Translation Semiotics Perspective	15
Asratyan Z.Dm., Qi Ying. Conceptualization of Literary Works Topics	19
Vaseeva E.A. English Core Terminology of Special Domain "Nature Conservation in Protected Areas"	22
Gafarova U.A. Poetic Inserts in the Comments of at-Tabari	26
Gafarova Z.A. "Voqeot-I Boburi" and His Persian Translations.....	30
Gafarova Z.A. Indian Style in the Work of Poets of the Literary Circle of Kashmir (XVI-XVII Centuries)	35
Doszhanova G.D., Erezhepova Z.D. Phonetic Variants of Functional Forms of the Verb in Dastan «Garip Ashyk» and their Evolution	42
Zenkov A.V. Numerals in Authorial Texts and the Discourse Analysis	47
Malakhova Yu., Wang Shuen. Motivation of Chinese Students Studying Russian	54
Marchenko T.VI. Linguistic and Extralinguistic Features of Film Translation	58
Nasriddinov D.A. History of Myths and Middle Ages in "A Song of Ice And Fire"	62
Pangereev A.Sh., Baltymova M.R. Genre Varieties of Toponymic Folklore.....	67
Russu A.N. Application of Infographics in Teaching Foreign Language as a Means of Formation and Development of Cognitive and Communicative Competencies.....	83
Safiullin N.A. Electronic Language Services	88
Khalikova M.K. Some Fragments of Formation of Intercultural Competences of a Language Personality (on the Material of Uzbek, Russian and English Languages).....	92

Слово главного редактора

Перед читателем выпуск «Вестника Набережночелнинского государственного педагогического университета», посвященный филологическим исследованиям.

Языком в самом широком смысле называют естественные или искусственные знаковые системы, существующие в природе или созданные людьми.

Самой сложной из таких систем, несомненно, является язык человека. Это одна из его сущностных характеристик, наша особая способность выражать в звуковой или письменной форме самые разнообразные оттенки чувств, мыслей и действий, описывать события в мире.

Но язык, особенно с появлением письменности и литературы, сам превращается в особый мир, в котором накапливаются знания, живут национальные культуры, хранится огромный исторический опыт, транслируется социальная наследственность.

В современном мире происходят противоречивые процессы, где все больше проявляют себя негативные аспекты глобализации и где все более громко звучат требования сохранения и развития культурной самобытности.

Статьи нашего выпуска в некоторой степени отразили языковое разнообразие и широкую географию изучаемых культур в современном языкознании и литературоведении. Здесь читатель найдет исследования на нескольких языках (русском, китайском, хинди, английском, каракалпакском) авторов из России, Китая, Индии, Узбекистана (включая Каракалпакию), Казахстана, Молдовы (Приднестровья), Таджикистана.

Тематика работ также широка и разнообразна. Предлагаются статьи, касающиеся организации и методов преподавания языков, проблем перевода. В нескольких работах осуществляется глубокий лингвистический и литературоведческий анализ современных и старинных текстов.

Поэтому статьи в нашем журнале, несомненно, привлекут внимание как профессиональных филологов, так и всех, кого волнуют языковые аспекты в межкультурных и поликультурных процессах.

**А.А. Галиакберова,
Ректор Набережночелнинского
государственного педагогического университета**

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

УДК 372.881.111.1

Гао Дапенг

Роль преподавателя в обучении английскому языку с использованием приложений к электронным ресурсам

С постоянным углублением информатизации образования постепенно популяризуется смешанное, включающее онлайн и офлайн формы, обучение. Используя в смешанном обучении богатые учебные материалы из приложения для изучения английского языка, преподаватели могут применять их для решения различных задач, начиная от выбора содержания обучения и составления плана учебного процесса до стимулирования учебной мотивации учащихся, контроля и оценки процесса обучения.

Автор попыталась использовать приложение для изучения английского языка (APP BOXiFISH) в курсе «Аудирование и говорение на английском языке» в колледжах китайских этнических территорий и показать, что преподаватели должны выбирать содержание обучения и составлять учебные планы в соответствии с целями обучения, уровнем английского языка студентов и мотивацией обучения в процессе реализации обучающих задач. Показано, что приложение для изучения английского языка - мощный инструмент для преподавателей, позволяющий добиться успеха в использовании смешанных форм обучения.

Ключевые слова: приложения для обучения английскому языку, смешанное обучение, задачи учителя, аудирование и говорение

Gao Dapeng

Teacher's Roles in Blended Teaching Based on English Learning APP

With continuous deepening of education informatization, blended teaching which includes mixed, online and offline forms, is gradually popularized. Using rich teaching materials in the English learning APP in the course of blended teaching, teachers of the English language can achieve a variety of goals: from choosing teaching content and making teaching plan to stimulating students' learning motivation, supervising and evaluating the learning process.

The author tried to use English learning APP BOXiFISH in the course of «English listening and speaking» in Colleges of Chinese ethnic areas and to show that teachers should choose teaching contents and make teaching plans according to teaching objectives, students' English level and learning motivation in the process of realizing teaching goals. It can be seen that English learning APP is a powerful tool for teachers to achieve success in blended teaching.

Keywords: English-learning APP, blended teaching, teacher's roles, English listening and speaking

基于英语学习APP的混合式教学中教师角色分析 ——以民族地区高校“英语听说”课程为例

摘要：随着教育信息化的不断深化，线上线下相结合的混合式教学逐渐普及。利用英语学习APP中丰富的教学素材进行混合式教学，英语教师可以实现从选择教学内容，制定教学计划到激发学生的学习动机，监督，评价学习过程等各种角色。

本文通过中国民族地区高校的“英语听说”课程中使用BOXiFiSH为例，说明教师在实现教学角色的过程中要根据教学目标，结合学生的英语程度，学习动机选择教学内容，制定教学计划。可见，英语学习APP是教师实现混合式教学的有力的抓手。

关键词：英语学习APP，混合式教学，教师角色，英语听说

引言

师者，传道，授业，解惑也。这是中国古代文人韩愈对教师角色的解读，也是许多教师一直信奉的职业准则。社会的发展，科技的进步，使得教学方式愈加多样化，教师在教学中的角色也发生了相应的变化，不同的教学方式要求教师承担不同的角色。随着教育信息化的深入，越来越多的教师开始利用混合式教学模式，它是把传统的课堂教学和基于信息技术的在线学习结合在一起的教学方式，它拓展了学习的时间与空间，提升了学习内容的深度和广度。混合式教学的线上学习内容可以采用多种方式进行，教师可以自己收集材料，录制微课，或者利用慕课网站的在线课程，对于英语教师来说，各类英语学习APP也可以作为混合式教学的线上学习内容。然而，学生的在线学习离不开教师的指导，教师要认清自己在学生学习过程中需要发挥的作用，担当好每一个的角色，为学生保驾护航。

“英语听说”是英语学习者的必修课程，有限的课堂时间不足以进行大量的听说输入输出练习，英语学习APP上学习素材丰富，可是学生在自行使用过程中缺乏有效的监管与评价，往往难以坚持，学习效果难以判定。如果教师整合APP中的内容作为混合式教学的学习材料，规划好学习进程，学生的学习效果就会大大提升。本文将通过在“英语听说”课程上使用BOXiFiSH英语学习APP的混合式教学来分析教师的角色定位。

一、教学内容的选择者

“英语听说”是一门实践性非常强的课程，对于英语学习者来说，仅仅利用课堂时间进行听说练习是远远不够的。教师可以利用混合式教学给学生布置线上学习内容，用于课下练习，线下的课堂上可以针对学生的课下学习情况进行考核与评价。完全利用课本内容作为课下学习内容，难以激发学生的学习兴趣，学习效果并不理想，所以，课下的听说练习材料的选择需要尽可能匹配学生的兴趣点。目前英语学习APP层出不穷，其内容丰富多样，各年龄段，各种程度的英语学习者都能从中找到适合的英语学习材料。

BOXiFiSH英语学习APP是一款基于人工智能技术的英语学习软件，分为教师版和学生版，其教学资

源丰富，可以为各级别英语学习者提供学习材料，采用原版视频片段进行听力练习，通过人机互动进行口语练习。BOXiFiSH根据学生需要培养的跨文化交流、解决问题，学科知识和批判性思维四大能力总结出与之相对应的近四千个知识点，教师可以根据学生的年龄，喜好和程度选择线上学习材料，也可以从几千个知识点中找到与课本内容相呼应的学习材料。

为了选取合适的线上学习内容，教师需要对学生的水平和课程的培养目标有明确的认识。以笔者所在高校的一年级新生为例，学生普遍存在英语发音不准确，发音规则不明确的情况，纠正发音是教师教学的首要任务，需要长时间反复的练习，但是课堂教学受时间和教学内容的限制，无法给每个学生纠正发音。教师可以在BOXiFiSH上选取能够激发学生兴趣的学习材料，如美剧片段，或者选自YouTube的视频等，布置学生的课下在线学习，根据学习重点是练习发音的要求，布置一些具体的学习任务，然后利用课上考核点评的方式来帮助学生改进英语发音面貌。

二、教学计划的制定者

教师需要针对学生的情况制定合适的混合式教学计划，做到线上线下的有机融合，以完成教学目标。教师在制定基于英语学习APP的混合式教学计划时，首先，要充分练习APP中的教学内容，不同的教学素材针对不同的教学目标，教师要能够正确取舍；其次，要分析学情，根据学生的学生的学习特点选择教学素材，同时要考虑到学生的学习负荷，教师往往觉得自己布置的课下在线学习内容不多，但是学生要同时学习若干科目，课下作业累积的工作量是需要被教师注意到的；最后，教学目标要清晰，明确，教学计划要紧紧围绕教学目标展开。

以笔者所在院校为例，在制定高校一年级第二学期的以BOXiFiSH教学素材为教学资源的混合式教学计划时，授课教师根据学生的能力，参照《中国英语能力等级量表》中关于听力理解能力的要求，把本学期的混合式学习的教学目标确定为：能够听懂语速正常的讲座，报告，并概括主要内容，把握说话者的信息组织方式，如整体框架，衔接手段等。根据这个目标，教师在BOXiFiSH中选取以名人演讲为主的学习内容，并设计详细的课前学习任务单，要求学生根据任务单

进行课下在线学习，课上考查学生的任务完成情况并对学习材料进行进一步的拓展。

三、学习动机的激发者

基于英语学习APP的混合式教学需要学生利用课余时间完成在线学习任务，每个学生的学习习惯和英语程度不同，课下在线学习有助于学生充分理解学习素材，完成学习任务。然而，学生的课下学习干扰项较多，如何帮助学生摆脱干扰，专注于学习是教师需要思考的问题。教师需要与学生保持良好的沟通，了解学生的学习兴趣，学习态度，学生的志向水平，并且要给予学生及时的鼓励与督促。

在利用BOXFiSH进行混合式教学的过程中，任课教师通过以下方法来激发学生的学习动机。首先，利用课前任务单督促学生完成学习任务。每份课前任务单包括听力，单词识记和口语输出三项内容，分别规定了提交方式及截止日期，将任务的完成结果与课程考核成绩相结合；其次，BOXFiSH可以对学生的学习行为进行跟踪，教师和学习对学习进程有清楚的了解。运用随时反馈策略，设置学习过程反馈、学习结果反馈、学习评价反馈等模块，刺激学习者学习参与性，提升学习者学习积极性；再次，构建学习共同体，在BOXFiSH根据不同的班级组建学习小组，运用积分奖励策略，设置分数奖励模块，将学习结果与学生的努力程度联系起来；最后，运用多元化评价策略，设置教师点评、同学互评、自我评价等模块，利用多元评价策略激发学生的学习动机。

四、学习过程的组织、监督与评价者

教师在制定合理的教学计划，选择相应的教学内容后，在教学实施过程中要对学生的学习进行有效的组织，实时监督并能够适当评价学生的学习过程。在利用BOXFiSH进行“英语听说”混合式教学的过程中，

授课教师每周固定时间发布课下学习材料，BOXFiSH可以记录学生的学习时长，并根据学生学习的准确性记录得分情况，教师可以关注学生的学习情况；学生有疑问时，可以通过BOXFiSH的交互平台提问，教师随时答疑解惑。BOXFiSH平台的记录可以帮助教师监督学生的学习状态，及时了解学生的学习状况。

基于英语学习APP的混合式教学的评价采用形成性评价方式，运用多种方式评价学生学习的全过程，其教学评价分为客观评价与主观评价两种方式，客观评价依据BOXFiSH平台的记录，主观评价包括学生互评与教师点评等。为了保证评价的公平与公正，教师要制定评价的具体细则，确定各种评价方式所占总成绩的比例，并要做到及时发现解决学习过程中的各种问题。

结语

混合式教学能够有效的帮助学生进行深入学习，它要求有足够的线上资源，丰富的线下活动，适当的评价方式，学生能够主动参与学习的全过程。比较传统的教学方式，教师在混合式教学过程中的角色更加复杂，任务更加艰巨。在“英语听说”的混合式教学中，利用BOXFiSH平台的教学资源，教师结合专业要求和学生情况制定教学计划，组织学习展开混合式学习，采取多种方法激发学生的学习动机，监督学生的学习过程，并进行学习过程的形成性评价，有助于教师对于教学过程的掌控，学生能够学有所得。

基金项目：

2019年内蒙古自治区高等学校教学改革科学研究项目“智能教学APP在少数民族地区师范生英语听说教学中的应用研究”（编号：2019NMJ010）

参考文献：

1. 常玮, 巫彬. 基于智能手机的盒子鱼英语应用实践分析[J]. 中国教育技术装备, 2016(23).
2. 杨继良. 自媒体时代手机APP对大学生英语自主学习的影响研究[J]. 湖北函授大学学报, 2017, 30(018):172-174.
3. 黄荣怀, 马丁, 郑兰琴,等. 基于混合式学习的课程设计理论[J]. 电化教育研究, 2009(01):9-14.
4. 曾艳钰. 《英语专业本科教学指南》解读[J]. 外语界, 2019(6).
5. 张岩. «互联网+教育»理念及模式探析[J]. 中国高教研究, 2016, No.270(02):74-77.

Об авторе:

Гао Дапэнг, старший преподаватель, магистр, факультет иностранных языков Хулуьбуирского института, г. Хулуьбуир, р-н Хайлар, Внутренняя Монголия, Китайская Народная Республика, gaodapeng.wyx@163.com

УДК 821.214.21

Сингх, Судха

Сто один год «Севасадан»

В этом 2020 году исполняется сто один год со дня написания знаменитого романа «Севасадан» на хинди. Автором этого романа является Премчанд (1880-1936), он впервые опубликовал его на языке урду в 1906 году, а затем перевел на хинди и опубликовал в 1919 году. Роман сосредоточен на жизни Суман, т.е. героини этого романа. Она простая, воспитанная девушка из семьи низшего среднего класса. Сделав ее героиней этого знаменитого романа, Премчанд осветил трагедии жизни индийских женщин, а также поиск главной героини на пути к социальному достоинству. Смертоносная система приданого в браках по договоренности, ограничение любых других возможностей вести достойную жизнь, если женщина решит избавиться от уз брака, зло проституции, вопрос дружбы между женщиной и мужчиной, "честность" как ценность в коррумпированной профессии полицейского в Британской Индии, вопрос частной и общественной жизни женщин - все эти вопросы были широко подняты автором в его первом романе на хинди. Эти реальные современные проблемы, поднятые Премчандом, изменили направление написания романов на хинди и заложили основу реалистического романа.

Ключевые слова: Роман девятнадцатого века на хинди, Премчанд, Севасадан, система приданого, женщины, брак.

Singh, Sudha

Hundred one Years of "Sevasadan"

This year 2020 is the one hundred one year of writing of the famous novel "Sevasadan" written in Hindi. The writer of this novel is Premchand (1880-1936) and he first published it in Urdu language in the year 1906 and then he translated it in Hindi and gets it published in the year 1919. The novel centered on the life of Suman i.e. the heroine of this novel. She is a simple, cultured girl of a lower middle class family. By making her the heroine of this famous novel Premchand has highlighted the tragedies of Indian women's life and her quest for social dignity. Deadly dowry system in arranged Indian marriages, women's limited other option to lead a dignified life if she chooses to get out from the bond of marriage, evil of prostitution, question of friendship between woman and man, 'honesty' as a value in a corrupt profession of police in British India, question of private and public sphere for women all these question has been prominently raised by the author in his first Hindi novel. These real contemporary issues raised by Premchand has changed the stream of Hindi novel writing and laid the foundation of realistic novel.

Keywords: Nineteenth Century Hindi Novel, Premchand, Sevasadan, Dowry System, Women, Marriage

“सेवासदन” का एक सौ एकवाँ वर्ष

हिन्दी उपन्यास लेखन की आरंभिक कड़ियों में 'सेवासदन' [1, Premchand] एक सशक्त कड़ी है। इस उपन्यास के जरिए हम हिन्दी के उपन्यास लेखन की नई बनती परंपरा पर बात कर सकते हैं, साथ ही उपन्यास विधा के कुछ नए पहलुओं की परख भी कर सकते हैं। सन् 1882 ई. में प्रकाशित 'परीक्षा गुरु' के सम्बन्ध में आचार्य रामचंद्र शुक्ल ने लिखा था कि यह 'अंग्रेज़ी ढंग का पहला मौलिक उपन्यास है।' [6, p.434] लेकिन आधुनिक उपन्यास लेखन के लिए जिस बाहरी वैचारिक वातावरण और उसके आंतरिक शिल्प की जरूरत होती है, उसे सही अर्थों में 'सेवासदन' पूरा करता है। कह सकते हैं कि विधा के रूप में उपन्यास होने की शर्त को यह उपन्यास बखूबी पूरा करता है।

आधुनिक काल में भारतेन्दु युग की बन रही जनवादी परंपरा का आधार लेकर प्रेमचंद अपना लेखन संसार खड़ा करते हैं। प्रेमचंद का यह पहला उपन्यास जो पहले उर्दू में लिखा गया था, एक धमाके के साथ हिंदी में यथार्थवाद की बहस को सामने रख देता है। समाज और साहित्य का अंतरसंबंध, साहित्य और कला के संबंध, विचार और कला के सौंदर्य का अंतरसंबंध- आदि इस उपन्यास के जरिए बहसतलब हो उठते हैं।

इस उपन्यास में प्रेमचंद नए औद्योगिक समाज और पुराने सामंती रीति-रिवाजों के अंतरद्वन्द्व को चित्रित करने पर ध्यान केंद्रित करते हैं। यह कहानी किसी 'गाँव', जिसके चित्रण के लिए प्रेमचंद की प्रसिद्धि मिली है, से न शुरु होकर शहर से शुरु होती है। शहर में एक ऐसे वर्ग के,

नौकरीपेशा ईमानदार इंसान के विचार, जीवनशैली और मूल्यों के चित्रण के जरिए प्रेमचंद उपन्यास की शुरुआत करते हैं जो वर्ग उन मूल्यों और विचारों के लिए जाना ही नहीं जाता, जिनके अनुपालन के कारण इस उपन्यास में त्रासदी घटित हुई है। यानि दारोगा कृष्णचंद्र ईमानदार हैं और नए आधुनिक विचारों वाले हैं, तथा स्त्री के सामाजिक जीवन और भूमिका को आधुनिक नजरिए से देखते और जीते हैं। यह जीवनदृष्टि और व्यवहार उन्हें प्रचलित पेशेगत, लिंगगत मूल्यों से बाहर खड़ा करता है। दारोगा भ्रष्ट न हो, उसमें संवेदनशीलता और ईमानदारी हो, वह नौकरी की आमदनी से अपना जीवन चलाता हो और स्त्रियों की शिक्षा और अच्छे रहन-सहन का तरफदार हो। उनके ओढ़ने-पहनने, खेलने- खाने, मन की करने, पाबंदी रहित जीवन जीने जैसी छोटी-छोटी मानवीय इच्छाओं के दमन की जगह उन्हें संतुष्ट करने की बात करता हो तथा अपनी बेटियों को इसी तरह पालता भी हो, यह एक आधुनिक दृष्टिकोण वाला व्यक्ति ही कर सकता है। दारोगा कृष्णचंद्र एक साधारण आमदनी वाले पेशे से ताल्लुक रखने वाले शिक्षित और सभ्य इंसान के रूप में चित्रित किए गए हैं, जिन्होंने मोटी मोटी किताबें पढ़कर स्त्रियों की आज़ादी की बात करना नहीं सीखा बल्कि समाज सुधार के पुरोधों द्वारा चलाए जा रहे आंदोलनों को व्यवहार में अमल करना चाहा।

पुलिस का पेशा आम तौर पर पितृसत्तात्मक मूल्यों और पुंसवादी व्यवहार के लिए जाना जाता है। वहाँ शक्ति, शरीर और मर्दानगी का रोब और दबदबा होता है, इसके बिना काम नहीं चल सकता। लेकिन ऐसे पेशे में रहकर मर्दानगी और ताकत की जगह दारोगा कृष्णचंद्र के व्यवहार में ईमानदारी और संवेदनशीलता को फोकस करना, नए आधुनिक मूल्यों को पसंद करना है। यानि ईमानदारी को भी 'शक्ति' के तौर पर देखा जा सकता है! यह लेखक के भिन्न किस्म के नजरिए को व्यक्त करता है। उपन्यास के कथानक में नए आधुनिक सुधार आंदोलनों के प्रभाव से स्त्री जीवन में आए बदलावों, स्त्री से जुड़े मसलों पर कानून में तब्दीली आदि के बरक्स समाज के व्यवहार की एकदम उलट दिशा का भयावह अंतरविरोध दिखाया गया है जिसके आगे दारोगा कृष्णचंद्र की लाड़ से पत्नी, सभ्य, सुसंस्कृत बेटियाँ सुमन और शांता के जीवन की बलि चढ़ जाती है। कहानी स्त्री के साथ सामाजिक जीवन में बराबरी के व्यवहार और उन्हें सम्मानपूर्वक जीने के मानवीय अधिकार की चिंता से आरंभ होती है। समाज सुधार आंदोलनों और कानून की धाराएँ कैसे समाज के सामान्य लोगों के जीवन की सचाई से अलग-थलग रहती हैं और समाज अलग ही व्यवहारिक नियमों से चलता है, प्रेमचंद ने दारोगा कृष्णचंद्र और उनके परिवार के माध्यम से व्यक्त किया है।

संभवतः ईमानदार आदमी के भ्रष्टाचार के सामाजिक दुष्परिणाम पर लिखा गया यह पहला उपन्यास है। स्वयं प्रेमचंद की एक कहानी है, 'नमक का दारोगा', उसमें वे पुलिस महकमे को भ्रष्टाचार का अड्डा बताते हुए मासिक वेतन और ऊपर की आमदनी का फलसफा पेश करते हैं कि मासिक वेतन पूर्णमासी का चांद है जो महीने के आखिरी तारीख तक घटते-घटते समाप्त हो जाता है जबकि ऊपरी आमदनी कृष्णपक्ष के चंद्रमा की तरह है जो बढ़ता ही रहता है। ऐसे महकमे में ईमानदारी को एक बड़े मूल्य की तरह स्थापित करना और दारोगा कृष्णचंद्र को घर और बाहर मानवीय मूल्यों से संचालित दिखाना- एक नया विमर्श तैयार करना है। पुलिस व्यवस्था, अमूमन जिस काम के लिए बनाई गई है, उसके लिए जानी नहीं जाती। यानि गरीबों-मजदूरों के हितों की रक्षा करना, न्याय को सुनिश्चित करना उसका काम नहीं रह गया है। आज़ाद भारत में भी आम आदमी, गरीब और वंचित, पुलिस, थाने और कचहरी से कतराते हैं, वहाँ उन्हें न्याय मिलने की आशा नहीं होती। स्त्रियों के साथ दुर्व्यवहार के लिए बदनाम इन जगहों पर बिना घूस दिए कोई काम नहीं होता, ऐसे में दारोगा कृष्णचंद्र जैसे ईमानदार अफसर मूल्यवान हो जाते हैं।

दूसरी महत्वपूर्ण सामाजिक कुरीति जो इस उपन्यास की नायिका सुमन के पिता दारोगा कृष्णचंद्र और उसकी बहन शांता तथा माता के लिए अभिशाप सिद्ध होती है, वह है दहेज प्रथा। सभ्य और सुशीक्षित, गुणवान लड़की के विवाह के लिए लिए भी मोटे दहेज का इंतजाम करना होता है। स्त्री के प्रति संवेदनशून्य और जड़ सनातन हिंदू परिवारों में उन्नीसवीं शताब्दी के समाज सुधार आंदोलनों और नए आधुनिक विचारों की हवा तक नहीं पहुँची है। प्रेमचंद यहाँ 'हिंदी नवजागरण' की पोल खोल कर रख देते हैं। हमारे सामाज सुधारकों, चिंतकों और बौद्धिक वर्ग के काम और चिंतन का, हिंदी भाषी समाज में असर दिखाई नहीं देता है! समाजिक व्यवहार अलग दिशा में गतिशील है।

तीसरी महत्वपूर्ण स्थापना जिसकी पृष्ठभूमि प्रेमचंद उपन्यास के आरंभिक अर्द्धांश में निर्मित करते हैं, वह है स्त्री के सम्मानपूर्वक जीने के अधिकार का प्रश्न। यह अत्यंत महत्वपूर्ण प्रश्न है जिसे प्रेमचंद हर पहलू से खोलकर देखते हैं और घर और समाज की भूमिका की आलोचना करते हैं। एक घर का मॉडल- उपन्यास की नायिका सुमन के पिता का घर है, दूसरा- उसके पति का घर है। दोनों में तीव्र अंतरविरोध है। सुमन दो बहनों ही हैं, दारोगा कृष्णचंद्र के कोई पुत्र नहीं है, न ही उपन्यास में दारोगा या उनकी पत्नी को पुत्र न होने के दुख में गलते दिखाया गया है। परिवार में पिता हैं लेकिन पितृसत्तात्मक व्यवहार नहीं है। कोई दवाब नहीं, रोक-टोक नहीं, इच्छाओं पर बंधन नहीं, लड़की को वस्तु समझने की दृष्टि नहीं, कोई शर्क या शुबहा, नैतिकता या स्त्री-शिक्षा का पाठ भी नहीं। लेकिन ससुराल में दोहाजू, शंकालु, झूठी मान-प्रतिष्ठा के नियमों जो अंततः स्त्री पर पाबंदी के रूप में लागू होते हैं, से बँधा पति मिलता है। जिससे सुमन का किसी भी तरह का, वैचारिक या अवस्था का, मेल नहीं है। प्रेमचंद स्त्री के जीवन की त्रासदी यहाँ से दिखाते हैं। वे इस उपन्यास के अंत में लिखते हैं कि यदि स्त्री को उसके अपने घर में इज़्जत मिल सके तो वह बाहर क्यों जाए!

प्रेमचंद एक और महत्वपूर्ण सवाल खड़ा करते हैं- स्त्री के लिए 'घर' और 'बाहर' का सवाल। घर - जो स्त्री का निजी स्थान है और यह उसके जीवन और गतिविधियों के लिए समाज द्वारा निर्धारित महत्वपूर्ण क्षेत्र भी है; 'बाहर' - जो सार्वजनिक क्षेत्र है, और समाज द्वारा बहुत ज़्यादा स्त्री का क्षेत्र नहीं माना जाता। यहाँ स्त्री की सीमित भूमिका बताई गई है। सार्वजनिक क्षेत्र की पहचान और कार्यविधि पुरुष की गतिविधियों, रुचि और हित से बनती रही है। नए आधुनिक समाज में स्त्री की भूमिका सार्वजनिक क्षेत्र में कैसी होगी- यह बहसतलब है। प्रेमचंद अपने पहले उपन्यास में इस बहस को भी खोलते हैं।

फिर भी यह सवाल दरपेश है कि 'सेवासदन' की रचना क्यों और किस उद्देश्य से? दरअसल उपन्यास की पूरी संरचना को देखें तो सुमन के प्यार को पाने लायक 'सेवासदन' में एक भी पुरुष नहीं! गजाधर - जो उसका पति है और सदन- जो उसका प्रेमी- दोनों में से कोई नहीं। जहाँ से सुमन उपन्यास में दाखिल हुई और जहाँ उसने उपन्यास से विदा ली है, उस ग्राफ को देखें तो यह बात समझने में आसानी होगी। फिर भी वह सबसे ज़्यादा कष्ट पाती है और अपने संपर्क और रिश्तेदारों के कष्ट का कारण बनती है। जितना कष्ट और जितनी प्रताड़ना उसके जीवन में आई, वह उसकी अधिकारी नहीं थी। वह एक सभ्य, सुसंस्कृत, सलीकेदार और सुंदर महिला थी जो किसी भी भले परिवार का गौरव हो सकती थी। पर ऐसा हुआ नहीं। उसका कारण क्या है? मोटे तौर पर जैसाकि एक जगह लेखक ने सुमन के प्रसंग में एक शब्द 'लालसा' का प्रयोग किया है, यह मान लें कि वह इसकी शिकार थी और इस कारण उसकी यह दुर्दशा हुई, वह 'कुलीना' से 'पतिता' हुई? लेकिन नहीं, अगर प्रेमचंद ऐसा सोचते तो यह कतई नहीं लिखते कि "सुमन का जीवन सुख में कटा था। उसे अच्छा खाने अच्छा पहनने की आदत थी।" [1, p.16]

सुमन के जीवन की बर्बादियों के लिए सबसे पहले पंडित पद्म-

सिंह शर्मा, वकील स्वयं को जिम्मेदार मानते हैं। पहले वे समाजसुधारक विट्टलदास और सुमन के पति गजाधर को इसके लिए जिम्मेदार मानते थे लेकिन सुमन से बाग में टहलते समय मुलाकात में जब सुमन ने बताया कि वह पद्मसिंह शर्मा को क्या समझती थी और उनके घर में हुए भोली के नाच ने उसके दिल पर क्या असर किया और जब देर रात वह उस कार्यक्रम से घर पहुँची तो गजाधर ने उसके लिए घर के दरवाजे बंद कर दिए थे, एक छोटी सी पोटली के साथ घर से दुत्कार कर निकाल दिया था। इसके बाद वह कहने को अपनी सखी सुभद्रा के 'घर' पर, लेकिन असल में पद्मसिंह के 'घर' पहुँची। और तब पद्मसिंह ने के द्वारा वह एक बार फिर सामाजिक बदनामी के डर से 'घर' से निकाल दी गई। अगर पद्मसिंह ने उस समय उसे आश्रय दे दिया होता तो सुमन की कहानी कुछ और होती।

सुमन साफ कहती है कि "मेरे मन में नित्य यही चिन्ता रहती थी कि यह 'आदर' कैसे मिले।" [1, p. 86]

दिलचस्प बात है कि इस उपन्यास में सुमन की बर्बादी के लिए पिता दारोगा कृष्णचंद्र, पति गजाधर, मामा पंडित उमानाथ, सहेली के पति और कुछ कुछ मित्र, पंडित पद्मसिंह शर्मा, समाजसुधारक-ब्राह्मण कन्या उद्धारक पंडित विट्टलनाथ—सभी अपने अपने को किसी न किसी रूप में जिम्मेदार मानते हैं। हालांकि सुमन का अपने विवाह के बाद प्रेमचंद के शब्दों में "अपनी माता के प्रति हृदय हृदय फट चुका था" लेकिन वह कहीं भी अपनी माता को अपने दुर्भाग्य के लिए जिम्मेदार नहीं ठहराती। पूरे उपन्यास में केवल सदन ही है जो शांता या सुमन के प्रति हुए अन्याय की जिम्मेदारी किसी तरह अपने पर नहीं लेता! [1, p. 201] वह समाज को जिम्मेदार ठहराता है।

पंडित पद्मसिंह शर्मा लोकनिंदा के भय से निराश्रय सुमन को घर से निकालते हैं। सुमन के शब्दों में प्रेमचंद मध्यवर्गी की इस क्लीवता को धिक्कारते हुए कहते हैं- "लोकनिंदा का भय इसलिए कि वह कुमार्ग से बचाए, अगर वह कर्तव्य मार्ग में बाधक तो कोई मूल्य नहीं।" [1, p. 202] वही पद्मसिंह जो अपने सिद्धान्तों और लोकनिंदा से रक्षा के नाम पर निराश्रिता सुमन को घर से जाने को कह देते हैं, वे अपने भतीजे के विवाह के अवसर पर निश्चय करके भी अपने सिद्धान्तों का पालन नहीं कर पाते।

विवाह क्या है? भाई मदनसिंह को समझाते हुए पंडित पद्मसिंह कहते हैं, "विवाह एक धार्मिक व्रत है, एक आत्मिक प्रतिज्ञा है। जब हम गृहस्थाश्रम में प्रवेश करते हैं, जब हमारे पैरों में धर्म की बेड़ी पड़ती है, जब हम सांसारिक कर्तव्य के सामने अपने सिर को झुका लेते हैं, जब जीवन का भार और उसकी चिंताएँ हमारे सिर पर पड़ती हैं; तो ऐसे पवित्र संस्कार पर हमें गाम्भीर्य से काम लेना चाहिए। शिक्षा का कम-से-कम इतना प्रभाव तो होना चाहिए कि धार्मिक विषयों में हम मूर्खों की प्रसन्नता को प्रधान न समझें।" [1, p. 114] स्त्री के लिए विवाह क्या है? प्रेमचंद लिखते हैं, स्त्री के लिए "विवाह, भाँवर या सेन्दुर-बंधन नहीं, केवल मन का भाव है।" [1, p. 174]

सुमन कहती है कि वह सहानुभूति की भूखी थी। [1, p. 95] वह घर से निकलकर परिश्रम करना चाहती थी। लेकिन वेश्या जीवन चुनने के लिए अपनी कुचेष्टाओं को दोष देती है। वह पंडित पद्मसिंह शर्मा को किस प्रकार स्नेह और आदर करती थी यह प्रेमचंद के इसी वाक्य से पता चल जाता है, "किसी ग्रंथकार से पूछिए कि वह एक निष्पक्ष समालोचक के कटुवाक्यों के सामने विचारहीन प्रशंसा का क्या मूल्य समझता है।" [1, p. 94]

ध्यान रहे सुमन समाज और परिवार द्वारा अपने प्रति किए गए अन्यायों को अंत तक माफ नहीं कर पाती। मध्यवर्गीय समाज में ईमानदारी जैसा आधुनिक मूल्य बनने के पहले ही क्षरित हो जाता है। उसे भ्रष्ट कर दिया जाता है और कोई भी अंत तक बिना क्रीमत चुकाए इससे बच नहीं सकता। यह नया उभरता पूँजीवादी मूल्य है। नए विकसित हो रहे

पूँजीवाद ने सामाजिक जीवन को दो चीजें उपहार में दीं। 'भ्रष्टाचार' और 'वेश्यावृत्ति'। पूरा योरोप इससे ग्रसित हुआ। साम्राज्यवाद के अंतर्गत भी यह सब एक मूल्य बनकर उभरा। ये नकारात्मक मूल्य थे जिनकी गिरफ्त में पूरा समाज था। लॉर्ड हेस्टिंग्स से लेकर कॉर्नवालिस तक और आज़ाद भारत में भ्रष्टाचार – एक बहुत बड़ा मूल्य है जो मुक्तिबोध के शब्दों में पूँजीवाद से नाभिनालबद्ध है।

सुमन और लगभग सभी स्त्रियों का प्रच्छन्न और प्रत्यक्ष अनुभव है कि उन्हें विश्वास, सहानुभूति और सम्मान समाज में कहीं नहीं मिलता। न घर में न बाहर। सुमन के जीवन में दो व्यक्ति आते हैं और दोनों ही उसके प्रेम के योग्य नहीं हैं। उसका उसके पति से जो न केवल उसकी देह बल्कि आत्मा का भी स्वामी अपने को मान बैठा था, विश्वास का संबंध नहीं था। इसी तरह सुमन को पहली बार पुरुष रूप यानि पुरुष की देह-रूप में किसी से प्रेम होता है तो वह सदन था। प्रेमचंद कहते हैं कि "कल्पित सही पर यह प्रेम सच्चा था।" [1, p. 97] लेकिन कुछ दिनों में ही हकीकत सामने थी, यह मंडी में मिला हुआ प्रेम था- जिसमें विश्वास का एकदम अभाव था। सुमन के लिए गजाधर मूल्य निर्णय करता है- "जिसने अपने पति को त्याग दिया, वह दूसरों से क्या प्रेम निभा सकती है?" [1, p. 103]

अपने एक निर्णय के कारण वह सारा जीवन कष्ट पाती है। प्रेमचंद अंत में उसके लिए सुख सम्मान की दुनिया बना देते हैं और वह अपने जानने वालों और समाज में अपनी सेवा और त्याग के बल पर आश्रय पाती है।

सवाल है कि स्त्री की यौनिकता के प्रश्न पर समाज की नैतिकता का दारोमदार क्यों टिका हुआ है? प्रेमचंद जब गजाधर (सुमन के पति) और सुमन का लंबे विद्योह के बाद मिलन करवाते हैं तो गजाधर के मन में सुमन के लिए यौन आकर्षण पैदा होता है, लेकिन वह उससे भागता है। सुमन के मन में ऐसे किसी भाव के आने या लेखक के द्वारा प्रकट किए जाने से पाठक के लिए उसकी स्वीकार्यता में बाधा होती। स्त्री को यौनिकता का त्याग करके, इच्छाहीन और कामनारहित होकर ही समाज में प्रतिष्ठा मिल सकती थी। प्रेमचंद यही करते हैं। सुमन कहीं से भी उपन्यास में विद्रोही नहीं है। वह एक भटकी हुई स्त्री है, भोग विलास और सुख पर जान देने वाली, जैसी जालपा [2, Premchand] थी।

'सेवासदन' में एक नए किस्म की परिवार व्यवस्था है जो शहर की है और जिसकी आमदनी सीमित है, पर जो गरीब नहीं है। लेकिन यह परिवार व्यवस्था अपने निम्न मध्यवर्गीय पहचान को छोड़ कर उच्च वर्ग में शामिल होने की होड़ में थी। वह सुमन, जालपा या सुखदा कोई भी हो। जहां स्त्री स्वयं अर्जित कर रही है, वहां वह भोग भी कर रही है और विचार तथा निर्णय के अधिकार भी रखती है, मसलन् मालती। [4, Premchand]

यह उपन्यास स्त्री जीवन से जुड़ी समस्याओं पर लिखा गया है न कि वेश्या समस्या पर ! वेश्या समस्या पर प्रेमचंद की दृष्टि क्या है? प्रेमचंद जिस समय 'सेवासदन' लिख रहे थे, उस समय बनारस और में वेश्याओं को शहर से बाहर करने की सरकारी मुहिम चला रही थी। कुछ समाजसुधारकों का मानना था कि वेश्याएँ समाज की गंदगी ढोने वाली नालियाँ हैं और इन्हें शहर के बाहर होना चाहिए। प्रेमचंद यह सब नज़दीक से देख रहे थे लेकिन यह कहना कि वेश्याओं की समस्या को लेकर यह उपन्यास लिखा गया ग़लत होगा। वेश्याओं की समस्या पर उपन्यास को केन्द्रित करने के लिए जिस तरह से बड़े पैमाने पर इस समस्या को विवेचित करने की जरूरत होती, वह प्रेमचंद के इस उपन्यास में दिखाई नहीं देती। प्रेमचंद इस पक्ष को उठाकर कि कोई स्त्री वेश्या किन कारणों से बन सकती है, उसमें 'घर के अंदर और बाहर कौन कौन से कारण हो सकते हैं, दहेज को एक बड़ी समस्या के रूप में उभारते हैं। स्त्री के लिए 'घर' से निकलने के बाद 'बाहर' के सभी रास्ते बंद हैं, ऐसे में स्त्री के लिए

या तो 'घर' है अथवा 'चकलाघर'। लड़कियों को केवल वस्तु या देह मानने के कारण यह संकट है। उन्हें व्यक्तित्व के विकास के समुचित अवसर नहीं मिलने के कारण और बाहर के संसार में केवल एक देह के रूप में मांग होने के कारण वेश्या जीवन चुनना पड़ता है। प्रेमचंद लड़कियों की शिक्षा की हिमायत में हैं और "एक दुखी बाप" को लिखे गए पत्र में उन्होंने कहा—

"हमें तो इसका एक ही इलाज नजर आता है और वह यह है, कि लड़कियों को अच्छी शिक्षा दी जाए और उन्हें संसार में अपना रास्ता आप बनाने के लिए छोड़ दिया जाए, उसी तरह जैसे हम अपने लड़कों को छोड़ देते हैं। उनको विवाहित देखने का मोह हमें छोड़ देना चाहिए और जैसे युवकों के विषय में हम उनके पथ-भ्रष्ट हो जाने की परवाह नहीं करते, उसी प्रकार हमें लड़कियों पर भी विश्वास करना चाहिए। तब यदि वह गृहिणी-जीवन बसर करना चाहेंगी, तो अपनी इच्छानुसार अपना विवाह कर लेंगी, अन्यथा अविवाहित रहेंगी। और सच पूछो तो यही मुनासिब भी है। हमें कोई अधिकार नहीं है, कि लड़कियों की इच्छा के विरुद्ध केवल रूढ़ियों के गुलाम बनकर, केवल इस भय से कि खानदान की नाक न कट जावे, लड़कियों को किसी न किसी के गले मड़ दें। हमें विश्वास रखना चाहिए, कि लड़के अपनी रक्षा कर सकते हैं, तो लड़कियाँ भी अपनी रक्षा कर लेंगी।" [5, 260] यह दहेज की समस्या को दूर करने के संदर्भ में प्रेमचंद की एक समझ भी है। फैसला शिक्षित और आत्मनिर्भर होकर लड़की को करने दीजिए कि वह गृहिणी बनना चाहती है अथवा नहीं। इसमें एक आजकल की स्थिति को देखते हुए एक चीज और जोड़नी चाहिए कि पढ़ी-लिखी आत्मनिर्भर लड़की को स्त्री-चेतना से युक्त भी होना होगा, अन्यथा वह अपना दहेज खुद जोड़ने का एक जरिया बन जाएगी।

दहेज के प्रश्न को कहाँ से देखें, उपन्यासकार कैसे देख रहा है, वहाँ से यह सवाल खुलता जरूर है पर वह अंतिम सिरा नहीं है। उपन्यास में बहुत कुछ प्रतीकात्मक तौर पर आता है। दहेज के कुछ पहलू जो उपन्यास में आते हैं और कुछ नहीं आते हैं, आलोचना उन पक्षों से शुरू होनी चाहिए जो नहीं आते।

जो लोग दावा करते हैं कि वे प्रेमचंद की परंपरा में आते हैं, उनसे पूछा जाना चाहिए कि दहेज पर हिंदी में साहित्यिक पत्रिकाओं के कितने अंक निकाले गए? कितनी संगोष्ठियाँ हुईं? भारत में हर तीस मिनट में एक लड़की दहेज प्रथा के कारण मारी जाती है? भ्रूण हत्या का कारण भी दहेज और संपत्ति ही है। प्रश्न है कि दहेज के सवाल को आलोचना ने क्यों नहीं उठाया? आँखों के सामने दहेज दिया लिया जा रहा है, लड़कियाँ छोड़ी और जलाई जा रही हैं, पर आलोचकों को वह दिखाई नहीं देता। वह प्रेमचंद की रचनाओं में केवल किसान देखता है और वाह वाह करता रहता है।

दहेज के प्रश्न का केन्द्र में न आना इस बात का द्योतक है कि समाज और साहित्य खासकर आलोचना --दोनों में स्त्री चेतना का गहरा अभाव है। आलोचना एक खास तरह की रूढ़िवादी पैटर्न पर चल रही है। रूढ़िवादी पैटर्न यह है कि थोड़े बहुत हेर फेर के साथ जो प्रेमचंद ने लिखा है, उसीको बता दिया जाए। जबकि आलोचना का काम लेखक ने जो लिखा है, वह बताना नहीं है। न ही जो कुछ कृति में लिखा है उसकी पुनरावृत्ति करना है। आलोचना की पहली चुनौती है कि वह रूढ़ियों के बाहर निकले। हिंदी की आलोचना अभी भी रूढ़ियों में फंसी हुई है। वेश्यावृत्ति और हृदय परिवर्तन, प्रेमचंद के इस उपन्यास का लक्ष्य नहीं है। उपन्यास के पूरे फलक में ये दो चीजें बहुत कम स्पेस घेरती हैं। यहाँ स्त्री के स्पेस और उसकी इच्छा का प्रश्न है। यह देखा जाना चाहिए कि प्रेमचंद स्त्री के मन और उसकी इच्छा को कैसे देखते हैं।

सामाजिक प्रश्न जो स्त्री के प्रश्न हैं, स्त्री के शरीर और मन के प्रश्न हैं, वह आलोचक के दिमाग में क्यों नहीं आते? लेखक के दिमाग में तो आते हैं पर आलोचक वहाँ नहीं देखता। प्रेमचंद तो जिक्र करते हैं कि सुमन का मन किन चीजों में लगता है और किन किन चीजों में नहीं लगता है। लेकिन आलोचक इन जगहों को क्यों नहीं देख पाता? इससे पता चलता है कि रचना और आलोचना के बीच बहुत बड़ा गैप है, जिसे विभिन्न तरह के कृत्रिम वैचारिक मुद्दों को आलोचना में उठाकर ढका गया है।

Reference:

1. प्रेमचंद, सेवासदन (1919), सरस्वती प्रेस, इलाहाबाद, दिल्ली
2. प्रेमचंद, गबन, साहित्यागार, जयपुर, 1987
3. प्रेमचंद, कर्मभूमि (1932), हंस प्रकाशन, इलाहाबाद, 1981
4. प्रेमचंद, गोदान (1936), सरस्वती प्रेस, दिल्ली, इलाहाबाद, संस्करण 1988
5. राय, अमृत, प्रेमचंद विविध प्रसंग (1962), हंस प्रकाशन, इलाहाबाद, 1980
6. शुक्ल, रामचंद्र, हिन्दी साहित्य का इतिहास, नागरी प्रचारिणी सभा, काशी, नागरी प्रचारिणी ग्रंथमाला-53, चौदहवाँ पुनर्मुद्रण, संस्करण सन् 1962

About the author:

Singh Sudha, Ph.D, Professor in Media Journalism and Translation, University of Delhi, Delhi, India, Singhsudha.singh66@gmail.com

Об авторе:

Сингх Судха, доктор философии, профессор журналистики СМИ и перевода, университет Дели, Дели, Индия, Singhsudha.singh66@gmail.com

УДК 811.111

Джан Содзюн

Использование семиотики перевода при освоении словарного запаса английского языка в колледже

Знаки играют важную роль в жизни людей, и каждый аспект человеческого общения полон значимых знаков. Изучение перевода с точки зрения семиотики ломает узкое представление о переводе, в результате чего возникает новое направление – семиотика перевода, значительно расширяющая возможности этого процесса. Благодаря использованию семиотики перевода появляются новые перспективы и парадигмы для соответствующих исследований. С точки зрения семиотики перевода в данной исследовательской работе анализируются полисемы английских слов, паронимы, абстрактные слова и реальные трудности студентов вузов в процессе усвоения английской лексики. Кроме того, чтобы улучшить методы изучения английского языка студентами университетов и повысить эффективность обучения, были предложены стратегии приобретения словарного запаса английского языка в сочетании с познанием.

Ключевые слова: семиотика перевода, изучение словарного запаса английского языка в колледже, познание, преобразование знаков

Zhang Suojun

Explanations on College English Vocabulary Acquisition from Translation Semiotics Perspective

Signs are the basis of human life, and every aspect of human communication is full of meaningful signs. The study of translation from the perspective of semiotics breaks the narrow sense of translation, resulting in a new field: translation semiotics with wide application. Due to its proposal, it brings new perspectives and paradigms for relevant studies. This research paper analyzes English polysemes, paronyms, abstract words and actual difficulties of university students in the process of English vocabulary acquisition from the perspective of translation semiotics. Additionally, English vocabulary acquisition strategies has been proposed combined with cognition in order to improve university students' English learning methods and improve the learning efficiency.

Keywords: translation semiotics; college English vocabulary learning; cognition; signs transformation

大学英语词汇学习之翻译符号学诠释

作者简介: 张锁军。呼伦贝尔学院外国语学院讲师，蒙古国研究大学语言学博士（在读）。中国内蒙古自治区呼伦贝尔市。

摘要: 符号是人类赖以生存的基础，人类交际活动的每个细节都充斥着具有意义的符号，从符号学的角度来研讨翻译则打破了狭义的翻译研究，翻译符号学由此产生。翻译符号学应用范围较广，其理论概念的提出为相关研究行展新的视域、转变新的范式，本文以翻译符号学为视角，以英语中的多义词、形近词和抽象词汇为例扼要分析大学生英语词汇学习过程中存在的实际困难与障碍，并结合认知规律提出英语词汇学习提升策略，以期改进我国大学生英语学习方法及提升学习效率。

关键词: 翻译符号学；英语词汇学习；认知规律；符号转换

1. 引言

符号与人类的生存与发展息息相关, 充斥在人类生活的各个角落, 一切人类社会活动的开展无一不需要借助于符号, 如: 思考、交谈、翻译、教学等, 所谓符号“是指任何可以用来表指并代替其他事物的东西, 而符号所代替的事物原则上不必出现或存在于现实世界的某一点上” [7, p.7]。理论上, 符号应是较为抽象的概念, 但却可以结合不同学科创造不同的研究领域, 更为科学的、理性的认知这个世界中的许多自然规律。而翻译学研究“目前已成为多门学科研究范式之集大成者” [1, p.74]。符号学与翻译学的结合形成了翻译符号学, 翻译符号学系符号学的具体化学科, 二者相互作用、互相促进、相互佐证, 翻译符号学的诞生以及相关理论的提出又为包括翻译研究和翻译教学在内的其他相关学科衍生了新的研究视域、转变了新的研究范式, 对于翻译研究而言具有重要的实际意义和应用价值。

文章以翻译符号学为视角, 关注英语中的多义词、形近词和抽象词汇学习过程中认知习惯与符号类型的转换之间的对应形式, 以此为例扼要分析大学生英语词汇学习过程中存在的实际困难与障碍, 并结合翻译符号学理论与认知规律提出英语词汇学习提升策略, 以期改进我国大学生英语词汇学习方法、提升英语词汇学习效率并对高校教师的英语词汇教学有所触动。此外, 望本研究可以推进翻译符号学多维度、跨学科等方面的研究, 促使其未来朝着更科学、更具体、更全面的发展。

2. 翻译符号学概述

符号学与翻译学的联姻预示着翻译符号学的形成, 二者的结合不是新鲜事, 国外的图里[9, p.12]、格雷[8, p.34-40]等学者均以不同形式提及翻译的符号学或者符号学翻译等相似概念, 在国内王铭玉[4, p.21-23; 5, p.1-10]、贾洪伟[3, p.90-100]等学者更进一步的界定了翻译符号学的概念与学科归属。所谓翻译符号学是指“翻译符号学为符号学门类下的分支学科, 系在符号学研究方法论指导下, 以符号学理论为依据, 使用符号学方法, 探讨翻译发生过程中的符号转换现象及其相关问题” [2, p. 96], 也就是说翻译符号学打破了常规的狭义的翻译研究行为, 从传统翻译二元观转换为多层面、多角度界定翻译行为, 翻译符号学不仅仅研究不同语言文字之间的翻译, 更以符号转换、文本再生、文本间性等为研究对象, 不仅关注多种语言符号之间的符号转换行为, 更关注同一种语言符号内部不同符号形式之间的转换行为, 这是一种跨学科活动, 即: 符号转换即为翻译, 如: 思想转换到语言的过程即看做是无形符号到有形符号的翻译过程。

翻译符号学在中国短短几年时间, 其发展较为可观, 笔者行文时利用读秀学术搜索引擎以“翻译符号学”为全部字段进行检索, 共检索到期刊1334篇, 主要集中在翻译符号学概念界定、学科内涵阐释等重要且基础定义定位阐释领域, 结合翻译符号学理论对台本、剧本等具体文本分析也有所谈及, 这也符合其刚

刚建立学科的特性, 但其跨学科研究还不足, 有待于大幅提升。

3. 大学生英语词汇学习障碍

英语语法、词汇学习与英语语言文化是大学英语学习核心部分, 语法学习较为抽象, 但我国大学生在最初接触英语学习开始直至高中毕业阶段, 基本学完了常用英语语法, 大学阶段语法学习虽有加深但量不大。此外, 英语语言文化固然重要, 许多情况下文化知识可能会成为人际交往的重中之重, 但对于非英语专业的学生而言, 涉猎文化系统知识并不繁多。从这方面来说, 词汇学习意义与难度要超过前两者。

首先来看, 英语词汇学习无时无刻不在进行中, 贯穿着整个英语学习的始终, 无论在基础英语阶段还是到大学英语四六级考试再到考研英语, 词汇学习从未间断。以高等教育出版社《大学体验英语(第四版)综合教程基础目标上册》为例, 本册书共8个单元, 每个单元学生们基本要理解并掌握80-100个词汇和短语。此外, 在许多大学英语考试中, 词汇考查也占较大比重, 如大学英语四级考试, 要求学生掌握500左右的词汇及短语, 考试中听力、阅读、翻译和写作各部分的作答, 词汇给学生们带来的影响, 是得分最大的障碍。

大学生学得英语词汇大致通过如下几种方式: 课内学习、课外阅读以及日常生活积累。其中课内学习是最为主要的学习方式, 但是许多同学可以感受到, 学过的单词、背过的词汇再用到时会对其释义感到模糊不清, 有些词汇或短语意思记不住, 或者难以却分与其拼写相似词汇等, 现就常见英语词汇学习障碍总结如下:

3.1 多义词词义记忆障碍

任何一种语言都不能一个词汇仅代表一个释义, 一般都会将相似释义或者相关联的释义集合在一个单词上, 既方便记忆又方便使用, 多义词由此产生。一个词具有相似释义较为容易记忆, 如: captain一词, 中文释义为“队长, 列车长, 小组长等”。但是有些多义词的不同释义之间是按照词源或英语语言习惯逐渐发展、形成, 母语为英文的语言使用者较为容易掌握其中关联, 如: capital一词, 中文释义为“资本, 大写字母, 首都”等, 这类词汇对于母语为中文的学习者来说如果不是深入了解英语历史与文化, 则很难联想到不同词义之间的任何关联, 依照常规的认知习惯来记忆, 其障碍明显, 从翻译符号学来讲即: 很难将各个词义转换并翻译为具备直观联系的母语语言符号。

此类障碍常常表现在具体语言使用时, 不知道该词汇适用于什么样的语境, 从而降低语言表达准确度; 或者在上下文理解不清楚时, 不知道应选择这类词汇的哪个释义, 从而对句意乃至段落意思整体把握存在障碍, 阻碍阅读、写作等能力的提升。如“The capital sunk in it is fabulous in amount”, 到底是在说“投入资本的数量十分惊人”还是“首都的沦陷令人十分震惊”, 如果上下文背景知识理解不准确, 读者就很难依据语境来对此做出准确判断, 最终导致整个文本理解偏差。

3.2形似词词义区分障碍

形似词指那些拼写较为接近的词汇，这类对于大学生的英语学习同样能够造成很大困扰。如distribute, attribute和contribute, 三个词汇的主要中文释义分别为“分配”“归属”和“贡献于”，从意思上看，三个词汇关联度不大，但是拼写较为接近。再如claim, acclaim和declaim, 三者均有说话、表达之意，claim意为“声称，索取，认领”，acclaim意为“称道，赞誉”，而declaim则是“申诉，强烈抗议”的意思，词义都与说话相关，但看来说话的方式和侧重点差别很大，这类形似词更难加以区分，不但拼写接近，词义也较为接近，对学生们词汇认知和记忆造成明显障碍，即：语言符号转换混淆。

形似词词义区分障碍最主要表现在阅读理解时，读到学过或背过的形似词时看似熟悉却不知其准确释义，上下文中如出现几个类似词汇，学生们则很难把握整个阅读材料的主旨大意，导致理解偏差，甚至完全不知其所云。如“The world’s youngest and arguably most beautiful-queen, Queen Rania is garnering increasing international acclaim for her modern approach to presiding over a traditional Arab nation.”，此句中的王后到底是得到了国际的赞赏还是受到强烈抗议？对于那些原本对词汇释义掌握情况一般的同学来说，其造成的理解障碍不言而喻。

3.3抽象词汇词义记忆障碍

抽象词汇是相对于具体词汇而言，很多学生在词汇学习中都会觉得抽象词汇记忆起来较难，而具体词汇较为容易。如table一词，学生们很容易将其释义转换为熟悉的书桌或者表格作为其“对应物”，动词attack也很容易按照认知规律，将其转换为“对应物”“袭击，攻击”。但是对于抽象词汇，如implication，则很难转换为合适的“对应物”。从翻译符号学的角度来看而具体词汇学生可以较为顺利地实现语言符号到非语言符号的转换和翻译，这是人类大脑正常认知的规律。而对于抽象词汇而言，将其转换为大脑当中的非语言符号时，很难找到与之匹配的清晰图像，使得学习过程较为模糊，导致记忆不清楚。

人类的认知规律是容易接受熟悉的、简单的事物，而忽略困难的、陌生的事物，这一点就表现在阅读理解时由于抽象词汇出现甚至是高频出现导致反复阅读同一语句却得不到任何有用的信息，在听力理解时听到似曾相识的抽象名词却根本想不到其准确释义。

4. 英语词汇学习提升策略

从翻译符号学的视角看词汇习得的过程，是不同符号间的转换和翻译过程。依据大学生学习习惯、认知习惯和母语影响等多方面综合因素，笔者认为当代大学生在学习英语词汇时要关注以下几点：

首先，提升语言符号形成背景知识及词源文化知识。机械的死记硬背单词，其效果往往不理想，特别是针对于多义词而言。而词源知识是一个单词形成、发展、变化过程的记录，与文化息息相关，学习英语

就是要深入其文化，以英语语言文化为切入点来认知词汇释义，历时地看待多义词之间不同释义的关联性。也就是说，在识记单词时，学生们可以先观察多义词的各个释义。然后，需要查阅资料了解多义词词源背景知识，并在语言符号转换并翻译成大脑中记忆中的非语言符号时将其有效添加，整个认知过程可大致描述为图1所示：

图1：英语多义词识记思维导图

这样的词汇认知过程不仅可提高多义词不同释义的区分度并可以以此提高词汇输出的应用准确率。

其次，识记词根符号与词缀符号内涵。对于形似词而言，大多数都是基于词根添加词缀或其他词根变化而来，词根的意思相对较为确定，不同的词缀或其他词根释义差别导致整个单词词义的变化，这也就解释为什么有许多形似词词义也比较接近的原因。因此，在识记单词过程中，学生们需认知词根符号和词缀符号的根本含义，将其作为形似词汇的“解释项”，并了解其常见的组合方式，从而进一步分析词汇形成过程从而提升形似词语言符号转换成大脑中认知、记忆的非语言符号的逻辑性和系统性来加强记忆效果，整个认知过程可大致描述为图2所示：

图2：英语形似词识记思维导图

最后，明确语言符号翻译为非语言符号时符号信息的对应关系。抽象词汇记忆的难点在于其没有直观的“对应物”与之匹配，容易将其释义模糊化记忆，降低了记忆认知效果和记忆输出使用效果。那么，考虑到常见的认知习惯和思维规律，可以通过明确语言符号转换为非语言符号时符号信息的对应关系来提升记忆效果。“Personal or individual connotations may vary greatly, because people differ in their experiences and hence their emotional responses to a word may not be the same.”[6, p.55], 词汇的外延义可以因人而异，需要结合个人的经历、情感等综合因素加工而来，抽象词汇由语言符号转换为非语言符号时也需因人而异来“加工”，因此在识记英文抽象词汇时，可以根据学生自身经历、喜好或认知能力来个性化的确定抽象词汇的对应物或对应语境，即：将抽象的语言符号转换成具体的非语言符号，以此来强化抽象词汇释义在大脑中的认知效果，最终达到识记单词并灵活、准确运用的目的，整个认知过程可大致描述为图3所示：

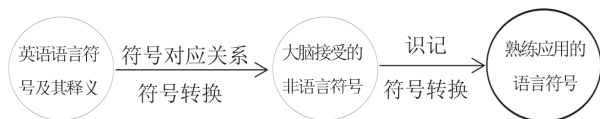

图3: 英语抽象词汇识记思维导图

5. 结语

翻译符号学是一门新生学科，它的诞生不仅为翻译研究开辟了新的领域、拓展了新的思路，更为人类认知这个符号世界创设了新的观测点，以翻译符号学为理论视角，从符号转换角度阐释英语词汇习得与

认知过程，有助于进一步了解并深入分析大学生英语词汇学习全过程，并以此为背景针对多义词词义记忆障碍、形似词词义区分障碍和抽象词汇词义记忆障碍提出相应学习方法及提升策略，即：提升语言符号形成背景知识及词源文化知识、识记词根符号与词缀符号内涵、明确语言符号翻译为非语言符号时符号信息的对应关系。望本文可以为大学生英语词汇学习以及高校教师的英语词汇教学探索有所帮助并对翻译符号学进一步朝着多维度、跨学科等方面发展起到助推作用。

参考文献

1. 胡庚申.生态翻译学建构与诠释[M].北京:商务印书馆,2013:74.
2. 贾洪伟.翻译符号学的概念[J].外语教学,2016a(1):94-97.
3. 贾洪伟.建立翻译符号学的可能性[J].山东外语教学,2016b(3):90-100.
4. 王铭玉.翻译符号学刍议[J].中国外语,2015(3):21-23.
5. 王铭玉.翻译符号学的学科内涵[J].解放军外国语学院学报,2016(5):1-10.
6. 张秀国.英语修辞学[M].北京:清华大学出版社,北京交通大学出版社,2014:55.
7. Eco, Umberto. A Theory of Semiotics[M]. London: Indiana University Press, 1976:7.
8. Gorlee, D. L. Traduttore traditore: Semiotica de la traduccion [A]. In Antonio Chicharro Chamorro & Antonio Sanchez Trigueros(eds.) Actas del III Simposio Internacinal de la Asociacion Andaluza de Semiotica [C]. Granada: Universidal de Granada. Microfiche, 1990:34-40.
9. Toury, G. In search of a Theory of Translation [M]. Tel Aviv: Tel Aviv University,1980:12.

基金项目: 本文系2019年内蒙古自治区高等教育学会英语学科专项课题一般项目“信息技术环境下校本智能型大学英语网络教学平台构建与应用研究”(WY2019006-A)研究成果。

Об авторе:

Джан Содзюн, преподаватель, факультет иностранных языков, Хулунбуирского института, Хулунбуир, Китайская Народная Республика

УДК 811.111.26

Асратян Э.Д., Ци Ин

Концептуализация темы художественного произведения

Статья посвящена анализу концептуальной информации художественных текстов. Концептуальная информация рассматривается как предикация темы произведения к ее авторской интерпретации. Задача данного исследования заключается в том, чтобы показать, как концептуализация влияет на раскрытие темы произведения и с идеологической, и с эстетической точек зрения. В статье анализируются два произведения из современной британской литературы, объединенные общей темой деменции, которая абсолютно по-разному в них раскрывается. Авторы настаивают, что именно концептуализация «делает» художественное произведение, определяя его идеологические и эстетические приоритеты.

Ключевые слова: тема, идеологический и эстетический концепт, художественное произведение, предикация, деменция.

Asratyan Z.Dm., Qi Ying

Conceptualization of Literary Works Topics

Abstract. The article is devoted to the analysis of conceptual information of literary texts. Conceptual information is considered as a predication of the topic of a work of art to its author's interpretation. The aim of this study is to show how conceptualization affects the disclosure of the topic of a fiction work from both an ideological and aesthetic points of view. The article analyzes two works from modern British literature, united by a common topic of dementia, which is revealed in absolutely different ways. The authors insist that it is conceptualization that "makes" a work of art, defining its ideological and aesthetic priorities.

Keywords: topic, ideological and aesthetic concept, a literary work, predication, dementia

Многие исследователи обращали внимание на концептуальную обоснованность темы художественного произведения: Э. Гуссерль [2], Дж. Холтон [3] и многие другие. Разделяя эти подходы, в своих предыдущих работах мы рассматривали концепт художественного произведения как предикацию его темы к ее авторской интерпретации [1, с. 12].

Следует отметить, что художественное произведение делает именно концептуализация. Она обуславливает и его смысловое, и его эстетическое содержание. Одна и та же тема в зависимости от концептуальной позиции автора и нарратора приводит к созданию абсолютно разных произведений. Рассмотрим это на конкретных примерах произведений, раскрывающих одинаковые или похожие темы. Проанализируем с этих позиций рассказ С. Бекетта «Бах» (Beckett Samuel *Bing/Ping*) и роман Эммы Хили «Найти Элизабет» (Emma Healey *Elizabeth*

Is Missing), которых объединяет общая тема деменции.

Прежде всего, авторы выбрали разные формы передачи этого концепта: короткий рассказ и роман. Этим и объясняется тот факт, что тема произведения Э. Хили несколько шире и помимо главной темы включает в себя еще ряд подтем, которые, в какой-то мере, переключаются с главной темой.

В романе описано промежуточное состояние сознания пожилой женщины Мод, одержимой идеей найти свою пропавшую приятельницу. Ее размышления переключаются с воспоминаниями о пропавшей семьдесят лет назад сестре. Состояние деменции проявляется в том, что она забывает, что она хотела сделать или купить, поела ли она, о чем ее попросила дочь или социальный работник. Поскольку повествование идет от первого лица, т.е. от лица Мод, читатель также оказывается ограничен-

ным тем кругом возможностей, которыми располагает Мод. Поэтому он, читатель, также, как и Мод, недоумевает, куда же все-таки подевалась Элизабет, и только в конце романа понимает, что все это время, пока Мод искала следы Элизабет в ее доме, писала заявления в полицию и в газету о ее пропаже, Элизабет находилась в больнице. Выясняется, что эта информация просто не задерживалась в голове у Мод. Впрочем, как и многое другое. Так, например, придя в магазин, она достает листок бумаги, на котором записала, что собирается купить: *'Eggs, milk, chocolate. Eggs, milk, chocolate.'* I say the words but can't quite think what the things look like. (p. 7). Когда приходит ее дочь Хелен, Мод заявляет, что очень хочет пить, на что Хелен отвечает: *'No wonder... There was a line of cold cups of tea on the shelf in the hall.'* [5, p. 13].

Временами Мод забывает свой адрес, где она находится, с кем пришла, как это происходит с ней в магазине, в церкви. Она забывает, что надо делать с самыми обычными и привычными предметами: *... I look down at my tea and biscuits, uncertain what to do with them. I watch as a man takes two sugar lumps of his saucer, drops them into his tea and stirs. And, with a sign of relief, I do the same with my biscuits, stirring the pulpy mixture round and round* [5, p. 72].

Помимо забывчивости в поведении Мод наблюдаются вспышки неконтролируемой агрессии: *I rush over, yank the wire out of the wall and push the coffee table over, sending everything flying on to the carpet. ... I step on the glass and kick my alarm-clock across the room. I can feel the pulse in my neck beating, and there's a pressure building in my*

head. I close my eyes and shriek. ...Helen skirts round and puts her hands on my shoulders, but I through her off and hit out, catching her in the stomach. 'Get out!' I shout. 'Get out of my house!' [5, p. 13].

Некоторые поступки Мод не вполне понятны и напоминают поведение нашаливших детей. Так, Мод вопреки просьбе дочери и социальной работницы не покупать продукты и особенно консервированные персики, все-таки покупает несколько банок, а на вопрос дочери, зачем она это сделала, отвечает, что это не она купила их: *'Carla must have brought them.'* [5, p. 10].

Еще один аспект деменции Мод проявляется в том, что Мод не может уловить смысл шуток, которыми обмениваются ее дети и внуки: *My son is over from Germany with his wife and children. They're talking and laughing, their voices echoing over each other the way they do underwater. I can hear what they say – making jokes of some kind – but somehow I can't make the sentences fit together. I lose track* [5, p. 103].

Постепенно Мод перестает узнавать свою внучку и дочь. И даже присутствуя на похоронах Элизабет, она думает, что присутствует на свадьбе, и продолжает повторять, что Элизабет пропала.

Таким образом, концепт деменции в этом произведении веерно-множественный и может быть представлен на рисунке (Схема 1).

Автор отмечает в концепте деменции забывчивость, которая включает в себя вербальные, моторные и визуальные аспекты; неспособность полноценно воспринимать информацию (шутки, болезнь и смерть Элизабет); упрямство и агрессию. Однако эти проблемы, похоже, не

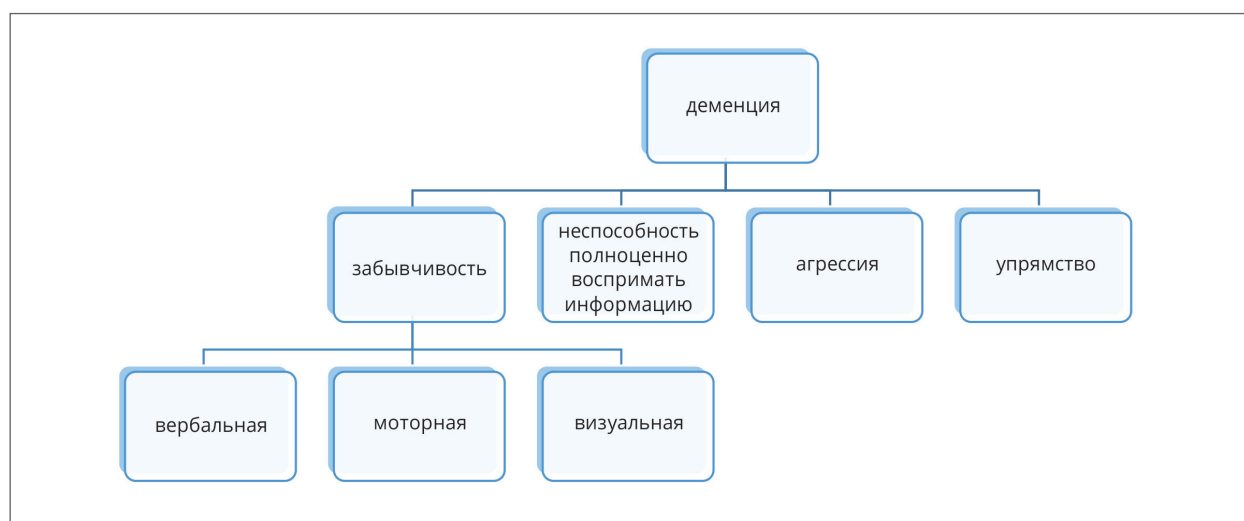

Схема 1

очень беспокоят Мод. К тому же ее физическое состояние вполне удовлетворительное.

Другое дело, герой рассказа С. Бекетта, который мы уже рассматривали. Он практически полностью неподвижен, и его мир ограничен крохотным пространством, окружающим его постель: *White walls one yard by two white ceiling one square yard never seen.* [4, p. 2]. Будучи физически полностью ограниченным в своих возможностях, он мучительно пытается хоть как-то удержаться в этом мире, зацепившись то ли за слова, которые рассыпаются, не образуя полноценных предложений, то ли за воспоминания, которые остаются последней нитью, связывающей его с жизнью. Это – тоже деменция, но осознаваемая и поэтому еще более трагичная.

Содержание произведения в определенной мере определяет его форму. Рассказ С. Бекетта с его рассыпающимися предложениями, алогичностью, минимализмом, фрагментарностью, разрушением причинно-следственных связей демонстрирует черты постмодернизма и абсурдизма и эстетическую связь с другими произведениями автора, о чем мы уже упоминали в предыдущих параграфах.

Что же касается романа Э. Хили, то в нем помимо нечетких хронологических характеристик, обусловленных состоянием нарратора Мод Стенли, также присутствуют элементы детектива с его загадкой преступления и стремлением эту загадку разрешить. Навязчивая идея Мод об исчезновении Элизабет, на самом деле связана с непроходящим стремлением Мод разгадать загадку исчезновения ее сестры Сьюки семьдесят лет назад. И одержимость Мод поисками якобы Элизабет наталкивают ее дочь на мысль, что ее мать ищет не Элизабет, а свою пропавшую сестру, что, в конце концов, и помогает найти останки Сьюки, которая была убита.

В обоих произведениях языковые образы нарраторов в силу их болезни не могут быть вполне надежным, поэтому семантическое, идеологическое, концептуальное пространство создается совместными усилиями языковых личностей нарраторов, авторов и читателей.

Таким образом, мы видим, что одна и та же тема может быть совершенно по-разному раскрыта в зависимости от идеологического и эстетического концептов автора.

Литература:

1. Асратян З.Д. Соотношение понятий семантики и информации в художественном тексте // Вестник Бурятского государственного университета. Вып 11. Романо-германская филология. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2011. С. 9–13.
2. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1). М.: – Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 200. – 576 с.
3. Холтон, Дж. Тематический анализ науки. – М., Прогресс, 1981, – 384 с.
4. Beckett S. *Modern British Short Stories* (ed-d by M. Bradbury). – Penguin Books, 1988. – P. 29–31.
5. Healey E. *Elizabeth Is Missing*. – Penguin, Penguin Books Ltd, 2014. – 275 p.

Об авторах:

Асратян Зоя Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент факультета иностранных языков Хулуьбуирского института, г. Хулуьбуир, Внутренняя Монголия, КНР, доцент Института дополнительного образования, ФГБОУ ВО «НГПУ», г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия, asratyan@mail.ru

Ци Ин, магистр в области лингвистики, доцент факультета иностранных языков Хулуьбуирского института, г. Хулуьбуир, Внутренняя Монголия, КНР, qiying_fd@163.com

УДК 811.111

Васеева Е.А.

Ядро английской терминологии специальной области «Заповедное дело»

Статья посвящена анализу ядерной части специальной терминологии заповедного дела. Данная профессиональная область глобально значима, и важным условием её функционирования на международном уровне является формирование, согласование и нормирование специальной терминологии. Одним из ключевых терминообразующих документов исследуемой области можно считать издание Международного Союза Охраны Природы «Guidelines for Protected Area Management Categories». Автор настоящей статьи выделено ядро данной терминологии, включающее около 200 терминологических единиц. В него входят названия категорий и типов охраняемых природных территорий, наименования характерных для них видов деятельности, специалистов данной сферы. Большинство из них образованы синтаксическим способом и представляют собой терминологические сочетания от двух до восьми элементов. Термины также образуются с помощью сокращения, сложения основ, контаминации, семантического сдвига (чаще всего – метафоры). Процессы создания терминов и формирования целостной терминосистемы исследуемой области отражают общие тенденции развития языка для специальных целей; в то же время, они имеют свои особенности. Изучение универсальных и специфических свойств терминологической лексики имеет большое значение как для лингвистической науки, так и для развития профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: терминология, специальная область, заповедное дело, термин, терминообразование

Vaseeva E.A.

English Core Terminology of Special Domain “Nature Conservation in Protected Areas”

The paper presents the analysis of the core part of the special terminology “nature conservation in protected areas”. This professional domain is globally significant, and an important prerequisite of its functioning on the international level is formation, coordination and normalization of the special terminology. One of the key term-forming document of the analyzed domain can be considered the IUCN publication “Guidelines for Protected Area Management Categories”. The author of this paper has outlined the core of the terminology that includes about 200 terminological units. It comprises the names for categories and types of protected nature areas, their specific activities, specialists of this sphere. Most of these terms are formed by syntactic pattern and are terminological phrases of two to eight elements. The terms are also created with the help of abbreviation, compounding, blending, and semantic transformation (mainly – metaphor). The processes of creating terms and formation of the integrated terminological system of the domain under research reflect common trends in the development of language for special purposes; at the same time, they have their own peculiarities. The study of universal and specific features of terminological lexis is of great importance both for linguistic science and for promotion of professional communication.

Key words: terminology, special domain, nature conservation in protected areas, term, term-formation

Contemporary special professional sphere of conservation in protected nature areas is of global importance and therefore has an international level. As all other spheres of human activity of the global level, it has developed a common language for communication between many countries of the world. This special professional language is based on English, it being the main tool of global communication.

The terminological system of nature conservation is complex and consists of a number of blocks reflecting the multi-functional activity of protected nature areas (PNAs). The research of this terminology has identified seven semantic blocks that constitute the whole system: biodiversity conservation, scientific research and monitoring, ecotourism and recreation in protected nature areas, environmental education, sustainable development, legal support of nature conservation, and management of protected areas [1, p.83]. These thematic blocks are reflected in the structure of the terminological dictionary published in 2016 [4]. The dictionary contains 2,306 English terminological units distributed among seven parts titled according to the above semantic blocks. The parts differ considerably in the numbers of the terms they contain; the largest part is "Scientific research and monitoring" – 1,723 units, the second largest is "Biodiversity conservation" – 220 units, the third one is "Management of protected areas" – 95 terms, the part "Sustainable development" includes 89 units, the part "Legal support of nature conservation" – 81, "Ecotourism and recreation" – 72, "Environmental education" – 26.

Applying the prototypical approach this system can be presented as a conceptual field having a core and peripheral zones.

"Each subject field has its own core terminology, which actually allows identifying the particular scientific technical domain. These terms usually possess a high degree of complexity, and are frequently used only within a particular scientific and technical field or its subfields. It means that these terms are context-independent within the particular field." [3, p.35]

The core of this terminological field is constituted by the terms peculiar to the sphere of protected nature areas activity. They include, first of all, the hyperonym or 'hyperterm' – (*especially*) *protected nature area* and the names of its categories, then – the terms nominating specific activities, objectives and functions of PAs,

specialists of this sphere. Totally the core terms of this special language amount to about 200 units. The greatest part of this number (around 115) is composed by the names of various kinds, types and categories of nature areas having different statuses and levels of protection (e.g. *national park, nature trail, marsh sanctuary, hunting preserve*, etc.), as well as the names of the sections of PNAs, such as *buffer zone, core zone, transition zone, tourist zone*. About 36 terms denote functions, activities and methods typical for PNAs.

Among the numerous names for types of PNAs there are six globally distinguished categories of PNAs (with one of them subdivided into two) identified by the International Union for Conservation of Nature (IUCN) in the *Guidelines for Protected Area Management Categories* published in 1994. This document can be considered term-defining, term-clarifying and, indeed, term-forming, as it gives precise and comprehensive definitions for the concept of the protected area and for the names of its categories – *strict nature reserve, wilderness area, national park, natural monument or feature, habitat/species management area, protected landscape/seascape, protected area with sustainable use of natural resources*. It goes without saying that preparation of this document was not an easy task, it took a lot of time and efforts in analyzing and coordinating different viewpoints, in specifying the concepts and in searching the most accurate wording for them. As Nigel Dudley states, "The first effort to clarify terminology was made in 1933, at the International Conference for the Protection of Fauna and Flora, in London" [2, p.3]. The conference was followed by some important conventions, commissions and publications that resulted in issuing in 1994 *The Guidelines* aimed "to reduce the confusion around the use of many different terms to describe protected areas; ... and generally to improve communication and understanding between all those engaged in conservation" [2, p.x].

Yet this intensive terminological work did not stop after the publication in 1994. It had been going on persistently with a number of projects, meetings, conferences, debates, and in 2008 an updated version of the *Guidelines* edited by Nigel Dudley went out. Clearly, this work on terms was going hand in hand with elaboration of the common approaches to nature conservation on the global level.

Structurally the overwhelming majority of the core terms are phrases consisting of two to eight words. But nearly 66% of the phrases include two elements, almost 17% have three elements, 7% - four elements, there are also 2 phrases of five elements and 2 phrases of six ones. Sixteen terms are separate words.

Obviously, the syntactic pattern of term formation – creation of terminological phrases – is predominant in the special field under study. Other patterns used for creating the terms are abbreviation, compounding, blending, semantic transformation.

A lot of terminological phrases in the field of nature conservation are formed around some pivot terms, such as *area*, *reserve*, *preserve*, *site*, *park*, *refuge*, *sanctuary*, *zone*. As we can see, all these lexemes have a very general meaning of some space, or tract of land, and can be used in many spheres. Specifying components added to them make the nomination accurate and relate it directly to this special field. So, there are 25 phrases with the pivot term *area*: *conservation area*, *habitat area of particular concern*, *habitat/species management area*, *shared governance protected area*, *research natural area*, etc.; 18 terms are formed around the pivot *park*: *wildlife park*, *national park*, *state park and forest*, *landscape park*, *environmental park*, etc.; 16 phrases are created with the pivot term *reserve*: *biosphere reserve*, *marine reserve*, *waterfowl reserve*, *strict reserve*, *scientific reserve*, etc.

Noteworthy that the term *specially protected nature area* exists in several variations of different length – one full variant of 4 elements and three shortened forms – *protected nature area* or *protected area*; besides, the phrase is abbreviated to SPNA or PNA. This is the illustration of the general tendency in special terminology – it is to nominate objects as precisely as possible but at the same time it has to be compact and convenient in use. As Platonova states, "... on the one hand, the tendency to link different meanings or different shades of meanings results in the production of multi-component terms. On the other hand, there is a global tendency for compression of information, which results in the production of many lexical variants, acronyms and abbreviations ..." [3, p.65] There are also such abbreviated terms - acronyms, as *BIS* (*Biological Information System*), *MAB* (*Man and Biosphere Program*).

Among compound terms of the field under discussion there are units linked into one word

(*wildlife*, *waterfowl*, *greenway*) and joined with a hyphen (*active-appreciative*, *bird-watching*, *visitor-centre*).

Blended terms are those formed from two components, one or both of which are clipped. In the special field of nature conservation in protected areas most of blends are created with the components *bio* (clipped from *biological*) and *eco* (clipped from *ecological*). In the core terminological system of the field there are such blends, as *biodiversity*, *biosphere*, *ecosystem*, *ecotourism*.

Both compounds and blends are very often used as parts of terminological phrases, e.g. *national wildlife refuge*, *biodiversity conservation*, *ecosystem reserve*.

Among the terms formed by semantic patterns there are metaphorical and metonymical ones: *green belt*, *park belt*, *spawning protection belt*, *green corridor*, *animal corridor*, *habitat corridor*, *fence-season*, *greenway*, *natural monument*, *threshold instruments*, *fair game*, *anthropogenic load*, *critical load*, *light load*, *recreational load*, *buffer zone*, *core zone*.

The terms *belt* and *corridor* are metaphorical in nature, based on drawing together some features of the original object and terminological concept:

belt – a narrow strip of leather or fabric to wear around the waist » *park belt* – a narrow strip of park land around a city;

corridor – a passage between two rooms or halls » *animal corridor* – a passage for animals between two habitats.

In the phrases *green belt* and *green corridor* both components are metaphorical.

The word *monument* is also used in the terminology metaphorically, as the original meaning of it is "an old building or place that is an important part of a country's history" [6], while *natural monument* is a category of protected nature areas that is "generally quite small" and often has "high visitor value" [2, p.17].

The metaphor *load* serves as a pivot component of many terminological phrases. Its direct meaning is "the amount of weight carried, especially by a vehicle, a structure such as a bridge, or an animal" [6]; the terminological phrase *ecological load*, for instance, means "stress and demand placed on ecosystems by humans or/and other living organisms" [5].

Both components of the phrase *threshold instruments* are metaphorical, although the second

one is trite as the word *instruments* is long and broadly used in the meaning “methods, ways of action”, while the first one is more contrastive. This metaphorical phrase provides a concise and succinct expression substituting underlying long and complex construction – “methods of critical limitation of irreversible processes in the environment”. That is the main function of metaphors in terminology – to put a complicated notion in a compact and capacious expression.

The term *fence-season* is formed metonymically, as it is based on the ‘object-function’ transfer; it means the season when hunting is forbidden and natural areas are closed for hunters, sometimes with the help of fences.

The English international terminology of nature conservation in protected areas is a relatively recent part of the special language. It is in the process of improvement and development. In this process a significant role is played by globally recognized documents and publications that appear as term-forming and term-normalizing texts. The most productive way of forming terms in the domain is creation of terminological combinations or phrases. Some other patterns are also effectively employed – abbreviation, blending, metaphorization. The study of the terminology can contribute to the theory of language for special purposes, as well as to the improvement of professional communication.

Литература:

1. Васеева, Е.А. Структурный и семантический анализ англоязычной биоэкологической терминологии (на примере терминов заповедного дела) / Дисс. ... канд.филол.наук – С-Петербург, 2009
2. Dudley, N. (Editor). Guidelines for Applying Protected Area Management Categories - Gland, Switzerland: IUCN, 2008
3. Platonova, M. Term Formation and Application in the Thematic Field “Environment and Ecology”: Contrastive Analysis / Doctoral Thesis – Riga, 2011

Словари:

4. Васеева, Е.А. Англо-русский терминологический словарь заповедного дела – Чита, 2016
5. BusinessDictionary – businessdictionary.com
6. Cambridge Dictionary – dictionary.cambridge.org

Об авторе:

Васеева Елена Александровна, доцент, кандидат филологических наук, Хулуньбуирский институт, Хайлар, КНР, elena.vaseeva@rambler.ru

УДК 297.18:82-97

Гафарова У.А.

Стихотворные вставки в комментарии ат-Табари

Статья посвящена анализу художественных особенностей одного из историко-культурных памятников средневековья - «Джами`-аль-байан ан та`вил аль-Кур`ан» Мухаммада ибн Джарира ат-Табари. «Тафсир» (комментарий) ат-Табари одним из лучших толкований Корана в истории мусульманской экзегетики, в котором рассмотрены догматико-богословские, юридические, исторические, мифологические, лексикографические и литературные аспекты текста Корана. Автор на основе своих переводов иллюстрирует стихотворные вставки, использованные известным комментатором при толковании коранических аятов. В статье рассматриваются стихи как известных поэтов, таких как Имрулькайс, А'ша, Антара, Набига аз-Зубяни, Зухейр ибн Абисульма, аль-Фараздак, Джарир, Умар ибн Аби Раби'а, ат-Тирримаха ибн аль-Хакима, Хутай'а и др., так и стези малоизвестных арабских поэтов. Автор статьи подчеркивает особый стиль ат-Табари и роль его комментария в исследовании лингвистической проблематики, вопросов арабской поэтики и риторики. Ат-Табари в своем толковании использует поэтическое наследие, в частности арабскую поэзию, чем обусловил возникновение фундамента в изложении коранических понятий в художественной литературе. Поэзия, приведенная ат-Табари в качестве выразительного дополнения к толкованию, свидетельствует о прекрасном вкусе и фундаментальных знаниях в области поэзии и поэтики.

Ключевые слова: ат-Табари, комментарий, поэзия, аяты, сура, толкование, стихи

Gafarova U.A.

Poetic Inserts in the Comments of at-Tabari

The article is devoted to the analysis of the artistic features of one of the historical and cultural monuments of the Middle Ages - "Jami' al-Bayan an ta'vil al-Kur'an" of Muhammad ibn Jarir at-Tabari. «Tafsir» (i.g. commentary) of at-Tabari is one of the best interpretations of the Koran in the history of Muslim exegetics, which considers dogmatic-theological, legal, historical, mythological, lexicographical and literary aspects of the text of the Koran. Based on her translations the author illustrates poetic inserts used by a well-known commentator in the interpretation of the Koranic ayats. Gafarova U. analyses the poems of famous poets such as Imri'ulkais, A'sha, Antard, Nabiga az-Zubyani, Zuhair ibn Abi Sulma, al-Farazdak, Jarir, Umar ibn Abi Rabi'a, at-Tirrimah ibn al-Hakim, Hutay'a, etc., and other little-known Arab poets. The author emphasizes the specific style of at-Tabari and the role of his commentary in the study of linguistic, issues of Arabic poetics and rhetoric. At-Tabari uses in its interpretation poetic heritage, in particular Arabic poetry, which led to the emergence of the foundation in the presentation of Koranic concepts in fiction. The poetry given by at-Tabari as an expressive addition to the interpretation is evidence of his wonderful flavor and fundamental knowledge in the field of poetry and poetics.

Keywords: at-Tabari, commentary, poetry, ayah, surah, interpretation, poems

Мухаммад ибн Джарир ибн Язид ибн Касир Абуджа'фар ат-Табари (839-923) является одним из самых плодотворных исламских ученых, оставивших после себя бесценное научное наследие. Два уникальных и фундаментальных произведения ат-Табари удостоились мировой славы: первая книга «Та`риху-р-русул вал-мулук» и вторая книга «Джами`-аль-байан ан

та`вил аль-Кур`ан». Обе книги в плане произведений фундаментальной науки, по содержанию и многоаспектности являются важнейшими произведениями, содержащими в себе сведения десятков книг и научных трактатов. «Тафсир» (комментарий) ат-Табари стал одним из лучших толкований Корана, в котором рассмотрены догматико-богословские, юриди-

ческие, исторические, мифологические, лексикографические и литературные аспекты текста Корана.

С точки зрения литературно-лексических особенностей и исторической достоверности «Тафсир» ат-Табари является одним из прекраснейших образцов толкований коранических текстов в истории мусульманской экзегетики. Ат-Табари предпринял усилия в толковании и комментарии глубинной сути священных аятов, и наряду с этим затронул вопросы литературного и лексикографического характера, рассмотрев проблему словообразования, словесной семантики, происхождения слов, арабизированной лексики, фонетических процессов, художественных приемов, риторики, лексических явлений и множество сопутствующих лингвистическому анализу вопросов [3, 79].

Ат-Табари при толковании различных вопросов приводил многочисленные примеры из творчества арабских доисламских и исламских поэтов, в чем проявился его чрезвычайный аналитический талант и колоссальная память. Чтобы внести ясность только лишь в одно кораническое слово или речевой оборот, в толковании и комментарии он ссылается на (многочисленные) предания и сведения, хутбы (проповеди), хадисы и стихотворные отрывки и т.п.

В качестве иллюстрации примера ат-Табари во многих случаях обращается к древней арабской поэзии, чтобы пояснить суть и значение какого-то коранического слова или речевого оборота, что свидетельствует о следовании традициям комментирования известного комментатора Ибн Аббаса [3, 64].

В данной статье нами будут исследованы некоторые образцы арабской поэзии, приведенные ат-Табари в качестве примеров в толковании Корана. К примеру, при толковании аята 81 суры «Ниса» для пояснения слова «байята» Табари ссылается на стихотворение ал-Асвада ибн Я'фара:

أَتُونِي فَلَمْ أَرْضَ مَا بَيَّتُو
او كانوا أتوني بشيءٍ نُكِرَ
و هل يُنكحُ العبدُ حرَّ لحرِّ
فأنكح أيمهم مُنذراً

«Пришли они ко мне и то, что замыслили они в ночи, меня не устроило, так как принесли они ко мне задумку подлую и коварную. Затем я соединил узами брака их вдову с Мунзиром. И может ли свободный человек, сын свободного

человека, принять в жены рабыню-невольницу?!»
[2, 177].

Далее ат-Табари приводит в качестве образца следующий отрывок из «Айния» ан-Намра ибн Тулаба ал-Икли:

هَبَّتْ لِتَعْدُلْنِي بِلَيْلِ اسْمِعِي
سَفَهَا تَبَيَّنِكَ الْمَلَامَةُ فَاهْجَعِي

«Как-то ночью начала она меня бранить. Я сказал ей: Послушай. Размышлять и ночные раздумья от глупости и неведения, ложись же спать» [2, 178].

Или же Табари при пояснении слова «аза'а» в 83 аяте суры «Ниса» ссылается на бейт Абуласвада:

بِعْلِيَاءَ نَارٍ أَوْقَدَتْ بِتَقُوبِ
أَذَاغَ بِهِ فِي النَّاسِ حَتَّى كَانَهُ

«Он так открыл и разгласил это среди людей, будто это известие костер, разожженный дровами на вершине высокой горы» [2, 214].

Так же при пояснении слова «истанбата» в 83 аяте суры «Ниса» приводит бейт ал-Ка'ба ибн Са'да ал-Ганафи:

قَرِيبٌ ثَرَاهُ مَا يَنَالُ عَدُوَّهُ
لَهُ نَبْطًا أَبِي الْهَوَانِ قَطُوبُ

«Он тот, кто обещает и не исполняет, он хитрец, сути которого не постичь его врагам, угрюмец он, стесняющийся бедности и слабости» [2, 181].

В пояснение другого отрывка суры 83 аята «Ниса» Табари ссылается на бейт ат-Тирримаха ибн Хакима, сказанного в восхваление Язида ибн ал-Мухаллаба:

أَشْمُ كَثِيرُ يَدَيَّ النَّوَالِ
قَلِيلُ الْمَالِيبِ وَالْقَائِحِ

«Он велик и могущественен и всепрощающий, тот, кто непорочен и не осуждает» [2, 184].

В пояснении слова «муки» в 85 аяте суры «Ниса» он приводит в качестве образца бейт Зубейра ибн Абдулмутталиба:

وَ ذِي ضِعْفٍ كَفَفْتُ النَّفْسَ عَنْهُ
وَ كُنْتُ عَلَى مَسَاءَتِهِ مُقْبِتًا

«Что более мстит, ведь я удалился от него, хотя был властен над его злодеяниями и провинностями» [2, 188].

Для пояснения слова «аркасахум» в 88 аяте суры «Ниса» Табари использовал бейт Умайя ибн Абисулта:

فَارْكَسُوا فِي حَمِيمِ النَّارِ أَنَّهُمْ
كَانُوا عَصَاءً وَقَالُوا الْإِفْكَ وَالزُّورَا

«Они были повергнуты в огонь геенны, воистину, были они непокорными и обманули и лжесвидетельствовали» [2,192].

В ходе пояснения слова «йасилу» 90 аята суры «Ниса» Табари ссылается на бейт ал-А'ша:

إِذَا اتَّصَلَتْ قَالَتْ أَبْكَرُ بْنُ وَائِلٍ
وَبَكْرٌ سَبَّهَا وَالْإِنْفُ رَوَاغِمٌ.

«Когда связывается (узлами), то молвит:

Принадлежит ли он Бакру ибн Ваилу, тогда как племя Бакра оскверняет имя его и считает его заблудшим и презренным?!» [2,243].

В продолжении пояснения слов вышеуказанного аята Табари для пояснения слова «салама» приводит в качестве примера бейт ат-Тирримадж, в котором тот высмеивает ал-Фараздака:

ذَلِكَ أَنْ تَمِيمًا غَادَرَتْ سَلْمًا
لِلْأَسَدِ كُلِّ حَصَانٍ وَعَنْةَ اللَّيْدِ.

«Тем, что Бен Тамим освободили для львов всех женщин удивительных, невинных и полнотелых, чтоб те покорились» [2,199].

Также при пояснении вышеуказанного аята Табари ссылается на бейт Джарира ибн Атия:

مِنَ الْبَيْدِ لَمْ تَنْظُنْ بَعِيداً وَ لَمْ تَطَا
عَلَى الْأَرْضِ إِلَّا رَبَطَ بُرْدٌ مَرْحَلٌ

«Из пустынь опасных никогда не переселялись и ничего, кроме покрывала и шатра, чтобы закуртаться на земле не раскрывали» [2, 203].

При пояснении слова «муругиман» из 100-го аята суры «Ниса» ат-Табари приводит в качестве примера бейт Набига ибн Джа'да:

كَطَوْدٍ يُلَادُ بِأَرْكَانِهِ
عَزِيزِ الْمُرَاغِمِ وَالْمَهْرَبِ

«Ты, словно гора могучая и высокая, в долинах и склонах и укрытиях крепких которой можно спрятаться» [2,279].

При пояснении слова «тарджуна» в 104 аяте суры «Ниса» ат-Табари ссылается на бейт Хузали:

لَا تَرْتَجِي حِينَ ثَلَاقِي الذَائِدَا
أَسْبَعَةً لَاقَتْ مَعاً أُمَّ وَاحِدَا

«Не боишься ты, встречаясь со стадом верблюдов, хоть всемером они или один (верблюд)» [2, 264].

При пояснении слова «музабзабина», которое приводится в 143 аяте суры «Ниса» в значении «волнение и страх», ат-Табари приводит

бейт Набига аз-Зубяни:

أَلَمْ تَرَ أَنَّ اللَّهَ أَعْطَاكَ سَوْرَةً
تَرَى كُلَّ مَلِكٍ دُونَهَا يَتَذَبَذَبُ

«Разве не ведаешь ты возвышения и чести, подаренной Аллахом. Величие твое таково, что каждый правитель без него в тревоге и волнении».

При толковании следующего 170 аята суры «Ан-ниса» ат-Табари воспользовался примером из поэзии Умара ибн Абираби'а:

فَوَاعِدِيهِ سَرُّ حَتِّي مَالِكٍ
أَوْ الرُّبَا بَيْنَهُمَا أَسْهَلَا

«Решение и обещание встречи назначь ты или у двух деревьев высоких Малика или в Руба, между двумя этими путями, которое тебе удобней».

В пояснении 2-го аята суры «Маида» Табари ссылается в качестве примера на бейт аль-Каттани:

أَلَمْ تَقْتُلَا الْجُرْجَيْنِ إِذْ أُغْرَاكَمَا
يُمِرُّانِ بِالْأَيْدِي اللَّحَاءِ الْمُضَفَّرَا

«Не вы ли убили тех двух безвинных, как жемчуг, мужчин, когда пришли он к вам, тогда как в руках они махали вам корой засохшей деревьев Мекки и дома святого, заплетенной как коса (в знак мира, примирения)?».

При пояснении слова «ал-ма'кузату» – «то, что издохло от удара» (аль-Ма'ида: 3) ат-Табари обращается к бейту Фараздака:

شَعَارَةٌ تَقْدُ الْفَصِيلَ بِرَجْلِهَا
فَطَارَةٌ لِقَوَادِمِ الْأَبْكَارِ

Фараздак, высмеивая Джарира, описывает племя Джарира так, что оно знакомо со всеми видами дойки молока, так как они из племени скотоводов, а среди арабов это сравнение, характеризующее женщин, было оскорблением и далее приводит:

«Так, как опытная женщина при дойке молока, словно верблюдица бьет копытом своего верблюдка и не подпускает сосать молоко и как опытная женщина при дойке верблюжьего молока, у верблюдицы, которая первый раз родила».

Ат-Табари при толковании слова «аззарту-мухум» в 12 аяте суры «аль-Ма'ида» приводит стихотворение неизвестного поэта:

وَكَمْ مِنْ مَاجِدٍ لَهُمْ كَرِيمٍ

و مِنْ لَيْثٍ يُعَزَّرُ فِي النَّدْيِ

*«Как величав и горделив почитаемый старик
и как могуч тот, кто среди племени своего
почитаем».*

Поясняя слово «ха'инатин», ат-Табари ссы-
лается на бейт Абу Убайда:

حَدَّثْتُ نَفْسَكَ بِالْوَفَاءِ وَ لَمْ تَكُنْ
لِلْعَدْرِ خَائِنَةً مُغَلًّا الْإِصْبَعِ

*«Ты клялся себе в верности, тогда как ты не был
предателем, не выполняющим обещания».*

В ходе толкования словосочетания «Фа ла
та'са», означающее «не скорби», в аяте 26 суры
Маида ссылается на поэзию известного доис-
ламского поэта Имрулькайса:

Бейт:

وَقُوفًا بِهَا صَخْبِي عَلَى مَطْيِهِمْ
يَقُولُونَ لَا تَهْلِكُ أَسَى وَ تَجْمَلُ

*«Мои близкие окружили меня своими верблюдами
и сказали: Не губи себя скорбью, будь терпелив».*

В следующем примере Табари поясняет
слово «василатун» (аль-Маида: 59) посредством
бейта Антара ибн Шаддада:

إِنَّ الرِّجَالَ لَهُمُ إِلَيْكَ وَسِيلَةٌ
أَنْ يَأْخُذُوكَ تَكْغَلِي وَ تَخْضَبِي

*«Воистину, мужчины умышляют встречу с
тобой, тогда как ты глаза украсила сурьмой и
хной украсилась».*

Таким образом, в комментарии ат-Табари
использованы стихи как известных, таких как
Имрулькайс, А'ша, Антара, Набига аз-Зубяни,
Зухейр ибн Абисульма, аль-Фараздак, Джарир,
Умар ибн Аби Раби'а, ат-Тириммах ибн аль-
Хакима, Хутай'а и др., так и стези малоизвест-
ных арабских поэтов. Мухаммад ибн Джарир
ат-Табари создал особый стиль написания тол-
кований, в котором толкователь должен кон-
статировать все факты, утверждения и доводы
в пояснении содержания аята и причин его ни-
спослания, и отдать предпочтение самому луч-
шему посредством приведения обоснованных
аргументов. «Тафсир» ат-Табари имеет огром-
ное значение в исследовании лингвистической
проблематики и вопросов поэтики арабского
языка. Ат-Табари в своем толковании исполь-
зует поэтическое наследие, в частности араб-
скую поэзию, чем обусловил возникновение
фундамента в изложении коранических поня-
тий в художественной литературе. Поэзия, при-
веденная ат-Табари в качестве выразительного
дополнения к толкованию, свидетельствует о
прекрасном вкусе и фундаментальных знани-
ях в области поэзии и поэтики. В связи с этим,
комментарий ат-Табари является уникальным
литературно-историческим источником и бес-
ценной жемчужиной арабской прозы и поэзии.

Литература:

1. Али Ризо Мирзо Мухаммад. Равиши Тафси-
ри Табари. Ёдномаи Табари// Пути Тафсира
Табари//В память о Табари// Тегеран. С. 280-
281(на перс.яз.).
2. Мухаммад ибн Джарир ат-Табари. Джами'
аль-байан ан тавил аль-Кур'ан, Каир: Булак,
1388, т.5 (на ар.яз.).
3. Умеда Гаффорова. Сказания Корана в «Тар-
джумае Тафсири Табари». -Худжанд: Ношир,
2004 (на тадж.яз.).
4. Умеда Гаффорова. Мухаммад ибн Джарири
Табари и диалог культур.-Худжанд: Хуросон,
2018 (на тадж.яз.).

Об авторе:

Гафарова Умеда Абдуллоевна, доктор филологических наук, профессор, Директор НИИ гумани-
тарных наук, Худжандский государственный университет имени академика Б.Гафурова, г. Худжанд,
Таджикистан, umedagafari1@mail.ru

УДК 8И (Инд): 821.21/.22.0 Г44
ББК 83.35 (5Инд)

Гафорова З.А.

«Вокеоти Бобури» и его персидские переводы

Во время правления Тимуридов Индии, особое внимание было уделено вопросам перевода научной и художественной литературы с различных языков на персидский. Переводческая школа на фарси достигла здесь больших высот развития и совершенства. Так, с тюрки чагатайского на фарси был переведен величественный памятник автобиографической литературы – «Вокеоти Бобури», принадлежавший перу Захираддина Мухаммада Бабура – основателя государства Тимуридов Индии. Данное произведение, прославившееся как «Бабур-наме», имеет большое значение в изучении истории первой половины XVI века, общественного строя, различных вопросов социальной жизни народа, культуры и ремесла. Это произведение имеет огромное значение также в раскрытии вопросов истории литературы начала XVI века, в частности, и характеристики эпохального литературного течения в качестве ценностного источника. Автор в этом произведении представляет богатый биографический материал о многих известных представителях персидско-таджикской литературы и отмечает их достойный вклад в развитие литературы и культуры эпохи, что оказывает огромное содействие определению и познанию течения жизни представителей духовной культуры эпохи.

В статье рассматриваются персидские переводы «Вокеоти Бобури» – «Табакоти Бобури» Шейха Зайнуддина Хофи Вафои, «Тузуки Бобури» Мирзо Поянда Хасана Гезневи и Мухаммадкули Мугула Гисари, а так-же «Бабур-наме» Мирзо Абдуррахима Ханиханана, их стиль и особенности перевода.

Ключевые слова: Вокеоти Бобури, Табакоти Бобури, Тузуки Бобури, Бабур-наме

Gaforova Z.A.

“Voqeot-i Boburi” and His Persian Translations

During the reign of the Timurids of India, special attention was paid to the translation of scientific and fiction literature from various languages into Persian. The translation school in Farsi has reached great success. So, from the Chagatai Turk to the Farsi, a majestic monument of autobiographical literature was translated - "Voqeot-i Boburi", which belonged to Zahiraddin Muhammad Babur, the founder of the Timurid state of India. This work, famous as "Babur-name," has a great importance in the study of the history of the first half of the XVI-th century, about the social system, various issues of the social life of the people, culture and craft. This work has great importance in revealing the issues of the history of literature at the beginning of the 16th century, in particular, the features of the epoch making literary movement as a valuable source.

The author presents rich biographical material about many famous representatives of Persian-Tajik literature and points their worthy contribution to the development of literature and culture of the era, which greatly contributes to the definition and knowledge of the course of life of representatives of the spiritual culture of the era.

The article considers the Persian translations of "Voqeot-i Boburi" - "Tabakot-i Boburi" by Sheikh Zainuddin Hofi Wafoi, "Tuzuq-i Boburi" by Mirzo Poyand Hassan Geznevi and Muhammadkuli Mugul Gisari, as well as "Babur-nama by Mirzo Abdurahim Khanihanana, their style and features of translation.

Keywords: Voqeoti Boburi, Tabakot-i Boburi, Tuzuq-i Boburi, Babur-name

Основатель государства Тимуридов Индии – Захиратдин Мухаммад Бабур (1526-1530) являлся гениальным творцом прозы и поэзии на тюркском и персидском языках. Его перу принадлежат неповторимые произведения. Однако его слава в истории мировой литературы более всего связана с его произведением «Вокеоти Бобури» («События из жизни Бабура»), отражающего историю эпохи Тимуридов Индии. Ученые Востока и Запада признают «Вокеоти Бобури» одним из бессмертных творений и уникальных ценностных мировых историко-литературных памятников письменности, в котором нашли реалистичное отображение не только исторические, политические, культурные и научно-литературные процессы, события, явления, имеющие место в социальной действительности Центральной Азии, Афганистана и полуострова Индии начала XVI века, но и подробное описание летописи жизни и творческой деятельности самого автора. Ни в одном ином историческом источнике жизнь и творческие достижения шаха Бабура в этом объеме не представлены.

Это произведение, хотя и прославлено под названием «Бабур-наме», однако, исконный его экземпляр, созданный на тюркском языке, упоминается под наименованием «Вокеоти Бобури».

Индийский ученый Г.Н. Пант, отмечая достоинства произведения, подчеркивает, что «Вокеоти Бобури» является величественным памятником автобиографической литературы и создано в стиле сафарнаме. Оно посвящено биографии одного из великих победителей мира, который сам являлся участником исторических событий своего века и это качество составляет историческую ценность произведения, удваивает его значение, поскольку исторические события автор отображает без всяких завуалированных и прикрас, подражаний со всей беспристрастностью и объективно [2, с.17]. По этим ценностным и значимым качествам «Вокеоти Бобури» на ряду автобиографических книг занимает особое положение и среди книг воспоминаний императоров Цезаря, Тимура, Шаха Тахмаспа и Джахангира, по некоторым качествам оно бесподобно, а по разнообразию проблем один из совершенных созданий, не имеющих по сей день себе равных.

«Вокеоти Бобури» имеет большое значение в изучении истории первой половины XVI века, общественного строя, различных вопро-

сов социальной жизни народа, культуры и литературы, ремесла. В этом произведении можно найти много исторических сведений, о которых умалчивают другие источники. Следует отметить, что это произведение имеет огромное значение в раскрытии вопросов истории литературы начала XVI века, в частности, и характеристики эпохального литературного течения в качестве ценностного источника. Автор в этом произведении представляет богатый биографический материал о многих известных писателях персидско-таджикской литературы и отмечает их достойный вклад в развитие литературы и культуры эпохи, что оказывает огромное содействие определению и познанию характеристик социальной действительности периода и течения жизни представителей духовной культуры эпохи. Так, Бабур, оценивая литературные творчество Абдурахмана Джамии [1, с. 112-113], Алишера Наваи [1, с. 108-109], Абдулла Хатифи [1, с. 115], Мира Хусайна Муаммои [1, с. 115], Мулло Мухаммада Бадахши [1, с. 115], Юсуфа Бадеи [1, с. 115], Мира Шайхима Сухайли [1, с. 110], Осафи [1, с. 114], Сайфи Бухари [1, с. 114], Мирзо Ахмадали Фарси [1, с. 114], Ходжа Абдуллаха Марвориди [1, с. 114], Мир Атоуллоха Машхади, Мулла Усмана Чархи, Сайфиддина Ахмада, Хилали, Хасанали Туфайли [1, с. 111], Абдугафура Лори [1, с. 121], Камалиддина Бинаи [1, с. 114], дает исчерпывающие биографические и творческие характеристики их духовному вкладу в развитии персидско-таджикской литературы. Следует подчеркнуть особую значимость и ценность сведений «Вокеоти Бобури», в которых автор, оценивая творческие новации плеяды представителей науки и культуры, весьма кратко, но достаточно глубоко раскрывает их достижения. Его сведения новы, ценны, значимы и имеют обобщающий характер. В них основные и важнейшие аспекты творчества писателей, их мастерство и вклад нашли свое достойное представление и оценку.

Важнейшая ценность «Вокеоти Бобури» прежде всего, проявляется в том, что большинство сведений, приведенных о писателях своего времени в «Вокеоти Бобури», обладают конкретной реалистичностью, основанной на достоверных фактах, имевших место в отношениях и взаимосвязях Бабура с представителями духовной культуры той эпохи.

Автор «Вокеоти Бобури» стремился к достоверному описанию и анализу истории эво-

люции и динамики литературы и культуры этого периода, и представить об этом грядущему качественно обширный и ценностный материал, обладающий интересными данными и высокой исторической значимостью. Именно это основополагающее достоинство произведения сыграло важную роль в познании, изучении культуры и истории упомянутого времени.

Оно с исконного тюркского языка было переведено на несколько языков мира, как английский, французский, русский, урду и фарси. В частности, перевод «Вокеоти Бобури» на фарси также осуществлялся три раза.

«Табакоти Бобури» является первым переводом «Вокеоти Бобури» на фарси, который ещё во времена жизни Бабура в 937/1530 осуществлен Шейхом Зайнуддином Хофи Вафои (г. кончины 940/1533 м.), который был официальным придворным историком, также верным и близким другом Бабура.

Автор «Мунтахаб-ут-таварих» произведение «Табакоти Бобури» описывает как отдельную книгу, однако это неправомерно. «Табакоти Бобури» не является отдельным произведением, а считается переводом части из «Вокеоти Бобури». Указанное произведение составлено в соответствии с исконным текстом «Вокеоти Бобури» Захираддина Мухаммада Бабура и в нем исторические события отмечены с соблюдением исторических порядков подачи сведений. Произведение без всякого предисловия и вступления начинается с описания истории пятого нашествия Бабура на владения Индии (931/1524), которое завершилось установлением владычества династии Тимуридов в Индии и охватывает сведения до конца правления Бабура (1530 м.).

«Табакоти Бобури» относится к числу древнейших и важнейших персидских переводов «Вокеоти Бобури», раскрывающий историю династии Бабура. Оно вносит ясность и историческую достоверность в освещение многих сложных вопросов истории Индии периода Бабура. Историческая ценность данного произведения заключается, прежде всего, в том, что оно ещё в период жизни Бабура стало объектом корректуры на фарси и его автор бессменно был сопроводителем Бабура во всех его походах и путешествиях, а также непосредственным свидетелем многих событий, описанных в произведении.

Автор каждое достижение и поражение Бабура описывает, основываясь на увиденном,

объективно и достоверно. Хотя произведение переведено в полном соответствии с историческими данными «Вокеоти Бобури», однако переводчик не ограничивается переводом лишь исторических событий и явлений, отраженных в нем, а порою, выходя за пределы описанного, добавляет и некоторые события, свидетелем которых он являлся. По этой причине, сведения, представляемые им, весьма значимы, исторически ценны и одновременно важны для изучения истории данного периода, поскольку обладают научной ценностью и достоверностью.

Следует особо отметить, что «Табакоти Бобури» является одним из первых образцов прозы «маснуъ», которая в последующие периоды - во времена Джалалуддина Мухамада Акбара и, особенно в период деятельности Шахджана находит бесподобное развитие в персидских исторических описаниях. Способ сочинения и стиль его изложения в противовес «Вокеоти Бобури», стилю сочинения которого свойственно особая плавность и доступность, простота и притягательность, характеризуются более высоким стилем и созданы на литературном уровне описания. С этой точки зрения названное произведение правомерно считать выдающимся образцом литературного стиля творчества той эпохи. Представляется, что, будто основной исконной целью переводчика было красноречие и показ преимуществ проз «маснуъ» и «муглак», а описания исторических событий воспринимались как способ представления собственного мастерства, одновременно стремясь вознести свое превосходство и умение в науке перевода и отражения истинного содержания исторических сведений и событий.

Однако, несмотря на сложность стиля изложения «Табакоти Бобури» этот стиль описания несколько не снижает историческую ценность и литературную значимость произведения. Как отмечает Эллиот это произведение в «Нигористони гетинамо» («В зеркале, отражающем мир») упоминается под названием «Футухоти Хинд» («Свершения Индии»). Письменные экземпляры «Табакоти Бобури» сохранены в различных книгохранилищах мира.

Другой персидский перевод «Вокеоти Бобури», именованное «Тузуки Бобури», осуществлен двумя переводчиками - Мирзо Поянда Хасаном Газнави и Мухаммадули Мугулом Гисари в 1585 году. Им принадлежит перевод отдельных глав «Вокеоти Бобури». Мирзо Поянда

Хасан Газнави, который был в служении Бехрузхана – одного из приближенных Акбара – по его указанию получил задание перевести «Вокеоти Бобури». Однако ему не удалось завершить перевод из-за своей кончины. Перевод до конца осуществил другой переводчик, который также был под покровительством Бехрузхана. По истинности описываемых вопросов «Тузуки Бобури» был весьма близок к его первоначальному тексту, вобрав в свой диапазон события времени Бабура с начала его правления в Фергане до последних его предсмертных дней в Индии. Порядок и последовательность, упорядочение исторических событий в переводе сохранили все особенности исконного текста оригинала, т.е. в нем не отмечены ни искажения, ни добавления или сокращения. События первых шести лет и отрывок из событий седьмого года переведены Поянда, а остаток перевода книги завершил Мухаммадули. Стиль составления перевода этого произведения свободен от эпохальной тенденции «муншаоти мусаджа». Указанный перевод с точки зрения совершенства текста в сравнении с переводом Зайниддина Хофи и по времени создания (древности) в сравнении с переводом Ханыханан имеет весомое преимущество.

Другой официальный и правительственный перевод «Вокеоти Бобури» на фарси под названием «Бабурнаме» принадлежит перу влиятельной личности периода великого Акбара (1556-1605) Мирзо Абдуррахима Ханыханана и признан одним из уникальных образцов в цикле персидских переводов этого бесценного шедевра. Согласно сведениям автора «Акбарнаме» Мирзо Абдуррахим Ханыханан этот перевод осуществил с тюркского чагатайского языка на фарси по указанию Джалалуддина Мухаммада Акбара в 997/1588 [4, с. 118]. Мулла Мухаммад Касим Хиндушах также, высоко оценивая достоинства «Вокеоти Бобури» Захираддина Мухаммада Бабура, отмечает: «События периода своего правления так написал на тюркском языке, что мастера признают. Так, Ханыханан потомок Байрамхана в правлении Акбара падшаха его перевел на фарси и это творение признано в народе» [16, с. 211]. Переводчик за короткий срок сумел завершить работу по переводу с тюркского на фарси и по мере возможности сохранил направление и тенденции переводческого мастерства. Автор «Акбарнаме» относительно его содержания пишет: «События своей жизни с начала своего правления до времени кончины

описывает достоверно, подробно» [4, с. 118].

Основная тематическая линия произведения комментирование и описание событий и явлений жизни Бабура, которое создано в виде летописи. Цикл событий охватывает период с 899/1493, в горизонтах которых Бабура в возрасте 12 лет становится правителем Ферганы до 935/1529, т.е. за 2 года до его смерти. Конечно, эти события иногда отображены непоследовательно, что можно наблюдать в описании событий периода с 1510 до 1518 г.г., а также с 927/1520 до 931/1524.

Стиль сочинения «Бабурнаме» - один из первых образцов стиля, который в последующие этапы эволюции цикла историописания в Индии под воздействием среды и особых условий, различных причин и обстоятельств совершенствовался и стал обладателем особой конкретики. Эта тенденция с одной стороны, способствовала эволюции выразительных средств стиля периода Сефевидов и, с другой стороны, показателем конкретики сочинений эпохи Тимуридов Индии, являясь мостом между двумя тенденциями творчества того времени. По этой причине, стиль изложения произведения можно считать образцовым индо-иранским стилем. Слова, индийского происхождения как «баварчи» - повар, «пураб» - машрик, «итвар» - воскресенье, «саван» - время дождей и другие весьма частотны в использовании и по изобилию индийской лексики оно значительно отличается от других современных книг. Кроме этого в произведении использовано множество слов тюркского происхождения. Основной причиной этого явления становится то обстоятельство, что Ханыханан эту книгу переводит с тюркского на фарси, и в процессе своей работы находится под воздействием тюркского текста. В нем слова и словосочетания, сложные для восприятия, встречаются весьма незначительно. Названная книга по настоящее время является значимым источником в познании «Вокеоти Бобури» и её ценность для персоязычных ни в коей мере не меньше, чем её оригинал, т.е. «Вокеоти Бобури», созданное на тюркском языке. Перевод Ханыханана после издания также был переведен на несколько других языков [6, 2026-27]. В том числе, «Бабурнаме» по инициативе и стараниям Мирзо Мухаммада Маликулкитоя Шерози в 1889 г. был издан в Бомбее.

Таким образом, «Вокеоти Бобури» Захираддина Мухаммада Бабура заслуженно можно

признать основным хранилищем исторических фактов эпохи Тимуридов Индии и наиценнейшим источником, сведения которого смогут указать верный путь последующим ученым в их нелегком труде историографии и предостеречь от искажений в описании основополагающих событий истории той эпохи. Однако, с сожалением следует отметить, что это уникальное наследие а также все три перевода «Вокеоти Бобури» на фарси по настоящее время не изучено всесторонне и глубоко исследователями истории и литературы. Познание и осмысление персидских переводов «Вокеоти Бобури» не только остаются вне поля интереса круга таджикских читателей, но и исследовательского

взгляда литературоведения современности, что вызывает острую необходимость исследования и изучения множества неисследованных аспектов и спорных вопросов произведения, которые при анализе и синтезе, научном комментировании и оценке с применением соответствующей методологии могут дать ясное и полное научно-обоснованное представление не только о «Вокеоти Бобури», но и мировоззрении Бабура, его биографии, а также определить настоящее историческое и литературное место Бабура в общем процессе развития мировой литературы и цивилизации.

Литература:

1. Абдуррашид, Сарханг Ходжа. Тазкираи шуарои Панхоб (Антология поэтов Пенджаба). – Карачи, 1967. – 494 с. (на фарси)
2. Абулфазл Аллома. Акбарнома. – Т.1. – Лакхнау: Навил Кишор, 1877. (на фарси).
3. Асгар, Офтоб. Таърихнависи форс дар {инду Покистон (Персидская историография в Индии и Пакистане). – Лахор, 1364. – 558 с. (на фарси).
4. Ахмад Мунзави. Каталог персидских рукописей библиотеки Ганджбахша. – Т.4. – Лахор, 1982. – С. 1931-2513 (на фарси).
5. Бадауни, Абдулкадир. Мунтахаб-ут-таварих. – Т.1. – Калкатта, 1868. – 311 с.
6. Бобур, Захираддин Мухаммад. Бобурнома / Перевод Абдурахима Ханиханана. – Бомбей, 1308.
7. Каримов У. «Бобурнома» – сарчашмаи адаб («Бабур-наме» – литературный источник) // Изв.АН Тадж.ССР. Сер.: Востоковедение, история, филология. – 1986. – №3. – С.49-55 (на таджикском).
8. Маони, Ахмад Гулчин. Корвони Хинд (Караван Индии). – Т.1. – Машхад, 1369. – 822 с. (на фарси)
9. Мирзоев А. Бинои. – Сталинабад, 1957 (на таджикском).
10. Пант Г.Н. Бабур-наме – блистательный памятник автобиографической литературы // Индия. – 1984. – № 4(81) – С.17-19,36.
11. Рой Лакхнави, Офтоб. Рияз-ул-орифин. – Исламабад, 1977. – 523 с.
12. Соммирзо Сафави. Тухфаи Соми. – Тегеран, 1247 ш.
13. Фахри Хирави. Равзат-ус-салотин / Под редакцией Саида Хисамуддина Рошиди. – Хайдарабад, 1968. – 320 с.
14. Хасан Разави, Саид Сабт. Форсигеёни Покистон (Персоязычные Пакистана). – Т.1. – Ровилпинди (Пакистан), 1974. – 587 с. (на фарси).
15. Хошим Синдилави, Мухаммад Алихан. Махзан-ул-гароиб. – Т.1. -Ло[ур, 1970. – 884 с.
16. Хиндушо, Мухаммад Касим. Таърихи Фарришта. – Т.1. – Лакхнав: Нивал Кишор, 1321. – 376 с.
16. Banerjee S.K. Humayun Badshah. – Oxford Universiti Press, 1988.
17. Elliot and Dowson. The History of India (Babar and Humayun). – Calcutta, 1953.

Об авторе:

Гафорова Замира Абдуллоевна, Доктор филологических наук, профессор, Заведующая отделом цивилизации стран Востока НИИ гуманитарных наук, Худжандский госуниверситет им. академика Б. Гафурова, г.Худжанд, Таджикистан, zamira_g6767@mail.ru

УДК 8И (Инд): 821.21/.22.0 Г44
ББК 83.35 (5Инд)

Гафорова З.А.

Индийский стиль в творчестве поэтов литературного круга кашмира (XVI-XVII вв.)

В XVI-XVII веках с установлением правления Тимуридов Индии Кашмир превратился в один из очагов персидской образованности и учености, здесь так-же, сформировалась мощная литературная среда. Персоязычная литература Кашмира в этот период достигла наивысшего расцвета.

Большое развитие в литературе Кашмира получил индийский стиль, завоевывая все возрастающее число последователей и став доминирующим в литературе края, как и основным стилем персидской поэзии вообще. В развитии и распространении индийского стиля рассматриваемого периода внесли большой вклад не только поэты – уроженцы Кашмира (Гани, Сарфи, Джуйа, Фани, Кабул, Солим, Бузурги и др.), но и известнейшие представители персидско-таджикской литературы в целом (Саиб Табрези, Калим Кашани, Талиб Амули, Кудси Мешхеда, Тугра Мешхеда, Салим Тихрани, Муллашах Бадахши и др.), жившие и творившие определенное время в Кашмире.

В статье проиллюстрированы стихотворные отрывки из творческого наследия Мухаммадмух-сина Фани, Гани Кашмири, Доробека Джуйа, Абдуганибека Кабула и др., которые демонстрируют большое мастерство в использовании важнейших особенностей индийского стиля, как та'кид и пичидагуи (замысловатость, запутанность), мазмунсози и ма'ниофари (т.е. творческие поиски новых тем и нового содержания), калимаороии шоирона (словообразований), тамсилнигари (приведение примера), ихам (двойственность или амфибология), муносибати лафзи (словесное соответствие) и других художественно-изобразительных средств и поэтических фигур.

Ключевые слова: Индийский стиль, XVI и XVII вв., персоязычная литература Индии, Кашмир

Gaforova Z.A.

Indian Style in the Work of Poets of the Literary Circle of Kashmir (XVI-XVII Centuries)

In the XVI-XVII centuries, with the establishment of the reign of the Timurids of India, Kashmir turned into one of the centers of Persian education and science, here a powerful literary environment was also formed. Persian-speaking literature of Kashmir during this period reached its highest enlightenment.

A great development, in the literature of Kashmir received the Indian style, gaining an increasing number of followers and becoming dominant in the literature of the region, as well as the main style of Persian poetry in general. Not only native poets of Kashmir (Ghani, Sarfi, Juia, Fani, Kabul, Solim, Buzurgi, etc.) but also the most famous representatives of Persian-Tajik literature in general (Saib Tabrezi, Kalim Kashani, Talib Amuli, Kudsii Mashhedi, Tugra Mashhedi, Salim Tikhrani, Mullashah Badakhshi, etc.) who lived and worked for a certain time in Kashmir, had played a great role in developing Indian style.

The article illustrates poetic excerpts from the creative work of Muhammadmuhsin Fani, Ghani Kashmiri, Dorobek Juiah, Abduganibek Kabul and others, who demonstrate great skill in using the most important features of the Indian style, such as ta'kid and pichidagui (intricacy, complexity), mazmunsozi and ma'niofari (i.e. creative search for new topics and new content), (poetic word formations), tamsilnigari (citing an example), iham (duality or amphibology), monosibati lafzi (verbal correspondence) and other artistic, descriptive and poetic figures.

Keywords: Indian style, XVI and XVII centuries., Persian literature of India

Персидско-таджикская литература, будучи одной из богатейших и представительных литератур мира, имеет широкую популярность во всех странах Востока – от Китая до Балканского полуострова и от Индии и Пакистана до Ирака и Сирии. В течение многих столетий она оказывает плодотворное влияние на литературно-художественное мышление в этих странах и регионах и, в свою очередь, обогащается благодаря лучшим традициям, выработанным человечеством. Всестороннее рассмотрение этих связей проливает свет на многие малоизученные страницы литературы и культуры мира, приводит к новым выводам и научным заключениям о восточном литературном синтезе. Глубокое исследование возникновения, становления и развития персоязычной литературы в этих краях, изучение её тематических и художественных особенностей, роли литературных центров и кругов в художественном процессе в целом, эволюции стилей и методов, эстетического видения и богатства содержания входят в круг тех актуальных вопросов, с разрешением которых можно выявить конкретные и достоверные предпосылки возникновения и становления литературы, специфики эволюции художественного процесса.

Как известно, Индия является не имеющей себе равных страной, которая пользуется обоснованным правом на литературу и искусство иранских племён и народов. В качестве иллюстрации данного тезиса можно сослаться на иранского учёного Шахрияра Накави, который пишет: «То внимание и забота, с которыми в Индии относились к персидскому языку и литературе, в особенности к составлению словарей и антологий поэзии, в несколько раз превосходят сделанное самими иранцами в этом направлении... Заслуги Индии и Пакистана перед персидским языком и литературой аналогичны заслугам иранцев в отношении арабского языка и литературы, которые приложили усилия в этом деле и сочинили книги в тысячу раз больше, чем сами арабы» [6, с.11].

Имея в виду горячий интерес в этом регионе к персидской литературе, великий немецкий учёный Г. Эте применил к данному явлению определение «индийская весна персидской поэзии».

Принимая во внимание важное значение литературного круга Кашмира для изучения персоязычной литературы Индии, автор данной

статьи задался целью определить место индийского стиля в истории её золотого века, который приходится на вторую половину XVI-XVII вв.

Следует отметить, что XVI-XVII вв. были эпохой бурного расцвета персоязычной литературы Индии. Отношение к персидскому языку и литературе в период правления Тимуридов Индии не имеет аналогов в истории развития персоязычной литературы в этом регионе. Тимуриды Индии, начиная с Бабура, в большинстве своем, были покровителями искусства, меценатами, а многие из них и сами – литературно одаренными людьми, что способствовало развитию персоязычной литературы Индии. Особо следует отметить заслугу Акбара, вошедшего в историю в качестве одного из выдающихся монархов-просветителей и покровителей культуры, превратившего свой двор в средоточие поэзии и литературы. В этот период Индия приобретает славу литературного и культурного центра всего персоязычного мира. Подобно Акбару щедро покровительствовали талантливым поэтам, певцам и музыкантам и другие просвещённые правители этой династии – Джахангир и Шахджахан, что привлекало к их двору многочисленных представителей литературы и искусства из Ирана, Мавераннахра и Хорасана. Своими блестящими успехами персоязычная литература Индии XVI-XVII вв. затмила литературу других персоязычных регионов мира и даже оказала на них достаточно сильное влияние, что в свою очередь, усиливало внимание к ней всего персоязычного мира.

Дворы Тимуридов Индии прославились именами крупнейших учёных, мыслителей и поэтов эпохи, таких, как Абулфайз Файзи, Назири Нишапури, Урфи Ширази, Талиб Амули, Калим Кашани, Саиб Табризи, Кудси Мешхеда, Салим Тихрани, Фани Кашмири, Абдулкадир Бедиль и др.

Именно в этот период – с установлением правления Тимуридов Индии Кашмир достигает небывалого расцвета интеллектуальной жизни. По своему блеску и культурному значению Кашмир становится одним из развитых центров науки и культуры Индии, где сформировалась мощная литературная среда. Среди наиболее известных представителей этой региональной литературы на персидском языке можно назвать Я'куба Сарфи (1512-1595), Гани (ум. в 1668-69 гг.), Мухсина Фани (ум. в 1670 г.), Джуйа (ум. в 1707 г.), Авджи (ум. в 1632 г.), Маз-

хари (ум. в 1617 г.), Камалуддина Акмала (ум. в 1718 г.) и др.

По сведениям Мухаммада Аслаха в «Тазкираи шуараи Кашмир» и 4-томной «Тазкираи шуараи Кашмир», созданной Саййидом Хусамуддином Рошиди, в конце XVI и в XVII вв. в кашмирском литературном круге насчитывалось более 350 поэтов и учёных, писавших на фарси.

Не все эти поэты, писатели и учёные были выходцами из Кашмира. Кашмир как важный научный и литературный центр притянул в свою орбиту представителей многих регионов, внесших заметный вклад в персоязычную литературу рассматриваемого периода. Наиболее известными из них были Урфи Ширази, Калим Кашани, Саиб Табрези, Талиб Омули, Файзи Дакани, Кудси Мешхеда, Муллашах Бадахши и десятки других.

В числе факторов, способствовавших притоку литературных талантов и объединению творческих сил в Кашмире, можно назвать благоприятные условия кашмирского литературного круга, благосклонность местных правителей (остандаров) к литературе, возможность участия в пользовавшихся славой поэтических состязаниях (мушаира), встречи с знаменитыми поэтами, духовными лицами Кашмира и т.д.

Конечно, вклад различных поэтов в развитие этого литературного круга является далеко не равноценным. Калим Кашани, Талиб Исфохани, Мир Илахи, Салим Тихрани и десятки других поэтов, кому Кашмир стал второй родиной, внесли весомую лепту в развитие региональной литературы на персидском языке.

Литература Кашмира оказала значительное воздействие на творчество поэтов, временно проживавших здесь, о чем свидетельствуют образцы их поэтических произведений. Их пребывание в Кашмире оказало значительное воздействие на последующее их творчество. Они до конца жизни сохранили любовь и привязанность к этому краю.

В литературной жизни Кашмира принимали участие представители самых разных социальных групп, включая правящего класса. Одну группу составляли, например, остандары (Зафар-хан Ахсан, Сайфхан, Исламхан, Хафизуллахан и т.д.), которые были людьми высоких достоинств, обладали незаурядным поэтическим талантом, писали стихи и прозу. Поэты, занимающие высокое положение и должность при дворах Тимуридов, вельмож или остандаров, такие

как, Фитрати, Мазхари, Мухаммад Акбар, Мухсин Фани, Мухаммад Ариф, Субхи, Сана'и, Фуруг образовали ядро следующей группы. В третью группу входили поэты – выходцы из ремесленных кругов – кулины, ювелиры, каллиграфы, столяры и т.д., что доказывает активизацию творческих сил в торгово-ремесленной среде города. Среди них можно назвать Хаджу Марьяма Баззаза, Мулла Абдуррашида Заргара, Мулла Джавхара Натха, Мухаммада Риза Муштака, Табхи Кашмири и др.

В связи с тем, что конец XVI-XVII вв. является периодом наибольшего распространения индийского стиля, мы сочли необходимым остановиться на некоторых моментах ретроспективного развития, социально-культурных и литературных предпосылках его возникновения и художественных особенностях, высказать суждения о так называемом «мактаби вуку'» (**школе «реализма»**) как одной из составляющих индийского стиля. Кашмирские представители поэзии вакеагуи в основу своего поэтического слова положили реалистическое описание состояния влюблённости и душевных переживаний. Газели поэтов школы «реализма» в основном воссоздают реальную картину любовных отношений, состояние любви и влюблённого. Так как стихам этого реалистического направления не свойственна усложненная структура образа, усиленная суггестивность, обращение к ихаму и т.д., поэты вакеагуи воздерживаются от использования сложных средств художественного выражения, поэтических гипербола.

Школа «реализма» в Индии, в том числе в Кашмире, получила свое развитие в эпоху Акбара. Выдающимся представителем поэзии «вакеагуи» был Мирза Кавамиддин Джафар Казвини, известный как Асафхан, творчеству которого подражала определенная часть поэтов, и данное направление при дворе Акбара получило название «асафхани» [3, с.809].

Самым известным приверженцем школы «реализма» в Кашмире был Мазхари. Его стихам свойственно реалистическое отображение состояния влюблённых, интерес к их повседневной жизни. Ахмад Гульчин Маани в своей книге «Мактаби вуку'» приводит 80 таких его бейтов и утверждает, что газели Мазхари представляют собою лучшие образцы произведений, созданных в этой манере [5].

Другие выдающиеся поэты Кашмира, такие, как Авджи и Азхари, были его последовате-

лями в поэзии.

Анализ творчества поэтов Кашмира изучаемого периода показывает, что во второй половине XVI и в XVII веках индийский стиль получил в литературе Кашмира большое развитие, завоевывая все возрастающее число последователей. К концу первой половины XVII века **индийский стиль** достиг высшей точки своего расцвета, став доминирующим в литературе края, как и основным стилем персидской поэзии вообще. Данному процессу способствовало проживание в Кашмире целого ряда мастеров нового стиля (Саиба Табризи, Калима Кашани, Талиба Амули, Кудси Мешхеда, Зафар-хана Ахсана, Насирали Сархинди и др.), произведения которых оказали большое влияние на творческий путь многих кашмирских поэтов и стали образцами для подражания, а также их деятельное участие в литературных состязаниях и диспутах, наличие прочных литературных связей с поэтами Кашмира и т.д. Шибли Ну'мани указывает на взаимовлияние выдающихся поэтов индийского стиля – Саиба, Калима и Гани в период их проживания в Кашмире, которое не только дало толчок к качественному развитию, но и превратило индийский стиль «в арену совместных действий» [9, с.182]. Наибольшего мастерства среди кашмирских поэтов в новом стиле достигли Гани, Фани, Джуйа, Кабул и др.

Не следует, однако, забывать и то, что в кашмирском литературном круге были и такие поэты, которым удалось оградить свое творчество от влияния индийского стиля. К тому же некоторые поэты, которые отрицательно относились к «новому» стилю, говорили о нём как о не достойной внимания манере творчества. Например, Мулла Шайда считал, что стихи «свежеиспечённых» поэтов намного хуже, чем «прошлогодний календарь» [8, с.466].

Поэзия, созданная в рамках индийского стиля, сущностью которого являлось новое идейное, философское содержание, изменение взглядов на окружающую действительность и попытки отразить перемены, наблюдаемые в этой действительности имела свои особенности и тем не менее являлась преемницей стилистических открытий иракского стиля и ее естественным продолжением. Известная русская ученой Пригарина Н.И. подчеркивая, что индийский стиль стремится к краткости и снижению высокой поэтической лексики отмечает, что «... стремление к лаконизму и поиски выразитель-

ности на этом пути в конечном счете выливаются в усложнение структуры, усиление суггестивности текста и увеличение роли подтекста и сказываются в возрастающей образной и смысловой нагрузке пространства бейта ... Этим достигается необычайная емкость и многозначность поэтического образа, усиливающаяся постоянно проявляемой авторами заботой о создании новых образов, новых поэтических тем и сюжетов» [1, с.10].

Некоторые доминирующие черты этого стиля, позволяют выявить степень его распространения в регионе.

Та'кид и пичидагуи представляют, на наш взгляд, важнейшие особенности индийского стиля, которому следовали многие поэты в стремлении выразить в завуалированной форме дух свободомыслия. В поисках новых тем (мазмун) некоторые поэты настолько увлеклись замысловатыми, закрученными образами, что это увеличивало роль подтекста и нередко затрудняло восприятие авторского замысла.

«Закрученность» подобного рода достигалась иногда тем, что один бейт нёс на себе смысловую и образную нагрузку нескольких бейтов. К тому же поэты обращались к чрезвычайно усложнённым сравнениям и метафорам, гиперболом и аллегориям, далёким от разумного восприятия и понимания. Примером могут послужить бейт, принадлежащий Гани («Наргис аз чашми ту дам зад, бар да[онаш зад сабо, Дарди дандон дорад, акнун мехерад об аз галам» [2, с.9] и Мулла Фуругу:

*Адои [арфи он хомеши геёро кб дарёбад,
Забонфа[ме ба хуз дил нест он чашми сухангеро
[2, с.287].*

Здесь поэт использует ряд характерных стилистических фигур, свойственных индийскому стилю. Например, словосочетание «хомеши геё» (букв. молчащий-говорящий) представляет собою некое парадоксальное сочетание двух противоположных понятий (говорить и молчать). По этому же принципу поэт изобрёл красивую метафору «чашми суханге» (букв. говорящие глаза). Отображение в бейте нескольких состояний человека как «хомеши геё», «забонфа[м» (понимающий язык) и «чашми суханге» указывают на смешение чувств (хисомези). Только в одном словосочетании «чашми суханге» завуалировано несколько поэтических

фигур. Во-первых, семантическая полярность словосочетания «чашми суханге», заключающаяся в зрительном восприятии словесного воспроизведения чувств, создаёт поэтическую фигуру красноречивого молчания и в целом передаёт наряжённую чувственную атмосферу. Коль скоро слово (речь) является свойством человеческого языка, а поэт приписывает это свойство глазу, здесь речь идёт о фигуре ташхис.

К особенностям индийского стиля исследователи относят и **парадокс**, суть которого заключается в том, что, соединяя два противоположных по значению слова, поэт создаёт неожиданное поэтическое выражение. На первый взгляд найденное поэтом значение кажется невозможным, на самом же деле оно содержит глубокий смысл. Например, в следующем бейте Джуйа «дар хавонб пир гаштан» (состариться в молодости) и «дар навб фарсудан» (изнашиваться, будучи новым) являются образцами парадоксального изображения, удачно передающими намерения поэта:

*Пир гаштам дар хавони[о зи дарди оширб,
Чун либоси тозаи гул дар навб фарсудаам.*

*Состарился я, в молодые годы, от мук любви,
Словно свежее одяние роз, старое в новом я*
[8, с.268].

Следует сказать, что Джуйа демонстрирует большое мастерство в использовании поэтической фигуры ташхис. Описывая глубину своего любовного страдания, состарившего его преждевременно, он сравнивает это состояние с розой, потерявшей своё прежнее обличье. Подобные поэтические приёмы в использовании ташхиса вносят элементы новизны и свежести в художественную ткань произведения.

Таким образом, та'кид и пичидагуи в творчестве персоязычных поэтов Кашмира выступают как неотъемлемый элемент индийского стиля. Завуалированность обогащала образную систему стиха, способствовала его дальнейшему развитию.

Другую особенность художественного мастерства поэтов индийского стиля составляют **мазмунсози и ма'ниофари**, чем и отличается индийский стиль. Поэты Кашмира – Фани, Гани, Джуйа, Бузурги и др. проявили незаурядное мастерство в этом направлении.

В целях фиксации новых поэтических идей, достижения необычной ёмкости и многозначности поэтического образа кашмирские поэты широко используют расширение лексических горизонтов персидской поэзии, в том числе **иборасози и калимаороии шоирона**.

Творческую работу поэтов Кашмира над фразеологией можно разделить на два вида: использование **изафетных словосочетаний и фразеологических оборотов**.

В свою очередь, использованные **изафетные словосочетания** делятся на две подгруппы. Первая – **изафетные фразы, состоящие из двух компонентов**.

В стихотворениях Биниша можно обнаружить удачные попытки создания изафетных фраз с двумя компонентами. Например, в следующем бейте сочетание «зиндонхонаи зулф» означает красоту чёрных локонов возлюбленной:

*Ба зиндонхонаи зулфи ту [ар тебе, ки меорем,
Ба пои дил маро мушкилтар аз занхир мегардад*
[2, 144].

Поэт говорит об испытаниях, выпавших на его долю в любви к своей возлюбленной: «Ноги сердца моего, как ноги заключенного, опутаны цепью локонов возлюбленной». Локоны возлюбленной своими завитками напоминают автору цепи на ногах заключённых. Здесь мастерски использован классический приём соответствия слов, являющийся для индийского стиля одним из основных требований.

Или же примером может послужить следующий бейт Мира Хусайна Мунасиба, в котором желания и намерения поэта при объяснении в любви выражены во фразе «машги шамшодб». Как известно, гребень в большинстве случаев вытачивают из дерева самшита. Каждый саженец в саду роз мечтает о том, чтобы стать гребнем для её локонов:

*Бар умеди он, ки шояд шонаи зулфат шавад,
{ар ни[оле дар гулистон машги шамшодб кунад*
[2, с.467].

Вторая группа **изафетных словосочетаний – фразы с несколькими компонентами**. В эту группу фраз входят те фразеологические единицы, которые состоят из трёх и более частей, служащих для выражения одного значения или смысла. В этом отношении кашмирские

ми поэтами достигнуты значительные успехи. В качестве иллюстрации может послужить примером бейт из творчества Гани Кашмира:

*Фуреии шеълаи идрок дар пирист кам пайдо,
Бувад ин маънии пин[он зи шамъи суб[дам пайдо.*

*Разума огонь и блеск - в старости редкий гость,
Смысл тайны угаснет с рассветом свеча [5, с.47].*

Очевидно, что «фуреии шеълаи идрок» (блеск пламени разума) является изафетной фразой со многими частями. Фраза означает, что в старости ослабевает способность к познанию. Для доказательства своей мысли поэт использует как символ свечу, которая постепенно теряет свою яркость. Образ свечи имеет два смысловых значения: первое – «с рассветом яркость свечи бледнеет»; второе – «к утру свеча догорает и угасает».

Фразеологические единицы и метафорические структуры являются также важнейшей составляющей индийского поэтического стиля. Например, на следующем фрагменте стихотворения Джуйа подробно рассмотрена роль фразеологических единиц и метафорических фигур, в достижении образно-смыслового эффекта:

*Рези васл аст, мардуми чашмам ба сони
анкабут,
Медавад аз шавги дидори ту бар тори ниго[.*

*В день свидания подобны пауку зрачки глаз моих,
От радости лицезрения бегают они по
паутинам взгляда моего [8, с. 189].*

Здесь между фразой «бегущие по паутинам взгляда зрачков глаз» («бар тори ниго[давидани мардуми чашм») и «пауком» («анкабут») есть строгое смысловое соответствие. Дело в том, что паук к своей добыче добирается через паутину. Зрачки глаз при встрече с возлюбленной устремляются через паутину взгляда к ней.

Таким образом, поэты кашмирского круга добились значительных успехов в создании фразеологических единиц различных категорий. Изафетные словосочетания, фразеологические обороты, метафорические структуры и другие, языковые и стилистические изобретения кашмирских поэтов требуют отдельного исследования.

Говоря о красноречии и выразительности

индийского стиля, нельзя не отметить другую ее отличительную черту – **сложное словообразование (калимасозии мураккаб, вожасози)**, к которому довольно часто прибегают поэты Кашмира. Причины большого развития сложных словообразований в творчестве поэтов индийского стиля кроется в намерении поэтов кашмирского круга вместить глубокие смыслы и значения в новые выражения и термины.

Представители кашмирского литературного круга достигли значительных успехов и умножили достижения персидской поэзии в области художественно-образительных средств и поэтических фигур. Наиболее популярными средствами в поэзии индийского стиля являются различные виды **тамсилнигари (приведение примера), ихом (двойственность или амфибология), ташхис, муносибати лафзи** (словесное соответствие) и т.д. Следует отметить, что эти художественные фигуры использовались в поэзии и до появления индийского стиля. Однако последователи индийского стиля, такие как Гани, Кабул, Джуйа, Фани, Биниш, Соте', Лутфулло Солим и др. придали этим фигурам большее значение, обеспечив тем самым предпосылки для их обновлений и совершенствования.

В произведениях кашмирских поэтов явно чувствуется их стремление к афористичности, введения простонародной, разговорной лексики. Идиоматические обороты «хоб рафтани по» (онемение ноги), или «пои хобрафта» (затекшая нога), широко употребляемые в народе и успешно используемые поэтами кашмирского круга для усиления выразительности. Обиходные в народном творчестве слова и меткие изречения типа «остин» (рукав), «багал» (пазуха, объятия), «пои хаобрафта» (затекшая нога), «хамйаза» (зевота), «загу заган» (ворон и воронье), «як сару гардан» (на одну голову) и т. д., являются примером плодотворного обращения поэтов к лексике, отражающей бытовые реалии, успешно вошедших в книжную поэзию и заметно обогатившие её лексический фонд и образные выражения.

Таким образом, творчество кашмирских поэтов XVI-XVII вв. играло важную роль в общем развитии персидско-таджикской литературы в целом, и в персоязычной литературы Индии в частности. Исключительно велика заслуга поэтов Кашмира второй половины XVI-XVII вв. в становлении и развитии художественно-эстетических принципов индийского стиля, распро-

странение и утверждение которого стимулировало постоянный поиск новых образов и свежих поэтических мыслей. Именно в творчестве кашмирских персоязычных поэтов проявилось всё богатство и своеобразие индийского стиля. Благодаря поэтам, постоянно жившим в крае и тем поэтам, которые поддерживали устойчивые

связи с кашмирской литературной средой, проявившим высокое поэтическое мастерство в использовании особенностей индийского стиля, индийский стиль достиг высшей точки своего расцвета, став доминирующим.

Литература:

1. Пригарина Н.И. Индийский стиль и его место в персидской литературе (вопросы поэтики). – Москва: Восточная литература, 1999. – 328 с.
2. Аслах, Мухаммад Мирза. Тазкираи шуарои Кашмир. – Карачи, 1967. – 664 с. (на перс. яз.).
3. Бадауни, Абдулькадыр. Мунтахаб ут-таварих. – Калкатта, 1869, – Т. 3. – 411 с. (на перс. яз.).
4. Гани Кашмири. Мунтахабот / Составитель текста, автор предисловия и примечаний А.Гаффоров. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 216 с. (на тадж. яз.).
5. Маани, Ахмад Гулчин. Мактаби вуку'. – Иран, 1348. (на перс. яз.).
6. Накави, Саид Алиризо. Фархангнави си дар Хинду Покистон. – Тегеран, 1341. – 341 с. (на перс. яз.).
7. Ориёнпур Яхя. Аз Сабо то Нимо. – Тегеран, 1372. – 540 с. (на перс. яз.).
8. Рошиди, Саййид Хисамуддин. Тазкираи шуарои Кашмир. – Карочи, 1967. – Т. 1. – 516 с. (на перс. яз.).
9. Шибли Нуъмани. Ше'р ул-Ачам ё таърихи шуаро ва адабиёти Эрон, перевод с урду на персидский Саид Мухаммадтаки Фахр Дои Гилани. – Тегерон, 1368. – Т. 3. – 204 с. (на перс. яз.).

Об авторе:

Гафорова Замира Абдуллоевна, доктор филологических наук, профессор, Заведующая отделом цивилизации стран Востока НИИ гуманитарных наук, Худжандский государственный университет им. академика Б. Гафурова, г. Худжанд, Таджикистан, zamira_g6767@mail.ru

УДК 811.512.121

Досжанова Г.Д., Ережепова З.Д.

Фонетические варианты функциональных форм глагола в дастане «Гарип ашык» и их эволюция

В исследовании анализируются фонетические варианты функциональных форм глагола на примере каракалпакского народного дастана «Гарип ашык». В работе показана важность изучения языка фольклорных произведений в исследовании становления и развития каракалпакского литературного языка. Объектом исследования избран вариант дастана «Гарип ашык» Казы Маулика, жившего в конце XIX – начале XX вв., являвшегося одним из видных просветителей своей эпохи. Дастан хранился в рукописном виде (Инв. №182154), вплоть до 2013 года, когда он был опубликован. Избрание варианта Казы Маулика не случайно, так как именно данный образец является наиболее полным и наиболее популярным среди народов Востока. Именно этот вариант чаще всего исполнялся каракалпакскими чтецами кыссаханами. Дастан написан литературным языком с преобладанием элементов центрально-азиатского тюркского литературного языка.

Уделено внимание использованию в языке письменных тюркских памятников причастных, деепричастных, субстантивированных форм глагола. Приведена информация о фонетических вариантах и эволюции функциональных форм глагола, встречающихся в тюркских письменных источниках. В работе также подвергнуты сравнительному анализу мнения исследователей относительно происхождения функциональных форм глагола, а также четко аргументировано сохранение в языке дастана «Гарип ашык» старых грамматических форм тюркского языка. В заключении исследования показана важность изучения особенностей языка дастана «Гарип ашык» в исследовании истории развития каракалпакского языка.

Ключевые слова: история каракалпакского языка, глагол, деепричастие, причастие, субстантивированный глагол, грамматическая форма, язык фольклора, дастан

Doszhanova G. D., Erezhepova Z. D.

Phonetic Variants of Functional Forms of the Verb in Dastan «Garip Ashyk» and their Evolution

The study analyzes phonetic variants of functional forms of the verb on the example of the Karakalpak folk dastan «Garip Ashyk». The paper shows the importance of studying the language of folklore works in the study of the formation and development of the Karakalpak literary language. The object of the study is a variant of the dastan «Garip Ashyk» by Kazy Maulik, who lived in the late 19th - early 20th centuries, and was one of the prominent enlighteners of his era. The dastan was kept in handwritten form (Inventory No. 182154) until 2013, when it was published. The choice of the Kazy Maulik version is not accidental, since this particular sample is the most complete and most popular among the peoples of the East. This version that was most often performed by the Karakalpak readers, the Kissakhans. Dastan is written in a literary language with a predominance of elements of the Central Asian Turkic literary language.

Attention is paid to the use of participial, adverbial, and substantive verb forms in the language of written Turkic monuments. Information about phonetic variants and evolution of functional forms of the verb, found in the Turkic written sources is given. The paper also presents a comparative analysis of the opinions of researchers regarding the origin of the functional forms of the verb, as well as clearly substantiates the preservation of the old grammatical forms of the Turkic language in the dastan language «Garip Ashyk». In the conclusion of the study, the importance of studying the peculiarities of the dastan

language «Garip Ashyk» in the study of the history of the development of the Karakalpak language is shown.

Keywords: history of the Karakalpak language, verb, participle, substantivized verb, grammatical form, folklore language, dastan

Досжанова Г.Д., Ережепова З.Д.

«Ғәрип ашық» дәстанындағы фейилдин функциональ формаларының фонетикалық вариантлары хәм олардың эволюциясы

Мақалада фейилдин функциональ формаларының фонетикалық вариантлары қарақалпақ халық «Ғәрип ашық» дәстанының мысалында үйренілген. Қарақалпақ әдебий тилинің қәлиплесіуі хәм раўажланыуын үйрениўде фольклорлық дәрәтпелердин тилин изертлеўдин әҳмиети көрсетилген. Изертлеў объекти етип қол жазба түринде (Инв. №182154) сақланып келген, тек ғана 2013-жылы жәрияланған «Ғәрип ашық» дәстанының XVIII әсир ақыры XIX әсир басларында жасаған хәм өз дәуириниң ағартыўшыларының бири болған Қазы Мәўлик варианты алынған. Себеби, Шығыс халықларында кеңнен таралған бул дәстанның Қазы Мәўлик варианты ең көлемли хәм қарақалпақ қыссаханлары тәрәпинен ең көп атқарылған дәстан болып есапланады. Дәстан китабий тилде дәрәтилген болып, Орта Азиялық түркий жазба әдебий тилинің элементлери басым.

Фейилдин хал фейил, келбетлик фейил хәм атаўыш фейил формаларының түркий жазба естеликлериниң тилинде ушырасыуы көрсетилген. Фейилдин функциональ формаларының түркий жазба естеликлеринде гезлесетуғын фонетикалық вариантлары хәм эволюциясы туўралы мағлыўматлар берилген. Илимпазлардың фейил функциональ формаларының келип шығыуы бойынша билдирген пикирлери салыстырмалы түрде анализленген. «Ғәрип ашық» дәстанының тилинде түркий тиллердеги ески грамматикалық формалардың сақланып қалынғанлығы дәлилләп көрсетилген. Сонлықтан, «Ғәрип ашық» дәстанының тилик өзгешеликлерин изертлеўдин қарақалпақ тили тарийхы ушын әҳмиети көрсетилген.

Таяныш сөзлер: қарақалпақ тили тарийхы, хал фейил, келбетлик фейил, атаўыш фейил, грамматикалық форма, фольклордың тили, дәстан

Қарақалпақ тил билиминде фольклорлық шығармалардың тилин изертлеўдин әҳмиети хәм зәрүрлиги туўралы бир қатар белгили тилши илимпазлар өз пикирлерин билдирген. Проф. Ш.Абдиназимов төмендеги пикири дыққатқа ылайық: «Әдебиятшыларымыз тәрәпинен қарақалпақ аўызеки дәрәтпелери хәр тәрәплеме кең түрде изертленди, көп илимий мийнетлер дәрәтилди, бирақ тилимиздин тарийхы ушын бай материаллар беретуғын таўсилмас ғәзийне болған дәстанларды лингвофольклористикалық, лингвопозитикалық, лингвокультурологиялық аспектлерде изертлеў мәселеси қарақалпақ тил билиминиң раўажланыуы кешигип атырған тараўларының бири екенлигин айтып өтиў орынлы» [3, с. 28].

Қарақалпақ фольклористи Қ.Мақсетов өз мақаласында «Ғәрип ашық» дәстанының

түркменлерде 20 ға жақын вариантларының жыйналғанын, 5 рет түркмен хәм рус тиллеринде баспадан шыққанын, азербайжанларда дәстанның 9 варианты бар екенлигин, өзбеклерде 4 вариантының бар екенлигин хәм де дәстанның қарақалпақша версияларының тили қарақалпақ китабий әдебий тил үлгисинде жазылғанын, тилекке қарсы, дәстанның қарақалпақша версиясы көп ғана илимий әдебиятларда аты аталса да, арнаўлы изертлеў объекти болмай қиятырғанын жазған еди [6, с. 72-77].

«Ғәрип ашық» дәстанының вариантлары ишинде Қазы Мәўлик варианты ең көлемлиси хәм қарақалпақ қыссаханлары тәрәпинен көп атқарылған варианты болып табылады. «Ғәрип ашық» дәстанының Қазы Мәўлик варианты дәслепки рет 2013-жылы «Қарақалпақ фолькло-

ры" 100 томлығының 61-томында берилди [5, с. 185-302].

Дәстанның тилинде фейилдің функциональ формалары хәзирги қарақалпақ тилиндеги сыяқлы келбетлик фейил, хал фейил хәм атауыш фейил түрінде ушырасады.

«Фәрип ашық» дәстанының тилинде келбетлик фейилдің төмендеги қосымталары жумсалған:

-mish/-mish аффиксли келбетлик фейил формасы түркий тиллерде әйемнен қолланылған. Акад. Х. Хамидов бул аффикстиң Орхон-Енисей жазба естеликлериниң тилинде де ушырасатуғынын жазады [9, с. 82]. Ал, қарақалпақ классик шайырларынан Әжинияз шығармаларында көбирек, Бердақ, Өтеш, Омар шығармаларында жеке-сийрек ушырасады [8, с. 119]. Хәзирги қарақалпақ тилинде *-mish/-mish* аффикси қолланылмайды. Тек айырым сөзлерде ғана сақланып қалған: *ótmish, turmish* т.б.

Дәстанның тилинде төмендеги мысалларда көриуимизге болады: *Gúllerniń shaxına búlbiller qonmish*./193/. *Bir páriydur, tawis kibi taranmish*, *Qashı káman, kirpik oqı gezenmish*,/238/. *Sánemniń zúlpinde xinju tizilmish*, *Haqǵanıy ashıqmen, baǵrım yezilmish*, /292/.

-ǵan/-gen/-ǵán// -qan/-ken/-kán аффикси Орхон-Енисей жазба естеликлериниң тилинде ушыраспайды. Бул аффикс XI әсир жазба естеликлеринде, атап айтқанда, «Девану лугат-ит турк» хәм «Қутадғу билик» шығармаларының тилинде көрине баслады хәм кең түрде қолланылды. Проф. Д.С.Насыров *-ǵan/-gen* аффикси хаққында: «*-ǵan/-gen* формалы келбетлик фейилдің тийкарғы мәниси өткен ўақыттағы хәрекетке, жағдайға байланыслы предметтиң белгисин билдириў болып табылады» [7, с. 24]. *-ǵan/-gen* аффиксиниң хәзирги қарақалпақ тилинде қолланылатуғын *-qan/-ken* вариантларынан басқа дәстанның тилинде *-ǵán/-kán* вариантлары да ушырасады: *Bizge bir ashılǵan íǵballı bardur*./188/. *Dúnyanı bir kózde kórgen*, *Ádil bolıp yurtın sorgan*, *Dáwpáriyniń dadın bergem*./248/. *Yarım tirik yúrgánmish*, *kúnde kelmey óltirur*,/246/. *Kúnde yúz miń jápa janıma yetkán*, *Ayralıqniń tiyǵı kóńlimde bitkán*, /289/.

-r/-ar/-er (-ır/-ir/-ur/-úr// -ár) аффиксли форма түркий тиллерде әйемнен қолланылып киятырған хәзирги-келер мәхәл келбетлик фейилин жасайды. Орхон-Енисей естеликлериниң тилинде бул аффикстиң *-yur/-yúr* варианты да жумсалған: *yoriyur-jortar*, *yasayur-jasar*.

Дәстанның тилинде қолланылуына мысаллар: *Ishimde ot yanar*, *kózim yashlıdur*,/187/. *Ǵamǵún bolsań keter dárıtiń qozǵalıp*, /189/. *Bilmen, ne yerlerde qalır mazarım*, /203/. *Seniń hesh qolińniń rastı bolurmu*, *Hesh kim seni tutıp ala bilirmu*, /251/. *Keshe-kúndiz yalbarurman Hábiybá*./187/. *Yol yúrúrsen*, *kózlerimge dárıdur*./230/. *Sánem istár óz rápiyǵın* ./187/.

Әйемги түркий жазба естеликлерде ушырамайтуғын, тек ғана XIII әсирден кейинги дәўирлерге тийисли айырым естеликлерде ушырайтуғын келбетлик фейил жасаўшы *-adurǵan/-edúrǵan// -aturǵan/-átúrǵán* аффикслери менен жасалған келбетлик фейиллерди дәстанның тилинде ушыратуымызға болады: *-Seniń yarıń páriyzad emesdur*. *Áger adamzat bolaturǵan bolsa*, *bizlerdin artıq emesdur*./275/.

Профессор Ш.Шукуров келбетлик фейил жасаўшы бул аффикстиң дүзилиси хаққында былай деген еди: «*«-a/-ä(y)-* хал фейил жасаўшы аффикс; *-dur/-dür* – халат фейили (tur-)дың фонетикалық өзгерген формасы; *-ǵan/-ǵán* – өткен мәхәл келбетлик фейили көрсеткиши» [2, с. 186].

Ал, проф. М.Дәўлетов бул форманың шығысы туўралы: «Келбетлик фейилдің *-tuǵın* аффикси шығысы жағынан *turǵan>/tu/r/ǵan>tu+ǵın* сөзиниң өзгериске ушырап, бир аффикске айналуынан пайда болған» [4, с. 82] - деген пикир билдиреди.

Дәстанның тилиндеги хал фейиллер төмендеги аффикслер менен жасалған:

-ip/-ip/-p аффикси. Бул аффикс хәзирги қарақалпақ тилинде өнимли қолланылып өткен мәхәлге байланыслы хәрекетти аңлатады [8, с. 121]: *Xoshhal bolǵıl, berem yarıńni alıp*./189/. *Men keldim yarǵa inanıp*, *Ol qashti wádeden tonıp* /194/. *Ashıǵınıń baǵda turǵanın bilip*./193/.

Соның менен бирге, бул аффикстиң китабий тилге тән болған *-ib/-ib/-b*, *-ub/-úb* вариантлары да ушырасады: *Boz dumanlı daglar ashıb*, /195/. *Hijr otıǵa yanıb kúyer uqshadı*./196/. *Men bash kóterib bu yelde*./208/. *Shar átirapıma adam tolubdur*,/218/. *Zaǵlar kibi yekki yúzim solubdur*./239/.

-ban/-bán (-iban/-ibán// -uban/-úbán) аффиксли хал фейил. *-ban/-bán* аффиксли хал фейил әйемги түркий естеликлер тилине тән. Орхон-Енисей естеликлериниң тилинде *-pan/-pen* түрінде ушырасади (yopıpan-júrip, kelipen-kelip т.б.). «Девану луғат-ит турк»те *-iban/-ibán// -uban/-úbán* түрінде қолланылған (yay baruban – jazda

barıp). Дәстанниң тилинде төмендеги мысалларда ушырасады: Yaqam chák boluban para bolırdur, /193/. Ah uruban qızıl yúziñ soldırma, /236/. Qush boluban munda ushtim da keldim, /280/.

-*mayın/-meyin* аффикси. Хәзирги қарақалпақ тилинде болымсызлық формасын билдиретуғын бул аффикстиң хызметин *-may/-mey* аффикси атқарады. Ал, әйемги варианты *-madın/-mädin* формасы болып, ол Орхон-Енисей естеликлеринде, XI-XII әсир естеликлериниң («Девану лугат-ит турк», «Қутадғу билик» хәм «Ҳибатул ҳақойиқ») тилинде қолланылған. XIV әсир ақырларына келип жазба естеликлердиң тилинде («Қисса-сул-анбия», «Муҳаббатнама», «Хысраў хәм Шийрин», «Гулистан-бит-туркий») хал фейилдиң болымсызлық формалары *-mayın/-meyin//may/-mey* аффикслериниң қолланылыўы активлескен. Дәстанның тилинде төмендеги мысалларда ушырасады: Ashilmayın bu kún bağımniñ güli./189/. Qoymayın elterler ráwiyat bilán./208/. Dúnyadin ótibdur qalmayın bağı, /247/. Búbildek yetmeyin güli-gúlzara, /202/. Yetti yashda bağgezmeýin, Bir mektepte xat yazmayın, Gáribdin úmid úzmeýin, Sendin Shahsánem bolırmu? /212/.

-*ğalı/-geli/-qalı/-keli/-alı/-eli* аффикси. Түркий тиллерде әйемнен қолланылып киятырған хал фейил формаларының бири. Проф. М.Дәўлетов бул аффикстиң тарийхый шығысын келбетлик фейилдиң өткен мәхәл *-ğan/-gen* формасына *-lı/-li* аффиксиниң қосылыўы арқалы жасалғанын жазады [4, с. 101]. Проф. Ш. Шукуров *-ğa/-gä//qa/-kä* аффиксли келбетлик фейилге *-lı/-li* аффиксиниң қосылыўы арқалы жасалғанын айтады [2, с. 195-196]. Хал фейилдиң бул түриниң мәниси екінши бир ис-хәрекетке қатнаслы оның ўақытлық жақтан басланыў шегин билдиреди: Yetti ay boldı bu toylarnı qılğalı, Biyıxtıyar Shaxwáletke bergeli, Bir kelmediñ meni istáb kórgeli. /283/. Sen ketkeli hárgiz kúlmedim oynap. /282/. Yetken áxdine yetkeli. /292/.

-*ğansha/-genshe/-ğuncha//qansha/-kenshe* аффикси. Әйемги түркий естеликлердиң тилинде, әсиресе, бул аффикстиң ески формалари (*-ğıncha/-ginche/-qıncha/-kinche*) қолланылған. Тарийхый шығысы жағынан келбетлик фейил формасына рәўиш жасаўшы аффикстиң қосылыўы (*-ğan/-gen* + *-sha/-she*) арқалы жасалған. Бул аффикс арқалы билдирилген хал фейиллер ис-хәрекеттиң даўам етиў шегин аңлатады ямаса еки ис-хәрекетти салыстырып көрсетеди: Kózlerim toyğansha kórsem yúziñni, /194/. Gúl yúzlerim solmağansha, Kózge

topıraq tolmağansha, /213/. Amanda bolğaysañ ta men kelgenshe, /194/. Men saña tapshurdım ózim kelgenshe, Barıp shah Abbasdin bağım alğansha, /218/. Meni boylá kórip tahat qilğuncha, /271/. Ishq otıǵa yanmağuncha, /239/.

-*ğash/-gesh* аффикси. Бул аффикс әйемги түркий естеликлердиң тилинде ушираспайди. Ол XIV әсирден баслап жазба естеликлердиң тилинде көрине баслады. Мәселен, «Муҳаббатнама», «Хысраў хәм Шийрин» шығармаларының тилинде қолланылған [2, с. 196]. XVIII-XIX әсирлердеги қарақалпақ жазба естеликлериниң тилинде, сондай-ақ акад. Ҳ.Ҳамидов бул аффикстиң XIX әсир XX әсир басындағы қарақалпақ жазба естеликлериниң тилинде жүдә сийрек хәм тек Әжинияз шығармаларының тилинде ушырасатуғынын жазады [1, с. 126]. *-ğash/-gesh* аффикси арқалы билдирилген хал фейил, тийкарынан, ис-хәрекетти ўақытлық мәниде сыпатлайды: Meni kórgesh bağı-bostan órtenur. /201/. Kórgesh meni qoydı hásiRET ishinde, /238/.

Дәстанның тилинде атаўыш фейилдиң *-maq/-mek* хәм де *-ish/-ish/-sh //ush/-úsh* аффикслери менен жасалған формалары ушырасады:

-*maq/-mek* аффикси. Бул аффикс Орхон-Енисей естеликлериниң тилинде, оннан кейинги дәўирлерде дөретилген жазба естеликлердиң, шығармалардың тилинде де қолланылған. XVIII-XIX әсир қарақалпақ жазба хұжжетлердиң тилинде, қарақалпақ классик шайырлары шығармалары тилинде де жумсалған. Хәзирги қарақалпақ тилинде бул форманың жумсалыўы бираз кем ушырасады. *-maq/-mek* аффиксли атаўыш феи́ли ис-хәрекет процесин атап көрсетеди: Munshama lap urmaq sizge ne hájet, /209/. Meni quwmaq ushin tapmay bahana, /230/. Axırına bağıp turmaq kerekdur./264/. Men hám senin yúziñ kórmek intizar, /194/. Padshah qızın bizge bermek bolupdur. /262/.

-*maǵa/-mege* аффикси. Бул форма *-maq/-mek* атаўыш фе́йил аффиксине барыс сеплигиниң жалғаўы қосылыўы арқалы жасалған. *-maǵa/-mege* аффиксли атаўыш фе́йил ис-хәрекет процесиниң атамасын билдиреди: Lábleriñni shákár balın sormaǵa. /195/. Hár kimsege sır ayتماǵa. /219/. Qozǵalmaǵa quwat yoq, Sánem bolıp tur biyxal./235/. Shum raqiblar qoymas sapa súrmege, Kelmishem aldiña bashım bermege, /195/. Qoymasa yúrmege munda mástana, /226/. Yemdi yúzin bir kórmege zar boldım./243/.

-*ish/-ish/-sh//ush/-úsh* аффикси. Атаўыш фе́йилдиң бул формасы «Девану лугат-ит турк»

шығармасында ушырасады. XVIII-XIX әсирлердеги қарақалпақ жазба хужжетлердің тилинде, қарақалпақ классик шайырларының шығармаларының тилинде де қолланылған. Хәзирги қарақалпақ тилинде бул форманың қолланылыуы жүдә өнимсиз. Дәстанның тилинде: *Baqishiń janım aladur, /195/. Teń oltrıp, teń turıshmay, /212/. Hám súhbet, hám dem bolıshiń, Aqlımni háyran qılıshiń, Halımdın xabar alıshiń. /275/. Meniń halımni bilıshiń, Bilıshiń yarıma meger. /276/. Bir yashında yúz kórishmey, /212/. Bir turushi, hesh tárepke sár yetmes. /264/.*

Қарақалпақ әдебий тилинің тарийхын, оның пайда болыу хәм қәлиплесиу басқышларын анықлауда жазба естеликлер менен бир қатарда халық аўызеки дәрәтпелери – дәстанлардың тилин изертлеу әхмийетли мәселелердің бири. Фольклорлық шығармаларды фольклористика илими көзқарасынан хәм де қарақалпақ тил илиминде жаңадан қәлиплескен лингвофольклористика илими көзқарасынан хәр тәрәплеме изертлеу бүгинги күнде әхмийетли мәселеге айланды.

Пайдаланылған әдебиятлар:

1. Хамидов Х. Каракалпакский язык XIX – начала XX в. по данным письменных памятников. –Ташкент: Фан, 1986. -224 с.
2. Abdurahmonov G., Shukurov Sh., Mahmudov Q. Ózbek tilining tarixiy grammatikasi.- Toshkent: Ózbekiston faylasuflari milliy jamiyati nashriyoti, 2008. -528 б.
3. Абдиназимов Ш. Лингвофольклористика. – Нөкис, 2015, -132 б.
4. Дәўлетов М. Хәзирги қарақалпақ тилинде фейилдің функциональ формаларының системасы. – Нөкис: Қарақалпақстан, 1990. - 116.
5. Қарақалпақ фольклоры. Көп томлық. Т. 57 – 66. – Нөкис: Илим, 2013. -462 б.
6. Мақсетов Қ. «Фәрип ашық» дәстаны хаққында // Вестник Каракалпакского отделения АНРУз, №4, 1972. –С. 72-77
7. Насыров Д.С. Қарақалпақ тилинде келбетлик фейил. – Нөкис: Қарақалпақ мәмлекет баспасы, 1964. – 172 б.
8. Насыров Д.С., Доспанов О., Бекбергенов А., Сайтов Д. Қарақалпақ әдебияты классиклери шығармаларының тили. – Нөкис: Билим, 1995. -172 б.
9. Хамидов Х. Қарақалпақ тили тарийхының очерклери. –Нөкис: Қарақалпақстан, 1974. – 360 б.

Об авторах:

Досжанова Гулназ Дарьябаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры Каракалпакского языкознания, Каракалпакский государственный университет имени Бердаха, г. Нукус, Республика Узбекистан, gulnazdosjanova24@gmail.com

Ережепова Замира Дузелбаевна, преподавательница, Общеобразовательная школа №9, г. Нукус, Республика Узбекистан, z.erejeпова@mail.ru

УДК: 51-78, 519.234.3, 519.257, 81-139, 519.248.6

Зенков А.В.

Числительные в авторском тексте и дискурсный анализ

Рассмотрены два подхода к статистическому анализу текстов, основанному на изучении встречаемости числительных в литературном тексте. Первый вариант анализа связан с изучением распределения частот различных первых значащих цифр числительных, встречающихся в тексте. Эти частоты не одинаковы: цифра 1 обычно преобладает, а частоты последующих цифр монотонно убывают. Частоты встречаемости единицы, а также, в меньшей степени, цифр 2 и 3, обычно являются характерной особенностью авторского стиля, проявляющейся во всех (достаточно длинных) текстах автора. Метод удобен для проверки принадлежности некоторой группы текстов одному автору: в случае существенных различий в статистических распределениях единое авторство сомнительно.

Второй вариант анализа является расширением первого и предполагает изучение распределения частот самих числительных (а не их первых значащих цифр). Метод позволяет распознавать авторские, стилистические и жанровые особенности текстов и пригоден для углубленного дискурсного анализа.

Предложенные подходы проиллюстрированы примерами компьютерного анализа литературных текстов Л. Добычина, А. Платонова, И. Ильфа и Е. Петрова, В. Катаева, М. Булгакова. Приведены частотные распределения первых значащих цифр числительных в текстах Добычина и Платонова, заметно различающиеся по внешнему виду и подтверждающие существенное стилевое своеобразие текстов этих двух авторов. Для всех вышеуказанных авторов построены частотные распределения числительных, встречающихся в текстах. Исследована гипотеза о том, что Ильф и Петров являются подставными авторами романов «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок», а истинным автором является Булгаков. Частотное распределение числительных, а также его кластерный анализ не подтверждают эту гипотезу.

Ключевые слова: Квантитативная лингвистика, стилеметрия, атрибуция текстов, авторство текстов, числительные в тексте, роман «Двенадцать стульев», роман «Золотой телёнок»

Zenkov Andrei V.

Numerals in Authorial Texts and the Discourse Analysis

We suggest two approaches to the statistical analysis of texts, both based on the study of numerals occurrence in literary texts. The 1st approach is related to the study of the frequency distribution of various leading digits of numerals occurring in the text. These frequencies are unequal: the digit 1 is strongly dominating; usually, the incidence of subsequent digits is monotonically decreasing. The frequencies of occurrence of the digit 1, as well as, to a lesser extent, the digits 2 and 3, are usually a characteristic author's style feature, manifested in all (sufficiently long) literary texts of any author. This approach is convenient for testing whether a group of texts has common authorship: the latter is dubious if the frequency distributions are sufficiently different.

The 2nd approach is the extension of the first one and requires the study of the frequency distribution of numerals themselves (not their leading digits). The approach yields non-trivial information about the author, stylistic and genre peculiarities of the texts and is suited for the advanced discourse analysis.

The proposed approaches are illustrated by examples of computer analysis of the literary texts by L. Dobychin, A. Platonov, I. Ilf and E. Petrov, V. Kataev, and M. Bulgakov. Frequency distributions of the leading digits of numerals in Dobychin's and Platonov's texts are shown, which differ markedly in appearance and confirm the significant stylistic originality of the texts of the two authors. For all of the above authors, we obtained the frequency distributions of the numerals found in the texts. The hypothesis that Ilf and Petrov are fake authors of the novels «The Twelve Chairs» and «The Little Golden Calf», and they were ghosted by Bulgakov, is investigated. The frequency distribution of numerals, as well as its cluster analysis, do not confirm this hypothesis.

Keywords: Quantitative linguistics, stylometry, attribution of texts, text authorship, numerals in texts, novel "The Twelve Chairs", novel "The Little Golden Calf"

Introduction

The problems of this research relate to stylometry (statistical study of texts to find individual features of the author's style – in particular, for attribution of texts). The conventional methods used – taking into account the frequency of occurrence of certain words and collocations in the text, the average length of words and sentences, etc. [8] – often lead to contradictory results, and the very abundance of methods indicates a lack of reliability of each of them individually. In this case, the emergence of new stylometric techniques is not redundant, and they are all complementary rather than mutually exclusive.

We have proposed the idea of studying numerals found in the text as a means of characterizing the author's style [2, 9–11]. The analysis of numerals has many advantages. The results of this analysis allow direct linguistic interpretation (unlike, for example, the neural network method [8], which is able to successfully recognize the authorship of texts, but the recognition procedure is *a black box*). The use of numerals in the text is directly related to its authorship, style, and genre (see below).

The approach to stylometry problems we are developing has two varieties. First, we studied the frequency distribution of the leading digits of numerals. The idea may seem strange, but it is in line with research related to Benford's Law [7] – a mysterious, not fully understood manifestation of the Law of large numbers, according to which in large arrays of numerical data describing various objects and phenomena, numbers starting with digit 1 (their share according to Benford's Law is 30.1 per cent) are more common than those starting with digit 2, and the latter, in turn, are more common than numbers starting with digit 3, and so on. According to our research, the leading digits of numerals in coherent texts are distributed even more unevenly than prescribed by Benford's

Law: the proportion of numerals starting with 1 can reach 50 per cent. Usually, the frequency distribution of the leading digits of numerals is characteristic of each author and appears in all (large enough) of his works. Sometimes this allows to check the authorship of texts: if the distributions of the leading digits significantly differ for two texts, then the same authorship of the texts is doubtful.

The 2nd variation of our stylometric method consists in analyzing the numerals occurring in the text (and not their leading digits). The frequency distribution of numerals is also, to a large extent, specific for the author [11]. The first of the two approaches can be considered a convolution of the second. Each approach has its own advantages and disadvantages.

Counting the leading digits makes sense only for significant digits 1, 2, and, possibly 3, since the occurrence of subsequent digits is subject to strong fluctuations even in the texts of the same author (see Fig. 1). Thus, only a small part of the statistical information about the numerals contained in the text is available for analysis. In addition, a problem arises with texts in languages in which the numeral *one* is formally indistinguishable from the indefinite article (although this is surmountable by switching to an intermediary language without this problem). On the other hand, the information here is presented in a generalized form, which allows to average specific features of individual works of the author.

Analysis of the use of the numerals themselves (not the leading digits) provides richer information about the author's features of the text and, to a large extent, is devoid of indistinguishability of the numeral *one* and the indefinite article. However, analyzing the statistics of numerals is technically more difficult. This article is devoted to the possibilities and comparison of both types of our method. Along the way, we consider one problem related to the Russian literature of the 20th century.

Object of Research

Literary texts by L. Dobychin and A. Platonov are notable for distinct stylistic originality, they have common literary sources and analogues in foreign literature [6]. We will show how this affects the statistics of the use of numerals in their texts.

The literary work of I. Ilf and E. Petrov has repeatedly become the subject of discussion. The novels *The Twelve Chairs* and *The Little Golden Calf* are full of literary allusions; thematically and stylistically they are related to the texts by V. Kataev, M. Bulgakov, Yu. Olesha, and others [5]. There is nothing comparable to these two works in the literary heritage of Ilf and Petrov. According to the radical point of view [1], Ilf and Petrov are the fake authors of *The Twelve Chairs* and *The Little Golden Calf*, and they were ghosted by Bulgakov. In this paper, we will apply our methodology to a comparative analysis of the corpus of literary texts by Ilf and Petrov. Along the way, we study Kataev's *The Lord of Iron* (1924) and *The Embezzlers* (1926), contemporary to *The Twelve Chairs* (1928) and *The Little Golden Calf* (1931), as well as Bulgakov's *The Master and Margarita*.

Method of Research

We have prepared a computer program that searches in the text for numerals expressed both in numbers and verbally. The texts analyzed were pre-

cleaned of numerals that do not reflect the author's creative intent (numbering of pages, chapters, etc.) or accidentally included in idioms (*to the four winds*). Since the analyzed texts have different sizes, correction coefficients were used to equalize the results on the occurrence of numerals.

The numerals extracted from the text were displayed on frequency graphs, which directly allowed us to draw conclusions about the author's style. Information about numerals found in texts was also systematized using the hierarchical cluster analysis. The farthest neighbour clustering was used (which exaggerates differences but provides clearly defined clusters). The smaller the difference in the occurrence of the same numbers in two texts, the greater the similarity (the smaller the «distance» ρ) between these texts, so the Manhattan metric was used

$$\rho(x, y) = \sum_{i=1}^n |x_i - y_i|, \quad (1)$$

where x and y are n -dimensional vectors whose components are the absolute frequency of occurrence of the first n natural numbers found in both analyzed texts.

Results and Discussion

Fig. 1 shows the frequency distribution of the leading digits of numerals in the most voluminous works by Dobychin and Platonov.

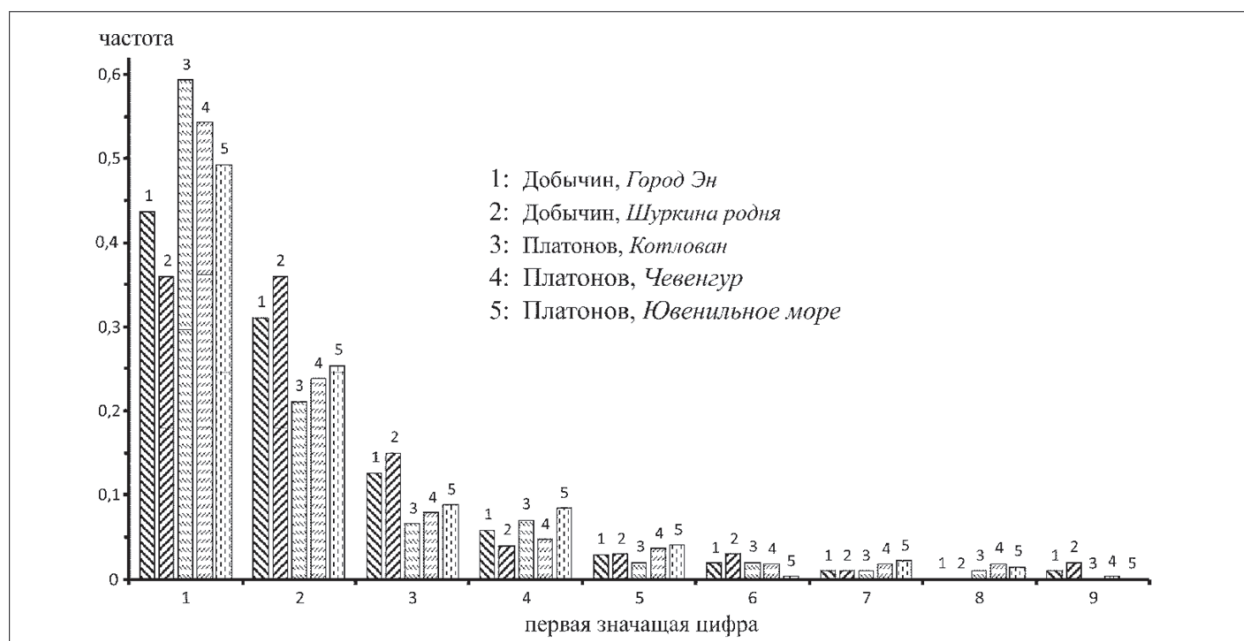

Figure 1. Frequency distribution of the leading digits {1, 2, ..., 9} of numerals in the texts:

1: Dobychin, *The Town of N*; 2: Dobychin, *Shurkina Rodnia*; 3: Platonov, *The Foundation Pit*; 4: Platonov, *Chevengur*; 5: Platonov, *The Juvenile Sea*

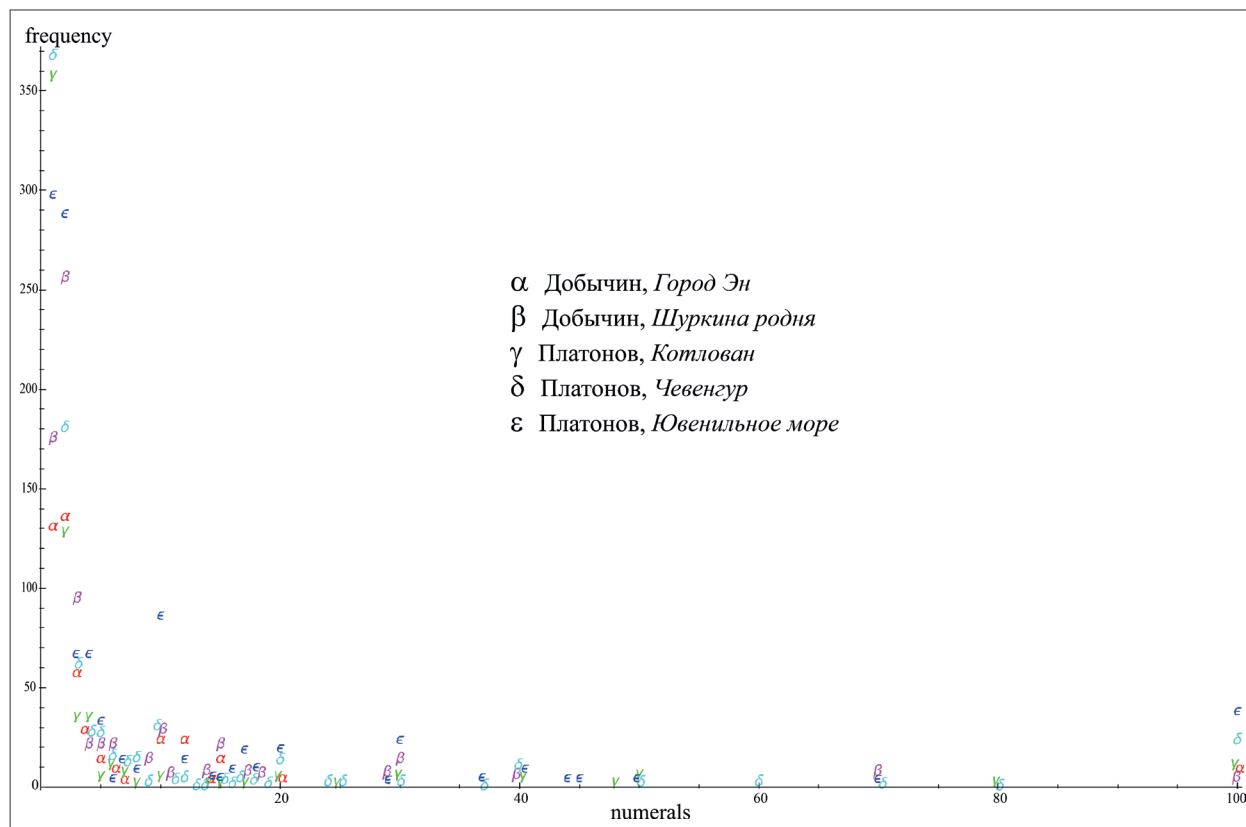

Figure 2. Frequency distribution of numerals in the texts by Dobychin and Platonov (texts are in the same sequence as in Fig. 1)

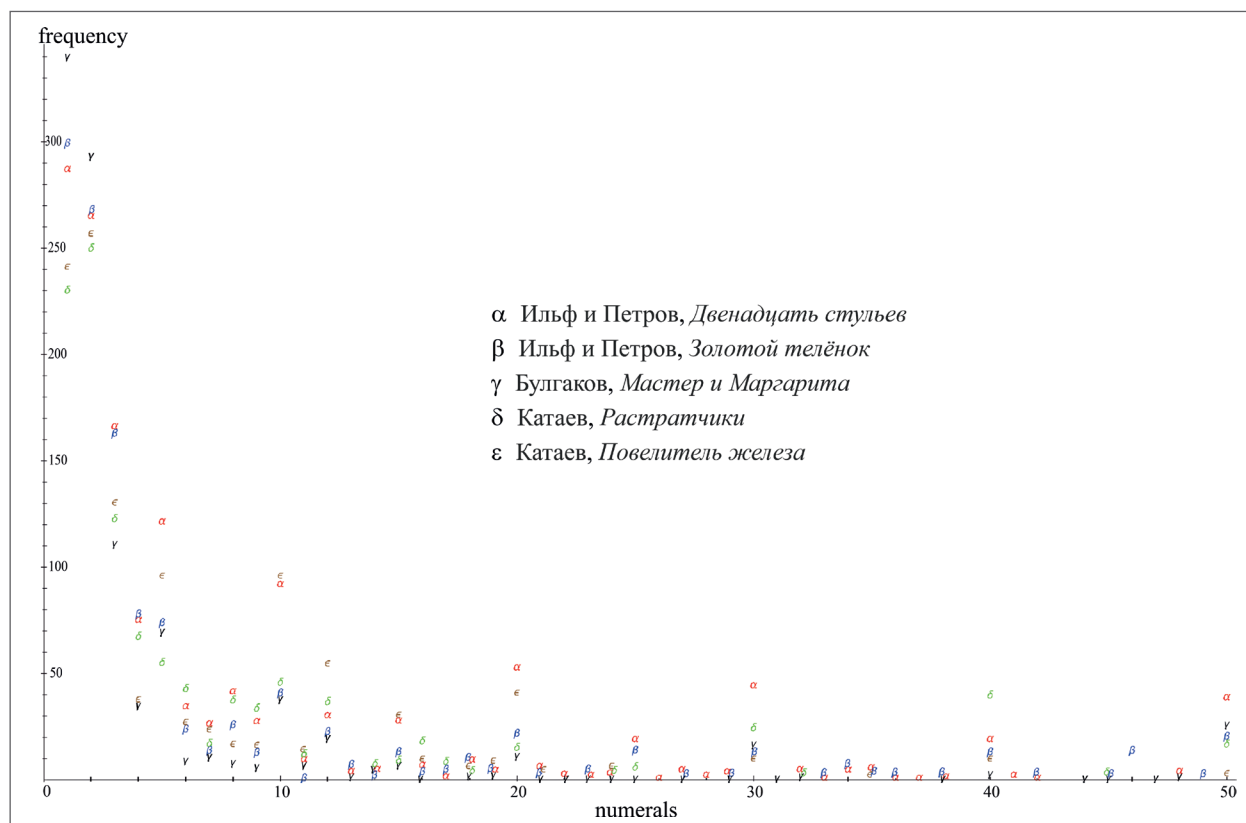

Figure 3. Frequency distribution of numerals in the texts:
 α: Ilf and Petrov, *The Twelve Chairs*; β: Ilf and Petrov, *The Little Golden Calf*; γ: Bulgakov, *The Master and Margarita*;
 δ: Kataev, *The Embezzlers*; ε: Kataev, *The Lord of Iron*

The leading digits 1, 2, and 3 appear in texts by Dobychin, on the one hand, and Platonov, on the other hand, in very different manner. The visual distinction is supported by Pearson's statistical test [9]. Thus, the analysis of the distribution of the leading digits indicates certain stylistic differences in texts of the two authors.

The results of using an extended statistical method that analyzes the occurrence of numerals themselves are much richer. Fig. 2 shows the frequency of occurrence of numerals from the range [0, 100] in the same texts by Dobychin and Platonov. Some results:

1. Platonov's texts tend to use numerals more often than Dobychin's texts.

2. Platonov less often resorts to rounding numerals (10, 20, 30, ...), which, together with item 1, may indirectly indicate a greater tendency to detail.

3. the numeral *one* (in various word forms) is the undisputed leader among the numerals found in Platonov's texts¹. But in Dobychin's texts, the numeral one is inferior in frequency to the numeral *two*!

4. Note the psychologically understandable rarefaction of the numerals sequence and a decrease in their occurrence as they increase, as well as a noticeable local maximum on the numeral *hundred*, which, of course, plays here the role of an indefinitely large number.

Fig. 3 shows the frequency distribution of numerals in Ilf and Petrov's *The Twelve Chairs* and *The Little Golden Calf*, as well as in Bulgakov's *The Master and Margarita*, and Kataev's *The Embezzlers* and *The Lord of Iron*. For clarity, we restrict the graph to the range [1; 50] on the horizontal axis; the conclusions formulated below are valid for the entire set of numerals found.

Some conclusions directly following from the figure:

¹ This is a common property of most texts by different authors; for the interpretation we may refer to both psychological factors and the technical indistinguishability of the actual numeral *one* and the same word acting as an indefinite article in Russian; cf.: «В один прекрасный день» (One Fine Day).

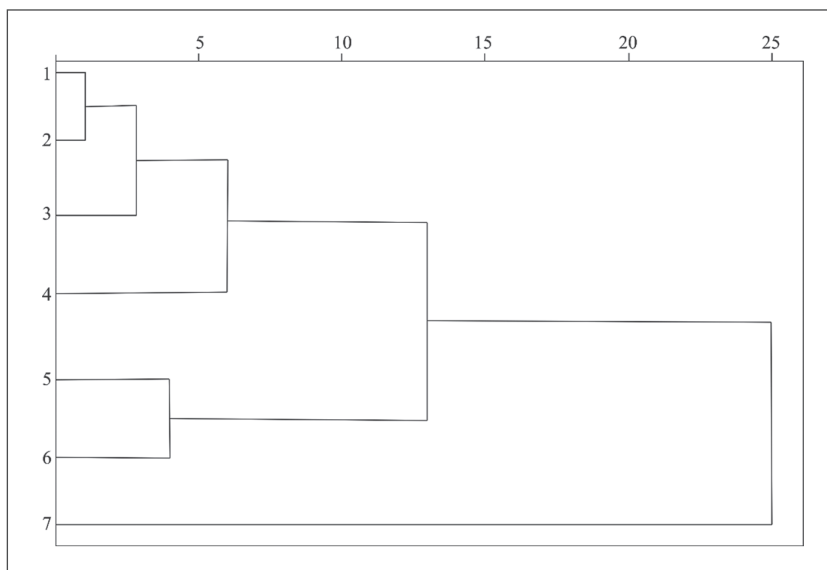

Figure 4. Results of hierarchical cluster analysis based on the occurrence of numerals in the texts by Ilf and Petrov. The horizontal scale indicates the "distance" between clusters in conventional units. Texts Nos. 1–7, combined into clusters, are indicated in the article

1. For all the analyzed texts, there are peaks in the occurrence of «round» numbers 10, 20, ... , 100, 200, ...

2. In the texts by Ilf and Petrov, as well as in Bulgakov's *The Master and Margarita*, the numeral 1 has the highest frequency (which is consistent with Benford's Law), but in Kataev's texts the number 2 leads.

3. Between *The Twelve Chairs* and *The Little Golden Calf*, there is a conspicuous similarity in the numerals frequency (we will return to this later – see the conclusions to Figs. 4 and 5).

4. These two texts are characterized by the greatest variety of numerals.

5. On the contrary, Kataev's texts are distinguished by the least variety of numerals.

6. In terms of the variety of numerals, *The Master and Margarita* occupy an average position, but the frequencies of the numerals (after the initial frequent *ones* and *twos*) are usually lower than in other texts analyzed. In fact, many numbers occur once.

Based on the frequency distributions of numerals in the works by Ilf and Petrov included in their 5-volume collection of works [3], we performed clustering and built a dendrogram (Fig. 4). It turned out that all the analyzed texts contained natural numbers in the range [1; 12]; the frequencies of these numbers were used for clustering; $n = 12$ in the formula (1). The numbers to the left of the dendrogram refer to the following texts:

1) *The Twelve Chairs*; a joint work by Ilf and Petrov, 1927-28; vol. 1 [3],

2) Joint works 1932-37 (stories, feuilletons, articles, speeches, vaudevilles, screenplays) by Ilf and Petrov, included in vol. 3,

3) *The Little Golden Calf*; a joint work by Ilf and Petrov, 1929-30; vol. 2,

4) Works (stories, essays, feuilletons) written individually by Petrov in 1924-32 and included in vol. 5,

5) Works (essays, articles, memoirs) written individually by Petrov in 1937-42 and included in vol. 5,

6) *One-storied America* (travel essays; sometimes translated as *Little Golden America*), 1936, vol. 4,

7) Works (stories, essays, feuilletons) written solely by Ilf in 1923-29, as well as his notebooks from 1925-37, included in vol. 5.

From the dendrogram, it is clear that the closest (in terms of the use of numerals) are Nos. 1 and 2 – joint, mainly literary texts; to this initial cluster, No. 3 is soon added with the same characteristic. Nos. 5 and 6 – late non-fiction works – form the next cluster, internally not as unified as the cluster {1, 2, 3}. At the last stage, No. 7 is added to the cluster – texts by Ilf.

So, from Fig. 4 it follows that the analysis of the use of numerals in texts can distinguish between genres and “feel” the authorship of texts.

Fig. 5 shows the results of hierarchical cluster analysis of the occurrence of numerals (again from the range [1; 12], as in Fig. 4) in the novels *The Twelve Chairs* (No. 1) and *The Little Golden Calf* (No. 2) by Ilf and Petrov, as well as in the works of writers who were named as possible true authors of these two novels – *The Embezzlers* (No. 3) and *The Lord of Iron* (No. 4) by Kataev, and Bulgakov's *The Master and Margarita* (No. 5). Clustering took place in accordance with the generally accepted authorship of the texts. The distance between clusters {1, 2} and {3, 4}, not to mention the height of fusion with No.

5 – is so great that it casts doubt on the hypothesis that Bulgakov or Kataev wrote *The Twelve Chairs* and *The Little Golden Calf*. Of course, taken separately, the results of Fig. 5 do not confirm the authorship of Ilf and Petrov themselves, but the results of Fig. 4 indirectly indicate their authorship. Note that in the article [4], based of formal accounting of statistics of service words in texts of *The Twelve Chairs* and *The Master and Margarita*, the hypothesis [1] that Bulgakov is the author of *The Twelve Chairs* is also questioned.

So, the analysis of the use of numerals in texts can be used to test the authorship of texts.

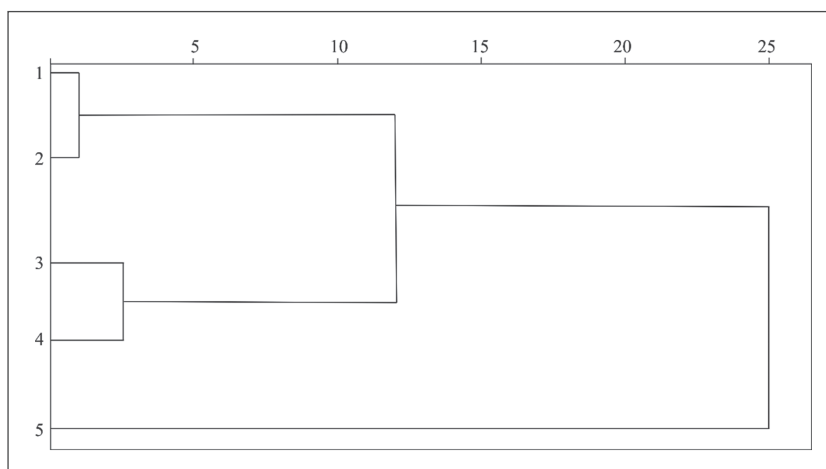

Figure 5. The results of hierarchical cluster analysis based on the occurrence of numerals in texts by Ilf and Petrov (Nos. 1, 2), Kataev (Nos. 3, 4), and Bulgakov (No. 5). The horizontal scale indicates the “distance” between clusters in conventional units. Texts Nos. 1-5, combined into clusters, are indicated in the article

Conclusions

The analysis shows that taking into account the occurrence of numerals in literary texts can provide information about the author's, stylistic and genre features of texts. Sometimes, an analysis of the occurrence of numerals allows to reject the hypothesis of the common authorship of texts.

We believe that the methodology we have developed can be a useful addition to the traditional stylometric practices of taking into account the length of sentences and words, the frequency of use of service words and certain significant parts of speech, etc.

References

1. Амлински И. 12 стульев от Михаила Булгакова. – Berlin: Kirschner Verlag, 2013. – 328 с. ISBN: 978-3-00043-284-2.
2. Зенков А.В. Новый метод стилеметрии на основе статистики числительных // Компьютерные исследования и моделирование, 2017, Т. 9, № 5, С. 837–850.
3. Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений в пяти томах. – М.: Художественная литература, 1961.
4. Миронова Л.Б., Верещагина О.В. К вопросу об авторстве романа «Двенадцать стульев», Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1(26), С. 108–110.
5. Щеглов Ю.К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. – СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2009. – 656 с. ISBN 978-5-89059-134-0.
6. Эйдинова В.В. А. Платонов и Л. Добычин: стилиевые схождения и отталкивания // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. Юбилейный: По материалам Междунар. науч. конф., посвященной 50-летию со дня кончины А.П. Платонова. 23–25 апреля 2001 года. Москва. – М., 2003. С. 211–219.
7. Benford F. The law of anomalous numbers // Proceedings of American Philosophical Society, 1938, 78(4), 551–572.
8. Tempestt N., Kalaivani S., Aneez F., Yiming Y., Yingfei X., and Damon W. Surveying Stylometry Techniques and Applications // ACM Comput. Surv., 2017, 50(6), Article 86, 36 pages. <https://doi.org/10.1145/3132039>.
9. Zenkov A.V. A Method of Text Attribution Based on the Statistics of Numerals // Journal of Quantitative Linguistics, 2018, 25(3), 256–270.
10. Zenkov A.V., Místecký M. The Romantic Clash: Influence of Karel Sabina over Mácha's Cikáni from the Perspective of the Numerals Usage Statistics // Glottometrics, 2019, 46, 12–28.
11. Zenkov A.V. Statistics of Numerals in the Text: Development of a New Method of Stylometry // First International Volga Region Conference on Economics, Humanities and Sports (FICEHS 19). Paris, Atlantis Press, Advances in Economics, Business and Management Research, 2019, vol. 114, p. 448–451.

Об авторе:

Зенков Андрей Вячеславович, кандидат физико-математических наук, доцент, Институт экономики и управления Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, Россия, zenkow@mail.ru

УДК 811.161.1

Малахова Ю.В., Ван Шуэнь

Мотивация китайских студентов, изучающих русский язык

В статье рассматривается повышение мотивации у студентов, изучающих русский язык. Статья содержит описание исследования, проведенного на базе строительного факультета Хулуьбуьирского университета, целью которого было выявление уровня мотивации китайских студентов при изучении русского языка и описаны возможные пути ее повышения.

Ключевые слова: мотивация, русский как иностранный, обучение русскому языку студентов

Malakhova Yu., Wang Shuen

Motivation of Chinese Students Studying Russian

The article deals with increasing the motivation of students studying Russian. The article contains description of the study conducted at the faculty of Civil Engineering of Hulunbuir University, the purpose of which was to identify the level of motivation of Chinese students who were studying Russian and to describe possible ways to improve it.

Keywords: Russian as a foreign language, teaching students Russian as a foreign language, motivation

Для преподавателей русского языка работа с китайскими студентами вызывает трудности не только из-за различий в русском и китайском языках, но из-за особенностей менталитета студентов, правил на которых основано образование в Китае, а также некоторых культурных различий, влияющих на поведение китайских студентов в аудитории. Главным вопросом современности в системе нового образования является овладение студентами высших учебных заведений умений и навыков саморазвития и самосовершенствование личности, что в значительной степени достигается путем внедрения инновационных методик в процесс обучения.

Потребность в обучении языкам возникла очень давно – еще в Древних Греции, Риме и Египте. Основным средством человеческого общения является язык, а в многоязычном пространстве – несколько языков. Вот почему изучение иностранных языков приобретает особый статус в Китае. Формируется характерная тенденция к усилению коммуникативной направленности учебного процесса, его приближения к реальному процессу общения. Итак, методическим содержанием современного занятия по

иностранному языку должна быть коммуникативность. Интерактивный метод предоставляет возможность решать коммуникативно-познавательные задачи средствами иноязычного общения. Интерактивная деятельность включает организацию и развитие диалогической речи, направленные на взаимопонимание, взаимодействие, решение проблем, важных для каждого из участников учебного процесса. Современная коммуникативная методика предлагает широкое внедрение в учебный процесс активных нестандартных методов и форм работы для лучшего сознательного усвоения материала. В практике преподавания РКИ обнаружили достаточно высокую эффективность такие формы работы: как индивидуальная, парная, групповая и работа в команде. Преподаватель должен учитывать тот факт, что темы для обсуждения не должны иметь ограниченный характер. Одной из особенностей интерактивных форм обучения является то, что они мотивируют студента не только выразить собственную точку зрения, но и изменять ее под аргументированным влиянием партнеров в процессе общения. Новейшие методы обучения иностранным языком

способствуют одноразовому решению проблем коммуникативного, познавательного и воспитательного характера: развивать умения и навыки общения, установить эмоциональный контакт со студентами, научить их работать в команде, учитывать мнения и высказывания других. При использовании языка доминирует одна цель: получить информацию, запросить информацию, побудить к действию, выразить чувство и т.д. Такая материализация актов коммуникации может приобретать разнообразные формы выражения, от самых простых до самых сложных.

Целью статьи является рассмотрение способов мотивации китайских студентов, изучающих РЯ. Материалом для исследования послужили накопленные примеры из практики преподавания русского языка в Хулуьбуьрском институте. Для эксперимента были отобраны контрольные и экспериментальные группы студентов с примерно одинаковым составом и исходным уровнем знаний русского языка. Эксперимент проводился в группах студентов первого курса, которые изучают русский язык как непрофильный предмет в Хулуьбуьрском институте (КНР).

Анализ практики преподавания русского языка в Китае в высших учебных заведениях показал, что учебники и методические разработки, используемые в процессе обучения, еще в недостаточной мере учитывают роль и значение мотивационной сферы студентов, динамику смыслообразовательных мотивов в процессе обучения, степень и характер взаимосвязи мотивационной готовности к усвоению знаний, до овладения способами такого усвоения с конкретными методическими приемами. Поэтому актуальной проблемой является изучение мотивационной сферы студентов, изучающих русский язык, выработка путей и методов ее коррекции и развития. Мотивация является чрезвычайно важной в учебном процессе. Она есть в центре обучения. Если студенты не хотят учиться – они не будут этого делать, у преподавателя не будет никакой другой возможности вызвать интерес к предмету, кроме как мотивировать студентов. На мотивацию ученичества влияют, в частности, следующие факторы:

- ради какой практической цели студент изучает язык (использование его в работе, профессиональный рост (если речь идет о взрослых), хорошие оценки и т. д);
- ощущение, что изучение языка удается, в

случае успешности студентов. Автономность студентов, их уверенность в себе и достижение – части этого ощущения. Если человеку кажется, что у него что-то хорошо получается – он хочет продолжать это делать;

- желание свободно общаться с родственниками из другой страны, друзьями, парнями, девушками, бизнес-партнерами и т. д;
- поощрение со стороны других людей. Если человек живет в сообществе, где знание иностранного языка высоко ценится, – он будет понимать важность его изучения. Если же наоборот – человек не будет видеть смысла в изучении и, соответственно, не будет мотивации;
- наслаждение от процесса обучения. Таких студентов, наверное, немного, но они есть – те, для кого обучение как процесс познания нового представляется интересным. Интересным может быть преподаватель, который ведёт этот предмет, учебник, в котором собраны темы, важные для студентов – это все мотивирует. Китайским студентам всегда интересно общаться с иностранным преподавателем;
- увлечение культурой народа, язык которого изучается. Например, студенты будут мотивированы выучить русский язык, если они собираются поехать на учебу за границу. Во многих китайских университетах студенты имеют возможность поехать учиться в Россию. У тех студентов, которые поедут на стажировку наблюдается существенная мотивация в изучении РЯ.

Особенно сложно мотивировать студентов, когда курс является интегрированным – ведь он сложнее. Например, строительство на русском. Некоторые студенты теряются не только в русском языке, но и в строительных терминах – поэтому стоит быть особенно осторожными во время преподавания по таким программам. Такие курсы тоже достаточно сложные – в основном через насыщенную лексику. Это может влиять на студентов двумя способами: или же они демотивируются, разуверившись в своих способностях, или же, наоборот, встретив новую лексику, захотят узнать ее значение. Во время изучения новой сложной лексики (старшие курсы, профильные предметы, в целом студенты продвинутого уровня) стоит уделять внимание морфологии: понимая употребление определенных аффиксов на практике (упражнения на

словообразование), студенты не только обогащают свой словарный запас, но и не будут пугаться, когда столкнутся с незнакомым словом, основу которого они знают, а другие части – нет.

Приведу пример по русскому языку готовить – заготовить – изготовить – приготовить – наготовить, подготовить. Также нужно формировать абстрактное мышление учеников, ведь просто через перевод морфем никогда не понять, что это за слово.

Согласно исследованиям ученых Z. Dornyei и K. Csizer можно выделить 10 ключевых сфер, которые могут повлиять на мотивацию учащихся [2, с.221-222].

Также необходимо помнить, что есть факторы, на которые преподавателю трудно повлиять и наоборот. Например, трудно повлиять на студентов, которые хотят постоянно разговаривать – поэтому стоит это использовать в учебном процессе. А вот демотивированных студентов стоит поощрять похвалой, чтобы добиться прогресса. В этой статье были рассмотрены основные трудности, с которыми сталкиваются студенты и преподаватели, а также сформулированы некоторые наблюдения, которые могут оказаться полезными при работе с китайскими студентами.

Учитель	должен быть как можно более толерантным; – стараться вести себя естественно; – оказывать хороший пример - быть преданным делу и мотивированным;
Атмосфера в классе	– нести в класс юмор, улыбку и смех; – создавать приятную, спокойную и безопасную атмосферу в классе;
Задача	– давать четкие инструкции; – указывать цель и пользу от каждого задания;
Отношение	– относиться к каждому ученику как к личности;
Уверенность в себе	– давать положительный feedback и хвалить; – удостовериться, что студенты испытывают успех; – принимать ошибки - они являются естественными в течение обучения. Важно китайских студентов научить принимать собственные ошибки. Согласно китайскому менталитету сделать ошибку в аудитории у всех на глазах означает «потерять лицо», поэтому китайские студенты предпочитают промолчать, чем дать неверный ответ. Необходимо объяснять студентам, что делать ошибки во время изучения иностранного языка это естественно;
Интерес	– выбирать интересные задания и темы; нужно с осторожностью, так как китайские студенты осваивают материал достаточно медленно. Не нужно превышать допустимое число новых слов урока и давать в большом количестве материал из современных, красочных, ярких, но очень насыщенных информацией учебных пособий; – предлагать выбор материалов и занятий в течение обучения; – для поощрения обучения надо использовать интересы студентов, а не тесты и оценки; – делать из задач испытания (challenges) для того, чтобы задействовать студентов;
Автономия	– поощрять вопросы и другое участие студентов; – поощрять креативность и воображение; – как можно больше разделять ответственность за организацию учебного процесса со студентами;
Реальность	– стараться делать задания интересными для каждого, а также связанными с реальной жизнью;
Цель	– устанавливать несколько определенных учебных целей для ученичества; – поощрять студентов ставить цели и работать для их достижения; – анализировать цели студентов и их потребности;
Культура	– знакомить студентов с культурой языка, который они изучают; – приглашать носителей языка; – находить студентов - друзей для переписки (penfriends или, скорее, texting-friends в современных условиях).

Литература:

1. Федотова Н.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного: практический курс; – СПб.: Златоуст, 2013 . 394 с. – Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/343322>
2. “Ten commandments for motivating language learners: results of an empirical study” by Z. Dornyei and K. Csizer, Language Teaching Research, Hodder Arnold 1998, p. 203-229.

Об авторах:

Малахова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Хулуьбуйрский институт, г. Хулуьбуйр, Автономный район Внутренняя Монголия, КНР, juliamalah@mail.ru, juliamalah@yahoo.com

Ван Шуэнь, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры механики (специализация автоматизация), Начальник международного отдела, Хулуьбуйрский институт, г. Хулуьбуйр, Автономный район Внутренняя Монголия, КНР, juliamalah@mail.ru

УДК 81-11

Марченко Т.В.

Лингвистические и экстралингвистические аспекты киноперевода

В современных условиях киноконент является важным элементом процесса межкультурной коммуникации и составляет значительный объем информационного потока. Кинотекст представляет собой не только аудиовизуальную наррацию документального или художественного плана, но и отражает языковую и культурную специфику определенного лингвокультурного сообщества. Специфические рамки пространственно-временного континуума, экстралингвистические факторы, а также уникальная специфика экспрессивно-оценочной лексики обуславливают необходимость разработки подходов к переводу кинотекста как в общепрагматическом ключе, так и в аспекте способов перевода отдельных единиц семиотического кода с целью достижения / сохранения коммуникативного эффекта на реципиента переводного языка и передачу индивидуально-авторского стиля. В статье представлена схема поэтапного анализа наиболее релевантных для перевода компонентов кинотекста и экстралингвистических факторов, позволяющая составить комплексное представление о тексте перевода с позиции задействованных семиотических кодов и коммуникативной нагрузке составляющих его элементов. Рассмотрены способы воспроизведения прагматического потенциала текста оригинала на переводящий язык и обозначены наиболее приемлимые для работы с киноконентом: сохранение, нейтрализация, усиление или элиминация прагматического потенциала оригинала на языке перевода. Представлено обоснование для выбора одного из обозначенных способов.

Ключевые слова: киноперевод, прагматика перевода, семиотический код, оценочность, прагматический потенциал

Marchenko T.V.

Linguistic and Extralinguistic Features of Film Translation

In modern conditions, film content is an important element of the process of intercultural communication. It constitutes a significant amount of information flow. Film text is not only an audiovisual narration of documentary or artistic nature, as it also reflects the linguistic and cultural specifics of a certain linguocultural community. The specific framework of the spatio-temporal continuum, extralinguistic factors, as well as the unique peculiarities of expressive-evaluative vocabulary necessitate the development of approaches to the translation of the film text both in a general pragmatic manner and in terms of methods of translating individual units of the semiotic code in order to achieve / maintain the communicative effect on the recipient of the target language and conveyance of individual author's style. The article presents a scheme of a step-by-step analysis of the components of the film text and extralinguistic factors that are most relevant for translation, which makes it possible to make a comprehensive interpretation of the target text from the position of the semiotic codes involved and the communicative load of its constituent elements. The methods of reproducing the pragmatic potential of the original text into the translation language are considered and the most appropriate ones for working with film content are indicated: preservation, neutralization, strengthening or elimination of the pragmatic potential of the source text in the target language. The rationale for choosing one of the indicated methods is presented.

Keywords: film translation, translation pragmatics, semiotic code, evaluativeness, pragmatic potential

The ever-growing demand for film production makes film translation one of the most dynamically developing areas. A film directly conveys the cultural peculiarities of the producing country, the linguistic features of its language. The specific features and factors of the source material predetermine the relevance of identifying the most adequate ways of translating expressive-evaluative lexis in order to preserve the communicative effect on the recipient of the target film-text.

The goal of the article is to consider the semiotic codes immanent in a film production and relevant for translation, as well as work out a scheme for preliminary analysis of these codes.

Currently expressiveness and evaluativeness are considered to be characteristic features of vocabulary influenced by historical, cultural and aesthetic factors. In text studies expressiveness is viewed as a property of a text or part of a text that conveys meaning with greater intensity, expressing the speaker's inner state, and has emotional or logical strengthening in its development, which may or may not be figurative [2, c. 125]. The main purpose of expressive-evaluative vocabulary is the one of expressing feelings and emotions, giving expressiveness to both written and oral speech. Regardless of one's cultural differences, every linguistic person experiences the same basic emotions, and this, in turn, serves the base to unite people. V.I. Shakhovskiy specifies this statement saying that emotions make people of different cultures more or less similar to each other and make us unique due to the individual variation of basic and unique emotions [6, c. 97]. Admittedly, emotions are expressed through linguistic units of all levels, but the most extensive layer is the lexical one.

The word-stock of the language is continuously replenished and modified. So, territorial, age, socio-cultural differences are reflected in the vocabulary. In accordance with this, vocabulary is subdivided according to the principle of belonging to different social dialects: slang, jargon, colloquial vocabulary. Expressive-evaluative vocabulary, the immanent characteristics of which are such linguistic categories as emotionality and evaluativeness, actualizes the expressive function of the language. It is generally accepted that evaluation is the basis of any emotion. It follows from this that the emotional attitude is inextricably linked with the assessment and the nature of understanding the reality; it is also an important component of linguistic modality.

Emotionality, as a term, characterizes psychological and psycholinguistic aspects, while evaluativeness is a linguistic category, implying the semantic property of linguistic units to qualify something in terms of "good / bad" scale. Accordingly, the normative contrast inherent in emotional and evaluative vocabulary may differ depending on the language in question.

Film-text as an element of film discourse represents a comprehensive semiotic unity incorporating audiovisual codes and extralinguistic factors. It conveys both explicit and implicit information and has written (captions, subtitles) and oral manifestations (actors' speech, voiceover) [5, c. 12]. Besides, film text is integrated in the framework of the space-time continuum. Film discourse, in its turn, is a complex semiotic process of interaction between the movie and the recipient [1, c. 25]. It is actualized in the interlanguage and intercultural continuum by means of the cinema language, which has the properties of integrity, consistency, informativeness, intertextuality, and has regulatory, aesthetic and emotive functions. To interpret this semiotic unity one needs to reveal the linguistic content and the emotionally expressed subtext.

Expressiveness and evaluativeness in film discourse is achieved through extralinguistic factors, namely the factors of the communicative situation and cultural or worldview environment, as well as linguistic factors, consisting in the use of various lexical and stylistic techniques to convey the pragmatic potential of emotionality. It is only natural that to achieve expressiveness in the target version of the film text the verbal components including titles, inscriptions, and non-verbal elements are critical. Expressiveness in a communicative situation implies the following aspects: feelings, emotions, intensity, while evaluativeness concerns the message, assessment and persuasion [3, c. 45].

A set of these factors reflects the overall communicative situation, as well as the emotional state of the participant in this communication. Thus, the director presents the movie characters participating in various acts of communication and seeks to express certain attitude and achieve the pragmatic effect. In other words, relevant semiotic means are employed to convey the value judgment. The combination of the visual code (actions of the characters, special effects, non-verbal means of communication, the image of the characters), the audio code (audio sounds, music, audio effects)

and the verbal code (the speech of the characters) provides a quick and effective impact on any viewer.

As far as it concerns translation, several factors confine possible variants of the target text. The leading and the one that cannot be eliminated in any context is the temporal one. Time is a critical element for screen work. Cinematic time has a dual nature, defined as the ratio of the length of film presentation (film projection) and the time of the actual film (plot) action [1, c. 13]. Accordingly, the category of time in a film production manifests itself in three different forms, namely: the physical time, the psychological time and the artistic time.

The artistic time is inherently the most complex time typical of any narrative. Obviously, it is a way of organizing intrigue, selection and interweaving the plot of the material into a single whole. The artistic time has a number of features that provide many opportunities to create the figurative and aesthetic context of filmmaking through compression, stretching, acceleration, deceleration, stop and sudden "jumping" forward [1, c. 14].

An important condition for cinematic time is the elasticity of narrative time. This convention means that time can easily "stretch" or "shrink" in relation to the extent in real time. Notably, the space in cinema is not limited by clear time boundaries, so the time of the original and the translation can differ significantly. The difference is preconditioned by inconsistencies in the structures of the source and target languages. This condition requires special attention in translation in order to achieve the intended impact on the audience.

A comprehensive approach to film translation requires a systematic analysis of all codes integrated into the film text and extralinguistic factors relevant for interpretation of constituent components. We propose the following scheme of the analysis that precedes the translation process:

1) Step 1. Interpretation of the visual code, specifically the actions of the characters, the external and inner state of the character, the immediate context (cultural, historical, ethnic), non-verbal means of communication and special effects;

2) Step 2. Interpretation of the audio code. The audio code suggests audio effects or sounds (soundtrack, music, etc.);

3) Step 3. Interpretation of the verbal code. It includes both the characters' speech and all kinds of inscriptions;

4) Step 4. Interpretation of the interaction of

codes to convey the expressive shade of relevant semiotic elements;

5) Step 5. Interpretation of the time continuum, socio-cultural impact on the audience of the source text.

It is admitted that a translator needs to ensure that the viewer understands the target message. It is necessary to keep in mind that the recipient of a target text belongs to a different linguocultural community, possesses different knowledge, life, history and culture experience. In cases where such discrepancies may prevent deep understanding of the original message, the translator makes the necessary changes at the pragmatic level of the target text. The analysis of the content and form of the text allows us to determine the pragmatic potential, but this does not determine the nature of the actual impact of the text on the recipient [4, c. 140].

The translation is intended to completely replace the original text and the validity of such a replacement is achieved at one of the equivalence levels [4, c. 132]. At the same time, the translator seeks to proceed from the pragmatic potential, and not from his personal attitude towards the correctness or appropriateness of the source message. In some cases, the equivalent reproduction of the source content empowers the conveyance of pragmatic potential. However, the fact that a translation receptor belongs to a different linguocultural community often leads to the fact that an equivalent translation turns out to be pragmatically inadequate. In this case, the translator has to refer to pragmatic adaptation of the translation, introducing the necessary changes to his text.

We can work out a certain gradation that reflects several ways of reproducing the pragmatic potential in translation: preservation and elimination, where the preservation of pragmatic potential implies the transfer of this potential at a neutral level, or the transfer of vocabulary with the enhancement of its inherent pragmatic potential. Empirically there appear to be at least four approaches to the reproduction of the pragmatic potential: preservation of pragmatic potential, neutralization of pragmatic impact, strengthening of pragmatic impact and elimination of pragmatic impact.

Every text manifests the pragmatic potential with a certain variation depending on the type of the text and its informative character. Preservation

of pragmatic potential is aimed at achieving the desired effect on the translation receptor. The pragmatic attitude of a translation receptor depends not only on the pragmatics of the text, but also on the receptor, their personality, background knowledge, previous experience and other features. An opposite approach concerns neutralization of pragmatic impact. This phenomenon occurs when it is necessary to reduce colloquial, obscene, colloquial vocabulary to a minimum, in case it is considered permissible unacceptable for the audience of the target language.

There are instances when in order to attract the attention of the audience, to provide the required pragmatic influence, the translator refers to strengthening this influence. It is achieved by means of addition, as well as concretization in order to select the contextually appropriate meaning from a wide variety of vocabulary lexical meanings. There are cases when it is preferable to eliminate the intended pragmatic impact for several reasons. Sometimes, in order to avoid the conveyance of

colloquial or obscene expressions or when it is challenging to translate culture words, the translator resorts to the omission or replacement a word with another contextually appropriate meaning, thereby losing the properties and pragmatics of expressive-evaluative vocabulary and its semantic information. The choice of the above-mentioned approaches is predetermined by contextual conditions and the intentions of the translator.

Thus, a comprehensive approach to film translation requires preliminary analysis of semiotic codes. When translating a text, a translator needs to comprehend and analyze the pragmatics of the source text, as well as predict the potential communicative effect of the text on the target audience. The pragmatic potential can be conveyed in a number of ways: preservation, neutralization, strengthening and elimination. A significant requirement is the preservation of the pragmatic potential, and for this, the translator must resort to pragmatic adaptation of the translation, changing the text to meet the demands of the target audience.

Литература:

1. Агафонова, Н.А. Общая теория кино и основы анализа фильма / Н.А. Агафонова. – Минск: Тесей, 2008. – 392 с.
2. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка: учебное пособие / И.В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 376 с.
3. Зарецкая, А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: дис. ...канд.филол. наук:10.02.19 / Зарецкая Анна Николаевна. – М.: Челябинск, 2010. – 180 с.
4. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 1999. – 192 с.
5. Слышкин, Г.Г. Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа / Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова. – М.: Водолей, 2004. – 153 с.
6. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж: Воронежский ун-т, 1987. – 190 с.

Об авторе:

Марченко Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, Tatiana-marchenko-25@yandex.ru

УДК 821.111: 398.221

Насриддинов Д.А.

Истории мифов и средневековье в «Песнь льда и огня»

В данной статье рассмотрены функции средневековья и мифологическая интерпретация саги Джорджа Р. Р. Мартина «Песнь Льда и Огня». Научно проанализированы второе пространство, созданное писателем, и его отличия от реальной действительности. Также обоснованы жанровые особенности цикла и различия между его героями. Изучены воззрения некоторых ученых относительно исторических особенностей свойств пространства, служившего в качестве прототипа для создания данного произведения.

Ключевые слова: фэнтези, метанарратив, средневековье, миф, сага, герой, образ, вторичный мир, король

Nasriddinov D.A.

History of Myths and Middle Ages in “A Song of Ice And Fire”

This article examines the functions of the Middle Ages and the mythological interpretation of the saga «A Song of Ice and Fire» by George R. R. Martin. The second world, created by the writer, and its differences from reality are scientifically analyzed. The genre features of the cycle and the differences between its characters are also substantiated. The views of some scientists regarding the historical features of the properties of space, which served as a prototype for the creation of this work, have been studied.

Key words: fantasy, meta-narrative, Middle Ages, myth, saga, hero, image, secondary world, king

Что именно означает средневековье у Джорджа Р. Р. Мартина «Песнь Льда и Огня»?

Конечно, он не предназначен для точного отображения средневековья. Как считают Умберто Эко, Хизер Арден и другие исследователи средневековья, возвращение к средневековью – это попытка решить проблемы, которые беспокоят нашу коллективную культурную идентичность, проблемы, которые не могут быть полностью исследованы в рамках нашего современного опыта. Имея это в виду, мы утверждаем, что сочетание постмодернистских интерпретаций истории Мартина с его функциями средневековья является пороговым пространством, в котором можно исследовать проблемы, угрожающие нашей способности понимать мир. Английский перевод «Симулякры и симуляции» Жана Бодрияра был опубликован в 1994 году, всего за два года до того, как

первая книга из серии «Песнь Льда и Огня» Мартина попала на прилавки магазинов.

Время, конечно, случайное, но совпадение действительно дает некоторое представление о культурной психике Соединенных Штатов в начале 1990-х годов. Это может даже дать некоторое представление о пока еще не изученной структуре текста Мартина. Многие признали, что произведению присущ постмодернистский характер.

Содержание произведения «представляет постмодернистский подход к высокой фэнтези, устраняя окончательное зло», в то время как стиль повествования, риторика – в частности, множественные точки зрения персонажей и короткие главы, которые быстро переключаются с одной сюжетной дуги на другую, служит «собственной формой постмодернизма, поскольку, кажется, подрывает веру в одну

великую истину в мире Вестероса». По определению Лиотара, постмодернизм состоит из «недоверия к метанарративам» [7, с. 28] тотализирующие повествования, оправдывающие человеческий опыт. Как критический процесс, тесно связанный с деконструкцией, он восхищается парадигмой разобщенности, разрыва и прерывности.

Постмодернизм, таким образом, ставит под вопрос надежность не только того, что известно, но и того, что может быть известно, и требует, чтобы все позитивистские претензии были признаны конструкциями более широкого нарратива. Один из важных типов метанарратива – это жанр; это способ познания или чтения текста, реализуемый через ожидания, которые взаимно согласованы как создателями жанра, так и потребляющей его аудиторией. Успех повествовательного жанра зависит от степени удовлетворения общих или нарратологических ожиданий аудитории или читателя. Действительно, по словам Джона Холла, «жанр повествования формирует понимание» [4, с. 71] таким образом, что он управляет интерпретацией. Одна из важных особенностей серии «Песнь Льда и Огня» Мартина – это то, как он разрушает типичные черты своих жанров, будь то история, фэнтези или средневековая версия того и другого. Он сознательно подрывает историческое повествование, заявляя, что «Историческую литературу приятно читать [...], единственная проблема, с которой я сталкиваюсь, это то, что я тоже знаю много истории [...]. Итак, вы читаете роман о Войне роз, и как бы там ни было, хорошо это или плохо, вы знаете, кто победит» [10]. В отличие от истории, вывод из произведения Мартина известен только автору, и любые попытки предсказать, кто в конце концов захватит власть – а уж тем более, какие персонажи останутся живы – тщетны. Первый урок, который усвоила аудитория Мартина, заключается в том, что все может случиться с кем угодно и когда угодно.

Знаменитая чеховская метафора с оружием здесь неуместна; в первом акте может быть заряженное ружье, но вполне вероятно, что ваш любимый персонаж будет убит мечом во втором акте, как и пистолетом в третьем. Тем не менее, Мартин пропитывает свой текст всевозможными отвлекающими маневрами, используя типичные общие указатели, чтобы привлечь аудиторию и «помочь сформировать

ожидания читателя», только чтобы внезапно перевернуть их и полностью изменить направление повествования. «С такими вещами, – говорит Мартин, – вы можете заставить людей врасплох. Это читается как исторический вымысел, это похоже на исторический вымысел, но вы не знаете, как это выйдет» [6, с. 32].

Самый очевидный пример этой жанровой приманки и подмены можно найти в первой книге саги «Игра престолов». Этот текст знакомит читателя с некоторыми из наиболее важных семей Вестероса, уделяя особое внимание Старкам и их патриарху Эддарду (или Неду). Этот ранний взгляд на семью Старков настолько интенсивен, что 26 из 72 глав отражают точку зрения Неда и его жены Кейтилин. Фактически, единственными персонажами, не относящимися к Старкам в «Игре престолов», являются Дейенерис Таргариени, Тийрон Ланнистер. По сравнению с разнообразием персонажей с разных точек зрения во всех остальных книгах, доминирование семьи Старков в первом тексте вводит публику в заблуждение. Фактически, это часто приводит к тому, что люди, еще не полностью раскрывшие сериал, ставят точку в вопросе: «Сделай это или сломайся».

Питер Хенне пишет: «Если нам это не нравится, значит, мы этого не получаем» [5]. Но дело не в том, что читатели этого не понимают, а в том, что Мартин сыграл с ними в шутивную игру, попросив их следовать за своим главным героем, а затем обнаружив, что под выбранной ими оболочкой ничего нет.

Мартин представляет своей аудитории персонаж, созданный в стиле легендарного главного героя Джозефа Кэмпбелла, а затем внезапно, без предупреждения, удаляет его из повествования. Внезапный поворот оставляет публику потерянной; в жанре, построенном на ожиданиях, читатель внезапно не знает, чего ожидать.

«Игра престолов» рассказывает о пути Неда Старка от его роли лорда Севера в Винтерфелле до его назначения «Десницей короля», самой влиятельной консультативной должности в королевстве. Это, конечно, делает его публичную казнь на трех четвертях текста настоящим шоком для читателя, для которого убийство главных героев до сих пор было табу. «На этот раз, – пишет Нед Виццини, – герой действительно укусил после того как показал, что он храбрый и принципиальный семьянин

на фоне интриганов» [11]. Еще хуже то, как он умирает. Обещавший свою жизнь Короной в обмен на его согласие стать членом Ночного Дозора, Нед публично заявляет, что он предал королевство, и отвергает свои обвинения в том, что мальчик-король Джоффри не тот истинный наследник Роберта Баратеона. Его показания, конечно же, ложны. В конце концов, Старк – мономифический герой в классическом стиле Кэмпбелла: благородный, верный, честный и готовый пожертвовать своим именем и собой ради всеобщего блага. И так, в «Игре престолов» Нед жертвует собой, чтобы помочь подавить угрозу восстания и предотвратить тотальную войну. Но по прихоти неподходящего правителя пожизненное заключение Неда на Стене превращается в смертный приговор, и его обезглавливают на городской площади.

Великая и ужасная ирония состоит в том, что публика уже знает, что обвинения в отношении Неда неверные, что Джоффри не является истинным наследником покойного короля и не совершал никакой измены. Критик Скотт Меслоу отмечает, что «смерть Неда ужасна своим унижением. Его тащат перед издевательской толпой, где он сознается в преступлении, которого не совершал, и восхваляет правоту лживого короля Джоффри. Это «кошмар, продолжает Меслоу, – в фактической смерти Неда нет справедливости – только жестокость и мелкая месть» [8]. Конец совсем не подходит для героя высокого фэнтези, которым является Нед Старк, лорд Винтерфелла.

Как отмечает Джеймс Лоудер: «Шон Эддard Старк, обреченный на смерть Бина, буквально изображает мальчика с плаката первого сезона», доказав «эффективную установку, чтобы встряхнуть тех, кто впервые попадает в Вестерос во время шоу». Конечно, правда здесь всегда – каждый плакат сопровождается зловещим слоганом: «Ты выиграешь или умрешь». Но только те, кто знаком с серией книг, могли понять, какой поворот был выдан.

Снова и снова Мартин настраивал свою аудиторию и демонстрировал им, что никто, даже герой, не застрахован от вреда в «Игре престолов». Если в рассказе Мартина и есть мораль, то, возможно, это идея о том, что нет одного героя, который спасет для нас мир, что нет четко обозначенных добра и зла, нет чистоты, которая бы всегда была счастливой. Многоуровневая история Мартина с участием

нескольких главных героев требует от нас осознать, что не существует главного повествования, даже в художественной литературе, как он полагает, никогда его не было.

Мартинская версия средневековья фактически выступает в тексте как своего рода симулякр. «Bsimulacrum, – предполагает Бодрийяр, – никогда не является тем, что скрывает правду – это правда, которая скрывает тот факт, что ее нет. Симулякр – это правда». Его прещесия симулякров отражает концепцию средневековья, которая развивалась с заката Средневековья до настоящего времени. От первых представлений о средневековом периоде, которые ознаменовали то, что Бодрийяр называет «отражением глубокой реальности», до настоящего, где термин «средневековый» относится как к далекому хронологическому периоду, так и к постсредневековым возрожденным народам [1, с. 58].

Средневековье, понятие средневековья было настолько абстрактным, что вообще исключало любое представление реальности. Теперь, в «Песне Льда и Огня», изображения средневековья достигли финальной стадии прещесии, когда образ становится «собственным чистым симулякром». Это стадия гиперреального; момент, когда популярные мифы средневековья стали настолько распространенными в нашем культурном интеллекте, что различие между постсредневековыми романтическими переосмыслениями средневекового периода и историческими записями стало проблематичным.

Классическим примером концепции постмодернизма Бодрийяра является тематический парк Диснейленда в Калифорнии, который он сравнивает с симулякром современных Соединенных Штатов. «Повсюду в Диснейленде, – пишет Бодрийяр, – есть объективный профиль Америки [...]. Все ее ценности превозносятся миниатюрой и комиксами. Забальзамирован и умиротворен». Диснейленд действует как «идеологическое одеяло», скрывающее тот факт, что это на самом деле представление страны, притворство воображаемого, чтобы скрыть правду о том, что это реально. Собственное объяснение Мартина об использовании им средневековья и о том, как его представление отличается от классических средневековых фэнтезийных работ, сильно напоминает объяснение симулякров Бодрийяром.

Мартин говорит: «У меня были проблемы с большим количеством фэнтези, которые я читал, потому что мне казалось, что средние века или какая-то версия квазисредневековья были предпочтительным местом действия. Подавляющее большинство фэнтези-романов, которые я читал от подражателей Толкина и других фантазеров, было что-то вроде средневековья Диснейленда, где у них были замки, принцессы и все такое».

Средневековье Мартина не предназначалось для отражения настоящего средневековья или даже «квазисредневековья». Напротив, это то «идеологическое одеяло», которое скрывает тот факт, что вселенная Мартина только притворяется воображаемой. На самом деле работа Мартина представляет собой реалистичное изображение современного мира, созданное на искусстве средневековья. Под этой иллюзией исчезают различия между миром Мартина и современным миром.

Смысл маскировки заключается в том, что в процессе возникает метафизическая дистанция между идентичностью и репрезентацией, где становится возможным представить альтернативную идентичность и историю и, что является ключевой чертой постмодернизма. Это похоже на посещение бала - маскарада и создание предыстории, соответствующей вашему костюму, - идентичности, которой нет, но которая могла бы быть. Бодриар пишет, что «история [является] нашим утерянным референтом, [...] нашим мифом», возможно, даже «последним великим мифом», и я думаю, что текст Мартина признает, по крайней мере с точки зрения повествования, что идея истории уже была отличным мифом на долгое время. Но Мартин, вместо того чтобы участвовать в великом историческом мифе, использует свои серии для пропаганды реализма. В интервью Джорджу Струмбулопулосу он говорит: «Если вы собираетесь писать об этом периоде, вам следует честно отразить его суть и уловить обе стороны этого. Он предполагает не только военную славу, но и «последствия». Мартин поддерживает реализм не из желания сделать представления о Средневековье более точными ради истории, а чтобы напомнить нам, что предпочтение отдельного рассказа или неполного рассказа имеет идеологические последствия. В своем знаменитом эссе «Возвращение в средневековье» [3]. Умберто Эко пытается по-

нять причины, по которым современная западная культура заново изобретает для себя средневековье. В нем Эко заключает, что «Средние века – это корень всех наших современных «горячих» проблем, и [поэтому] неудивительно, что мы возвращаемся в тот период каждый раз, когда задаемся вопросом о нашем происхождении» [2, с. 59].

Другими словами, «средневековая модель мира» может иметь «прямую объяснительную силу для нас, потому что, как утверждает Доменико Пьетропаоло, «значительная часть нашей реальности исторически основана на ней» [9, с. 38]. Мы концептуализируем связь между средневековьем и современностью и признаем, что, хотя они являются взаимосвязанными аспектами одной и той же исторической траектории, между ними существует различие, разрыв между тем, что значит быть средневековьем и что значит быть современным. Но мы также признаем, что наши существующие проблемы могут иметь корни в историческом периоде.

Практика средневековья – это наша попытка заполнить пространство между ними, объяснить, как наша культура перешла из точки А (Средневековье) в точку Б (современность), но через процесс, который переворачивает их. Мы не можем знать средневековье беспристрастно, потому что мы всегда абстрагируем его на расстоянии и представляем как историческое зеркало, на котором может разыгаться драма современника. Работа Мартина напоминает нам, что наши представления о средневековье всегда были о современном первом и средневековом втором, и предупреждает нас о последствиях построения идентичностей вокруг национальных или индивидуальных, исторических мифологий. Он нарушает процесс повествования истории, создавая мир, который одновременно является статичным и самовоспроизводящимся историческим циклом – повсюду в книгах и новеллах чувствуется, что война, которая ведется сейчас, действительно просто реконструкция конфликтов предыдущего поколения. И он сокращает расстояние между вымыслом и реальностью, прошлым и настоящим, перенося интерпретацию исторических событий – Войн роз – в этот мир фантазий.

Этот мир фантазий, который, как многие отметили, географически и концептуально воспроизводит наш собственный. В конце концов,

назвать два больших массива суши Вестерос и Эссос не так уж сложно. Все это взаимодействует, чтобы создать ощущение, что история и персонажи «Песни Льда и Огня» наполовину чужды и наполовину знакомы, что мир текста действует как метафорическая версия нашей собственной исторической реальности. Таким образом, под уловкой средневековья различия

между миром Мартина и современным миром ничтожны. Средневековый Вестерос и мир современного Запада на самом деле являются лишь двумя сторонами одной медали, и мир Песни Льда и Огня можно использовать как свободное пространство, в котором можно исследовать множество вопросов, касающихся современной культуры.

Литература:

1. Baudrillard, Jean. *Simulacra and Simulation*. Ann Arbor: University of Michigan, 1994.
2. Eco, Umberto. «The Return of the Middle Ages.» *Travels in Hyperreality*. Orlando: Harcourt Brace Jovanovich, 1986. 59-85.
3. George R.R. Martin On Vietnam And The Realities Of War. Interview. George Stroumboulopoulos Tonight. Canadian Broadcasting Company, 13 Mar. 2012. <http://www.cbc.ca/strombo/books/george-rr-martin-onvietnam-and-the-realities-of-war.html>
4. Hall, John R. *Cultures of Inquiry: From Epistemology to Discourse in Socio historical Research*. Cambridge, U.K.: Cambridge UP, 1999. Print.
5. Henne, Peter. «Game Of Thrones: 5 Plot Contrivances In A Song of Ice And Fire That Were Passed Off As Realism.» *What Culture*. N.p., 25 Mar. 2013. Web. <http://whatculture.com/tv/game-of-thrones-5-plotcontrivances-in-a-song-of-ice-and-fire-that-were-passed-offas-realism.php>
6. Lowder, James. «In Praise of Living History.» Introduction. *Beyond the Wall: Exploring George R.R. Martin's A Song of Ice and Fire*, from *A Game of Thrones to A Dance with Dragons*. Dallas, TX: Smart Pop/Ben Bella, 2012. Xiii-viii. Print
7. Lyotard, Jean-François. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Minneapolis: University of Minnesota, 1984. Print.
8. Meslow, Scott. «'Game of Thrones': Death Be Not Proud.» *The Atlantic*. Atlantic Media Company, 13 June 2011. <<http://www.theatlantic.com/entertainment/archive/game-of-thrones-death-be-not-proud/240326/>>.
9. Pietropaolo, Domenico. «Eco on Medievalism.» *Studies in Medievalism* 5 (1993): 38-127.
10. Richards, Linda. «George R.R. Martin [Interview].» *January Magazine*. Jan. 2001. Web. <<http://januarymagazine.com/profiles/grrmartin.html>>.
11. Vizzini, Ned. «'Game of Thrones': George R.R. Martin Fights the Genre Wars.» Web log post. *Hero Complex: Pop Culture Unmasked*. Los Angeles Times, 15 May 2012. <http://herocomplex.latimes.com/books/game-of-thronesgeorge-r-r-martin-fights-the-genre-wars/>

Об авторе:

Насриддинов Дилшод Аъзамкулович, Докторант (PhD), Узбекский государственный университет мировых языков, г. Ташкент, Узбекистан, dilshodnasr@gmail.com

УДК 398.3

Пангереев А.Ш., Балтымова М.Р.

Жанровые разновидности топонимического фольклора

В статье рассматриваются исследования о связи топонимического фольклора с новым направлением топонимики. В результате связи фольклора и топонимики зародился новый вид жанра - жанр топонимического фольклора. Определяются жанровые разновидности топонимического фольклора, его связь с мифом и этнографией. Анализируются познавательная, эстетическая, адресная функции жанра. Рассматриваются ареал распространения и функции жанров топонимического фольклора.

Ключевые слова: фольклор, топонимика, топонимический фольклор, предание, легенда, миф, рассказ, героический эпос, романический эпос, сюжет

Pangereev A.Sh., Baltymova M.R.

Genre Varieties of Toponymic Folklore

The article deals with research on the connection of toponymic folklore with a new direction of toponymy. As a result of the connection between folklore and toponymy, a new type of genre was born - the genre of toponymic folklore. Genre varieties of toponymic folklore, its connection with myth and Ethnography are determined. The cognitive, aesthetic, and address functions of the genre are analyzed. The area of distribution and functions of toponymic folklore genres are considered.

Keywords: folklore, toponymy, toponymic folklore, tradition, legend, myth, story, heroic epic, romantic epic, plot

Современная казахская фольклористика к настоящему времени имеет много достижений. Собраны и систематизированы образцы казахского фольклора, выявлены и проанализированы фольклорные жанры. Вместе с тем, нельзя утверждать, что собранное в течение многих веков богатство народной культуры, плоды народной мудрости, то есть, всё многостороннее творчество, именуемое фольклором, уже совершенной мере изучено. Потому что в период глобализации перед нашей фольклористикой стоят новые задачи и неразрешенные проблемы, связанные с изучением казахского фольклора в свете мировой литературы и культуры. Одна из таких проблем – связь фольклора с другими направлениями науки, существование жанров, которые позволяют увидеть фольклор с непривычной нам стороны. «Следует отметить, что казахская фольклористика к сегодняшнему дню провела значительную ра-

боту: собран основной фонд казахского фольклорного наследия, многое из этого наследия систематизировано и опубликовано. Несмотря на это, предстоит еще решить довольно много вопросов» [1, 48], - так академик С.Каскабасов писал о задачах, стоящих перед фольклористкой, одной из которых является выявление связи фольклора с топонимикой.

Конечно, топонимика - ранее не оцененное по достоинству и более молодое направление в науке, чем фольклористика. Но, хотя работы по сбору и исследованию топонимики начались сравнительно недавно, она издавна занимала устойчивое место в фольклорных сюжетах, и географические названия имеют давнюю историю происхождения. С этой точки зрения, она должна рассматриваться в составе фольклора. Топонимические названия часто встречаются в фольклорных произведениях, и поэтому вопросы их влияния на сюжет, осо-

бенности их функционирования в фольклорном тексте, их отношение к фольклорным героям привлекают внимание исследователей и требуют специального изучения. Важно то, что наименования природных объектов (рек, озер, гор, земель), встречающиеся в образцах фольклора и сами являющиеся продуктом народного творчества, стали основой для создания и формирования жанров топонимического фольклора.

Топонимический фольклор должен рассматриваться как одна из отраслей общенационального фольклора. Можно выделить несколько признаков, характеризующих его национальные особенности. В первую очередь, он находится в тесной взаимосвязи с другими жанрами фольклора. Известно, что фольклор имеет три основных раздела [2, 20], и топонимический фольклор находится в тесной взаимосвязи с ними. Скажем точнее, встречающиеся в фольклоре наименования природных объектов родной земли следует воспринимать как мифологические представления древнего миропонимания и древней культуры, впоследствии ставшие основой легенд и хикаятов. А вот в сказках топонимы конкретно не указываются, в них географические объекты обобщенно представляются как горы, воды, реки и моря. Поэтому здесь мы обратились к жанрам несказочной народной прозы, и наша главная цель - раскрыть их особенности с помощью топонимических названий, находящихся в древнем культурном наследии.

Следует отметить, что топонимический фольклор выполняет и утилитарные функции. Его познавательное значение, эстетические, документальные, общественные функции для народа были жизненной необходимостью. Очевидно, как важна была роль топонимических названий для людей, с давних пор живших в широкой степи. Отсюда вытекает и практическая значимость изучения топонимического фольклора. Прежде топонимический фольклор не был объектом специального исследования. Известно, что жанры несказочной прозы, рассматриваемые в данном исследовании, изучаются давно. Тем не менее, мы намерены выделить в целях изучения те из них, которые имеют отношение к топонимике. Потому что умение народа оставлять нестираемые знаки своего пребывания на земле в соответствии со своим миропониманием, то есть, умение

подметить какие-то внешние черты или сокровенные особенности какой-либо местности и дать название, закрепив за ней определенную репутацию, говорит об огромных творческих способностях народа. Поэтому топонимы, постоянно встречающиеся в составе сюжетов в различных жанрах казахского фольклора, имеют важное значение для познавательной, фактической, образной стороны произведений, поскольку они ведут начало с глубокой древности и отражают основы миропонимания народа, оценки им окружающей среды, его разума, поэтического языка.

Фольклор и топонимика, хотя и рассматриваются в теоретическом плане как отдельные направления науки, имеют равное значение для практического изучения этнокультуры нашего народа. Поскольку часть фольклорных сюжетов рассказывает о географических названиях, и даже если сюжеты имеют другое содержание, многие вопросы, связанные с ними (место событий, время, регион), могут быть выявлены с помощью топонимов.

Способность фольклора объяснять суть вещей, явлений, миропорядка, то есть окружающей среды, является причиной тенденции непрерывного развития его жанровой системы. К таким возможностям фольклора относится его связь с топонимикой, благодаря этой тесной взаимосвязи появились различные жанровые формы топонимического фольклора. Можно сказать, что связь этих двух научных дисциплин очевидна. Потому что, если отбросить из фольклорных сюжетов приведённые в них географические названия, или не придавать им значения, описываемые в этих сюжетах исторические события станут абстрактными, их фактическое содержание окажется неполным. А также не могли бы выявиться народное миропонимание и эстетические идеалы, с давних времен находившие отражение в фольклорных текстах. Потому что одна из основных особенностей казахского фольклора – опора на народное миропонимание, которое передается с помощью географических названий. Если согласиться с утверждением, что фольклор – свидетель исторической памяти народа, зеркало народной истории, то очевидна его неразрывная связь с топонимикой. Поэтому мы считаем, что тесная взаимосвязь фольклора и топонимики - это явление, родившееся из казахской народной культуры, кочевого образа жизни,

поэтического сознания, эстетических идеалов и национальных особенностей в целом.

Однако, такие познавательные свойства топонимов неодинаковы для фольклорного наследия разных народов. Особенности включения географических названий и их место в фольклорных сюжетах, или объяснение причин, по которым получили название те или иные топонимы, наличие фольклорных образцов, в которых отразилась традиция их художественного воплощения – это факторы, связанные с образом жизни определенного этноса (народа), его гармонических отношений с природой. Соглашаясь с мнением В.Я.Проппа, который заметил: «Первая задача классификатора – установление жанрового состава фольклора своего народа. При этом жанровый состав фольклора, установленный для одного народа, не может быть механически перенесен на состав фольклора другого народа» [3, 37-38], мы вместе с тем ясно видим, что связь фольклора и топонимики, которую можно увидеть при изучении образцов отдельных жанров, – общее явление для казахского и тюркских народов, которое особенно свойственно для фольклорных жанров нашего народа, который вёл кочевой образ жизни на огромных степных просторах. Нет необходимости искать сходные образцы и модели в фольклоре других народов, потому что их там нет. Это особенность казахского фольклора, связанная с его образом жизни.

Одним из показателей прогрессивной культуры любого народа является наличие топонимов, нашедших место в его фольклоре. Потому что отношение народа к окружающей среде, его эстетические взгляды, разум, национальное бытие проявляются в названиях, даваемых им географическим объектам на родной земле.

Древние представления о родной земле складывались вместе с формированием народного самосознания и являются одним из основных факторов познания окружающей среды. Современные наши понятия – родина, земля отцов, родная земля, место рождения – ведут начало от древнетюркского понятия «жер-су», то есть «земля-вода».

Когда идет речь о исконном смысле и содержании понятия «родная земля», его роли в жизни общества, в первую очередь приходят на память древние верования, представления

людей о сотворении мира, окружающей среде, природе. Это правомерное явление. Потому что родная земля есть то пространство, недра, сама природа, которая помогла человеку стать хозяином осознанной жизни. Поэтому все самое важное в жизни человека связано с родной землей.

Первоначальные представления человечества об окружающих его объектах природы, то есть представления о земле-воде, рассматриваются современной наукой как мифы. В философском значении миф – это миропонимание. Но здесь нельзя разграничивать понятия мир (природа) и родная земля, в большинстве случаев эти эти понятия имеют одно значение

В науке существует множество определений мифа. Как отмечает С.Каскабасов, эти определения основаны на античной мифологии и связаны с функциями мифов (объясняющими, психологическими, социальными и т.п.), их связи с религией, искусством, различными обычаями, сказками и легендами. «С точки зрения казахского фольклора мифы – это прозаические произведения, по своим типологическим характеристикам находящиеся в одном ряду с мировой мифологией, объясняющие явления и объекты бытия, природы, повествующие о сотворении неба, земли и первых людей, о происхождении животных и птиц, их повадках и особенностях» [1, 64-65].

То есть, для фольклористов мифология – особый жанр устной литературы в прозаической форме, объясняющий объекты и явления природы, человеческой жизни в религиозном и иррациональном значении. Это значит, что в основе фольклора лежит миф. Поэтому в произведениях фольклора о «земле-воде» присутствуют все вышеназванные особенности. Неразрывное единство фольклора и мифологии заключается не только в их генетической связи, но и в изображении жизнедеятельности человека в рамках его бытия, времени и пространства.

Здесь следует указать, что мифология в свою может функционировать как отдельная система, поскольку тексты, входящие в понятийный ряд мифа, проходят через отбор и толкование собирающих их людей, собирателей. Поэтому мифологией можно называть, с одной стороны, сборники дошедших до нас мифов, и, с другой стороны, научную дисциплину более позднего времени, науку, изучающую мифы.

Тесная связь фольклора и мифологии является основой для глубокого изучения произведений о географических объектах, о «земле-воде».

В противном случае, топонимика как наука («*topos*» – место, «*onoma*» – название) могла бы исследовать только этимологию, физико-географические особенности, местонахождение, описательные функции названия определенно-географического объекта, что недостаточно для современной науки. Чтобы узнать изначальные предпосылки названия, его истоки, необходимо обратиться к мифологическому сознанию, к духовному фонду, сохранившему древнее миропонимание – к фольклору, и выяснить, как древнее мифологическое сознание фиксировало особенности природных явлений.

Это связано с тем, что мифы сохранились в народной памяти не потому только, что являются особым, выдающимся явлением, но и потому, что отразили многочисленные народные верования и представления о мире. Знаки мифа, проявляясь в фольклоре и его персонажах чудесного происхождения, совершающих необыкновенные действия, конкретизируют и материализуют их, подчиняют своим целям, символически воплотившись в названиях-топонимах, дают ясную картину и тем самым становятся жизнеспособными.

Конечно, по мере отдаления определенного явления от мифа, его прежнее изначальное значение блекнет, стирается, а его первоначальное значение сохраняется только в фольклорных текстах и приобретает символический облик. Таким образом, топонимические названия в фольклорных текстах приобретают символические значения, становятся основой для достоверного, правдивого изображения явлений и событий, происходивших в стародавние времена.

Каждый топоним в известных пределах является символом, но здесь мы хотим сказать о древних, исторических топонимах, о заключенных в них символических значениях. Если рассматривать исторические топонимы и их истоки, мы найдем тропинку к старому мифологическому бытию и обнаружим многие фольклорные образцы, описывающие их. Вот этот двусторонний процесс характеризует тесную взаимосвязь фольклора и топонимика.

Это миропонимание позволило тюркскому народу назвать места своего проживания (ойкумену) – «земля-вода» (иер - су, иер - суб).

В связи с этим можно утверждать, что связанные с топонимикой сюжеты в системе фольклора имеют тенденцию к межжанровым образованиям как закономерность творческого процесса. Вместе с тем, мы можем предполагать, каковы были значения топонимов, степень их отношения к народному творчеству – фольклору.

Отсюда можем сделать выводы:

- «Земля-вода» есть понятие, объединяющее три мира (верхний – Тенгри, нижний – Умай, средний – человек)

- «Земля-вода» – соединение верхнего и нижнего, объект преклонения, но не божество, а мир, где живет человек, часть пространства.

- «Земля-вода» – древнее название места, где человек родился, его родная земля, отечество.

- «Земля-вода» – это сама природа, то есть географические объекты.

- «Земля-вода» – знаки жизни, оставленные человечеством с древнейших времен, свидетельства истории, познаваемые с помощью топонимов из фольклорных сюжетов.

- «Земля-вода» – собирательный образ в произведениях фольклора, отражающий представления и взгляды об окружающем мире.

- «Земля-вода» – средство создания мотивов, иногда может служить основой сюжета.

Эти тезисы глубже показывают природу топонимов, их значение в составе жанров казахского фольклора, их единство с сюжетами, и в итоге дают представление о том, как они способствуют созданию жанров топонимического фольклора.

В целом разграничение жанров напрямую связано с их сюжетами. Поэтому сюжет наиболее важен для определения жанра. Выявление жанровых разновидностей топонимического фольклора тоже тесно связано с функциями этих сюжетов.

Так, топонимические сюжеты фольклорных произведений по своему содержанию, особенностям повествования делятся на несколько видов. Если сюжет, связанный с географическими названиями, основан на исторических или полуисторических событиях – это топонимическое предание (аңыз); если в нем объясняются причины, по которым названо определенное географическое место, в нем участвуют мифологические персонажи и оно основано на религии – это топонимический

хикают; если рассказ о давних событиях, связанных с каким-либо местом, содержит много вымысла и носит чудесный, фантастический характер, его можно назвать топонимической легендой. В связи с тем, что ниже мы более подробно остановимся на классификации этих жанров, здесь мы указываем лишь самые общие черты, позволяющие отнести их к жанрам топонимического фольклора.

В любой науке чтобы классифицировать, дать теоретическое обоснование, определить задачи, функции, следует найти общую основу. В нашем исследовании эта основа – топонимы, названия географических объектов в фольклоре.

По этому поводу считаем обоснованным мнение В.Я. Проппа: «Точное определение того, что понимается под жанром, невозможно вне рамок классификации жанров; жанры должны быть определены каждый как сам по себе, так и в их отношении к другим жанрам, от которых их нужно отличать. Оба эти вопроса – вопрос об определении жанров и о их классификации, по существу составляют две стороны одного большого вопроса» [3, 36].

В связи с этим мы ставим целью рассмотреть совместно научную топонимику и фольклор, основой которого являются топонимы, и определить общие жанровые принципы.

В связи с этим важно мнение В.А. Никонова: «И для изучения народного творчества, быта, верований географические названия – щедрый источник. Мифы об основании Киева и Рима, выводящие их названия из имен мифических основателей их, возникли из попыток осмыслить названия, ставшие непонятными. Таких легенд множество» [4, 14]. Как отметил Б.Н. Путилов, «фольклор (в широком смысле традиционная и распространенная культура) – это основанное на традициях творчество групп или личностей, отражающее ожидания (надежды) общины, являющееся адекватным выражением ее культурного и социального самосознания. Фольклорные нормы и ценности передаются устно, подражанием или другими способами. Его формы включают среди других – язык, устную словесность, музыку, танцы, мифологию, ритуалы, обычаи, ремесла, архитектуру и другие искусства» [5, 18]. Основываясь на этих мнениях ученых, можно определить важные задачи, стоящие перед современной фольклористикой, и выйдя за пределы, поставленные советской наукой, определить то-

понимику как самое широкое и продуктивное направление ономастики, которое при параллельном развитии с другими науками становится поэтической системой, дающей очень широкие возможности для знакомства с традициями и эстетической мыслью народа. Возникновение таких задач в науке является закономерным явлением, поскольку жизнь не стоит на месте. С течением времени в образовательном пространстве появляются новые технологии, возникают новые направления для исследований. В этом смысле, благодаря пробуждению сознания, новому мышлению и связям фольклористики с другими общественными гуманитарными науками, возможно выявление новых фольклорных жанров.

Понятно, что ни одна область науки не может развиваться обособленно, но может получить развитие только в союзе с другими направлениями науки и образования. Вот почему топонимика, основу которой составляют географические объекты, связана с рядом научных направлений (дисциплин). О связи топонимики с литературой и фольклором и другими науками в своих работах указывали в своих трудах ученые Никонов В.А. [4, 9-15], Реформатский А.А. [6, 33-34], Агеева Р.А. [7, 30-35], Мурзаев Э.М. [8, 28-47], Эбдірахманов А. [9, 3] и другие. Если сопоставить работы этих ученых, можно заметить разницу в их мнениях о различии топонимики от других наук. Например, Э.М. Мурзаев в своем исследовании, отмечая адресные функции топонимов, говорит о том что они являются продуктом многовекового народного творчества: «...Но не следует думать, что значение топонимов ограничивается только этой функцией. Такое одностороннее представление не вскрывает богатства их содержания и большого информационного потенциала. Ведь географические названия, их совокупность суть народное творчество, создаваемое веками. Истоки его уходят в далекое прошлое и нередко теряются в истории человечества» [8, 4]. А.А. Реформатский подчеркивает необходимость применения географических, лингвистических, исторических методических схем при изучении топонимов: «Но так как топонимика законно интересует и географов, и историков, а не только лингвистов, то надо здесь предусмотреть интересы всех заинтересованных и наметить разделение труда в этой области» [6, 31-34]. Все приведенные мне-

ния ученых верны, поскольку речь в них идет не о том, «как понимать значение топонимики, а как ее применять». Поэтому, желая использовать возможности топонимики для того, чтобы внести новый вклад в своей науке, лингвисты применяют ее в лингвистике, географы – в географии, историки – в истории.

Очевидно, что топонимические названия являются плодами народного творчества, находят широкое отражение в составе его фольклора, связаны с укладом жизни народа и являются порождением степной культуры, наряду с познавательным значением имеют высокую эстетическую ценность и поэтический облик. Конечно, нет необходимости доказывать, какое место занимала степная культура в жизни кочевников. В жизни народа, который вел кочевой образ жизни, зимой и летом кочевал на огромных территориях великой степи, названия географических мест занимали очень важное место. Поскольку основным средством существования народа был скот, наши предки всегда были в поисках сочных пастбищ, поэтому находились в тесной связи с природой, считали ее кормилицей и, постоянно кочуя, давали название каждой местности, где ступала их нога, в соответствии с особенностями ее рельефа. Потому наши предки, являясь автохтонным народом, давали собственное название каждой горе и камню, ложбине и рукаву реки, оврагу и ущелью. То есть, каждое место, где люди и скот останавливались, имело свое название. И каждое такое название имеет свою тайну, почему именно так его называли.

Для кочевников наряду с адресной функцией топонима, расположением географического объекта, была важна и его познавательная сторона. Поэтому мифологические представления о возникновении этих объектов, легенды и предания о происхождении названий, иносказательно рассказывающих о различных тайнах, связанных с ними, с давних времен интересовали людей, побуждали узнать сокровенные значения этих названий. Такое пристальное внимание, особый интерес к топонимическим названиям порождены их связью с сезонными кочевками народа. Так, эти названия силой воображения переносили земную жизнь народа в небесный мир, придавая сокровенный смысл космономическим названиям, став основой для создания безграничного количества произведений народного

творчества. В свою очередь, это творчество позволило всеми возможными способами сохранить топонимические названия неизменными в народной памяти. Отсюда заметна такая особенность – топонимические названия благодаря своей чудесной тайне, особенностям названия становятся основой народного творчества, а затем сами становятся одним из видов народного творчества, когда их включают в свои произведения исполнители, народные певцы, хранители фольклора. Поэтому наш народ, который с древнейших времен вел кочевой образ жизни и жил в тесном единстве с природой, всегда в процессе кочевки использовал названия мест в качестве координат, испытывая нежные чувства к родной земле, воспевал ее в песнях, эпосе, музыке, делал лейтмотивом легенд и сказаний, создал традицию воспевания своей земли в поэтических сочинениях певцов-акынов. Все это показывает созидательные возможности фольклора.

Рассматривая топонимический фольклор как одно из направлений фольклора, прежде всего мы ставили целью выявить взаимосвязи между ними, найти общие основы. Отсюда возникает необходимость выяснить первоначальные мотивы возникновения топонимических названий, которые легли в основу фольклорных сюжетов. Не зная этих причин, мы не сможем узнать, почему топонимы стали предметом изображения в легендах, как они стали основой эпоса. Поэтому в ходе исследования одной из главных целей должно быть выявление общих для фольклора и топонимического фольклора мифологических представлений, какое отношение они имеют к появлению видов народного творчества о географических объектах (земле-воде). По этой причине для того, чтобы выявить природу топонимического фольклора, сформировавшегося как способ народного миропонимания, мы должны проанализировать мифологические мотивы, которые оказали на него влияние.

Во вторую очередь следует остановиться на том, какова степень вымысла в фольклорных произведениях о природных объектах, выявить его основные свойства. Разговор о соотношении вымысла и правды в фольклоре неслучаен, он отражает особое чувство народа к родной земле, к природе, как к родной матери. Горячее желание познать топонимические названия родной земли способствова-

ло созданию таких видов творчества. Поэтому непрерывное создание в народе фольклорных сюжетов об известных народу объектах – закономерное явление. Точно также народная фантазия создала различные сюжеты, связанные с небесными телами, со звездами. Ясно, что знания о небесных светилах для кочевого народа были не только его духовным сокровищем, но и бытовой, жизненной необходимостью. Это один из факторов утилитарного назначения топонимического фольклора.

Вместе с тем, не все сюжеты топонимического фольклора основаны на вымысле. Хотя древние мотивы были основаны на мифах, имеющих большую степень вымысла, но со временем познание бытия, освоение природы человеком, позже установление общественных отношений, стремление к изображению правдивых сторон социальной жизни способствовали историческому развитию топонимических названий. Понятно, что топонимы вместе с развитием сознания человека, развитием общества приобретают новый облик. Мы хотим назвать особенности такого диалектического развития. Поскольку, наряду с познавательным значением топонимического фольклора, его общественное содержание является одной из узловых проблем. Эти его стороны – познавательное значение, общественное назначение и эстетическая функция – являются важными свойствами топонимического фольклора. Эти особенности топонимического фольклора, то есть отношение к вымыслу, стремление к фактической точности в создании исторической правды, познавательность, эстетическая функция, могут помочь выявить жанровые разновидности топонимического фольклора и их функции. В результате мы распределили топонимические жанры подобно жанрам народной прозы, выделив четыре вида: топонимическое предание, топонимическая легенда, топонимический хикаят (рассказ на религиозной основе), топонимический рассказ. Это деление жанров выполнено в соответствии с их признаками и назначением.

Здесь нужно обратить внимание на одно обстоятельство. Это то, что несказочная народная проза издавна сформировалась как система самостоятельных жанров и достаточно изучена в научном плане. Однако, главная особенность сюжетов жанров несказочной прозы в том, что подавляющее большинство

их связано с географическими наименованиями. Мы считаем необходимым выделить среди устойчивых жанров те, которые связаны с топонимами, и исследовать их жанровую природу. Для этого есть все основания, потому что в их сюжетах нашли отражение множество топонимов. Например, само разделение жанра предания на две разновидности – историческое предание и топонимическое предание – подтверждает эту необходимость.

Если всмотреться в подоплеку преданий о «земле-воде», то в исторических преданиях можно увидеть свойства топонимических, а в топонимических преданиях – отличительные особенности исторических. Можно утверждать, что созданию и формированию преданий способствовала горячее стремление народа познать историю родной земли. Ведь топонимические предания обладают огромным познавательным значением, рассказывая о каких-либо исторических событиях, связанных с определенным местом, дают сведения и об истории этих мест, и судьбах людей, проживавших здесь в те времена. Точно также топонимические предания делятся на несколько видов и существуют различные факторы, способствующие их возникновению. То есть, иногда причиной появления топонимического предания могут послужить исторические события, происходившие в определенном регионе, а иногда – рассказы об известной в этих местах исторической личности. Иногда причинами появления сюжетов могут быть этимология древнего названия определенной местности, или какого-либо известного всем места.

Топонимические легенды строятся иначе, чем предания. Легенда – фольклорный жанр, понятие, широко известное в науке. Когда мы говорим о топонимической легенде, мы отмечаем ее разновидности, связанные с географическими объектами, «землей-водой», и рассматриваем ее как жанровую разновидность внутри фольклора. Поскольку легенды, как и предания, тоже имеют свои жанровые разновидности.

В этом заключается их сходство, но что касается их черт, связанных с топонимикой, здесь имеются большие различия. Эти различия прежде всего заметны по отношению к времени и пространству. Например, если предание повествует о давно прошедших событиях, в легенде время не ограничивается. По выполняемым

функциям легенда тоже отличается от предания, то есть, легенда не выполняет, подобно преданию, познавательную функцию, рассказывая о чем-то, что считается реально происходившим, достоверным, а стремится к назидательности, повествуя о каких-то чудесных событиях в качестве поучительного примера.

Мы думаем, здесь можно сделать такой вывод: если топонимические названия показываются для того, чтобы документально подтвердить исторические события, происходившие в каком-то определенном месте, регионе – это предание, а если в произведении представлен вымышленный рассказ о чудесном происхождении топонима или о событии, исторически недостоверном, но являющемся поучительным примером, – речь идет о легенде.

Топонимические легенды по тематике и сюжетному содержанию можно разделить на местно-исторические и утопические. Однако местно-исторических легенд, связанных с географическими названиями, намного больше, чем утопических. Так, мы отнесли связанные с топонимами местно-исторические и утопические легенды к топонимическим легендам, а произведения, в основе которых лежат сюжеты религиозного содержания, объясняющие причины происхождения названий определенных мест, рассматриваем как топонимические хикаяты.

Отличительная особенность топонимических хикаятов в том, что они понятны всем и имеют широкий ареал распространения. Если топонимические предания и легенды имеют обычно региональное значение, то топонимические хикаяты известны всему народу. Это объясняется тем, что персонажами топонимических хикаятов являются пророки, чудотворцы, святые, которые хорошо были известны в народе в связи с распространением ислама. В них отражается гуманистический характер религии. Но есть и хикаяты, которые показывают рациональные стороны религии и вместе с тем внушают людям страх. В таких хикаятах названия-топонимы связаны с нечистой силой, с дьяволом, порождая топонимические сюжеты о Чертовом Овраге, Чертовом Озере, Чертовом Мосте. Здесь обнаруживается сходство топонимических хикаятов с мифом. Поэтому в их основе могут быть события, которые считаются происходившими в очень давние времена. Тем не менее, подавляющее большинство топонимических хикаятов имеют сюжеты, связанные с

религией ислама. Таким образом, разделение топонимических легенд и хикаятов связано с различием выполняемых ими функций, поставленных задач: одни связаны с религией, другие нет.

А вот содержание топонимического рассказа совершенно другое. Он занимает особое место в ряду фольклорных жанров. Известно, что его истоки лежат в древности. Существуют разновидности рассказа, связанные с познавательными свойствами и исполнительскими особенностями. Его отличия от других жанров народной прозы связаны со временем возникновения, то есть время появления топонимического рассказа более позднее.

Топонимические рассказы реалистически повествуют о происходивших событиях. Рассказчик зачастую говорит о себе, как участнике описываемых в рассказе событий. Поэтому слушатели верят ему, как очевидцу событий. Таким образом, повествование о невыдуманных, происходивших в жизни событиях, рассказываемое в том самом конкретном месте, где происходили эти события, связанное с названием этой земли, мы рассматриваем как топонимический рассказ.

На этом возможности топонимического фольклора не ограничиваются, у него есть и другие особенности, связанные с другими жанрами национального фольклора. Это фундаментальная область фольклора – эпические жанры, исторические поэмы, исторические песни. Поэтому очень важно изучить, какое отражение нашел топонимический фольклор в героическом и романическом эпосе, исследовать его проявления в исторических поэмах и песнях, выяснить, как познавательное значение соединяется в нем с документальностью.

Топонимы в названных фольклорных жанрах имеют не только познавательное, информативное значение, но и служат для связи и расширения круга событий, построения сюжетной линии. Даже действия и поступки персонажей эпоса могут отразиться в топонимических названиях. Кроме того, встречающиеся в эпосе топонимические названия могут усиливать историческую, поэтическую мощь эпоса. Например, показывая среду, в которой происходят героические деяния богатыря, они расширяют историческое, познавательное значение эпической поэмы. В свою очередь, герои эпоса,

выясняя направление предстоящего им пути, опираются на топонимические названия. Так, эпос изображает выступление богатыря в военный поход, показывает его прощание с родственниками, родными местами, связанными с определенными топонимами, затем называются топонимы, обозначающие направление его движения по вражеской земле, землям других врагов, победу на поверженном врагом, возвращение на родину (основные топонимы – места, где ступало копыто его коня) – всё это подтверждает, какое место занимают топонимы по отношению к сюжету.

А вот использование топонимов в романтическом эпосе отличается от героического эпоса. Если в героическом эпосе топонимы указывают направление похода на врага, места сражений, дальнейший путь богатыря, то в романтическом эпосе места, где влюбленный на пути к своей возлюбленной встречается с препятствиями, носят названия определенных топонимических объектов. Подтверждением тому являются названия озер – «Шоқтерек», «Шөгiрлі тау», «Балдырғанды, Бақалы».

Еще одна особенность использования топонимов в романтическом эпосе – их превращение в вещественный знак, когда в повествование включаются чудесные события. Так, в романтическом эпосе «Козы-Корпеш – Баян Сулу» подарки, которые передала любимому Баян и утерянные в дороге Айбасом, становятся причиной возникновения названий тех мест, где они упали. Это свидетельствует о народной культуре, творческом потенциале и этнокультурном сознании народа. Например, земля, где упал пояс девушки, стала называться Кызылбелбеу (Красный пояс), где упал ее головной убор каркара, получил название Каркаралы, а место, где уронили переданный ею изюм (мейиз), – Мейизек. Это означает, что топонимические названия, которые встречаются в романтическом эпосе, в сравнении с героическим и историческим эпосом, имеют свои отличия. Их отличительные свойства заключаются в том, что, хотя топонимы имеют свои точные, конкретные названия, в некоторых случаях они получают объяснение с точки зрения народной этимологии, становясь основой для прекрасных сюжетов. Здесь следует отметить, что жанры топонимического фольклора могут выполнять как исторические, так и эстетические функции. Если романтическому эпосу свой-

ственны эти качества, то исторический эпос больше стремится к достоверности.

В историческом эпосе названия «земли-воды» встречаются особенно часто. Здесь топонимы свидетельствуют о том, где происходили исторические события, кто в них участвовал, откуда его герои выступили в поход и где останавливались, показывает в целом ход событий и военных действий. Еще одна особенность применения топонимов в историческом эпосе – здесь они находятся в тесной связи с главным героем.

А в исторических песнях топонимические названия имеют отношение не к одному определенному человеку, а к народу, связаны с событиями, важными для народных масс. Войны с калмыками, колониальный гнет, потеря своих земель – эти народные бедствия стали основой исторических песен, и мотивы притеснения отчетливо проявляются в топонимах. Например, едва услышав первые строки знаменитой песни «С вершины горы Каратау идет кочевье», мы вспоминаем печальные события «актабан шубырынды», когда народ под натиском калмыков был вынужден покинуть родные земли. Здесь обращает на себя внимание топоним Каратау, выполняющий функцию денотанта. Такого рода топонимические мотивы можно встретить и в других жанрах народного творчества – стихах, песнях, старинных сочтательных песнях, авторство которых не сохранилось. Поскольку изначально мы поставили целью показать участие топонимических названий в фольклорных жанрах, здесь мы не затрагиваем вопроса о связи топонимов с литературой, хотя она также очевидна.

Относительно темы исследования можно сказать, что и фольклор, и литература используют топонимы. Но их применение в литературе более целенаправленное. То есть, топонимические наименования в литературе служат для создания определенного образа или для придания большей достоверности описываемым событиям. А в фольклорных произведениях топонимы включены в сюжет самым естественным образом, формируя композицию текста неотрывно от сюжета. Исполнитель фольклорного произведения повествует о событиях так, словно он сам находится в центре этих событий. Подобное использование топонимии соответствует принципам фольклора.

Конечно, и фольклор и топонимика имеют

свои принципы, свои внутрижанровые признаки. Жанр – не устоявшаяся неизменная догма, он способен меняться, обновляться вместе с изменением и совершенствованием культуры человеческих отношений, развитием цивилизации, стремясь отвечать запросам своего времени. Рождение, становление, развитие и расцвет жанра, изменение его первоначальных функций, или даже утеря им социального значения зависят от времени, потребностей эпохи, запросов общества.

Подтверждением наших мыслей об изменчивости фольклора является мнение Р. Бердибая: «Есть важные закономерности изменения фольклорных произведений, приобретения ими в определенной степени нового качества, даже «выхода за рамки» некоторых из них. Это такие явления, как изменения эпохи, миропонимания, переоценка прежних ценностей, появление новых требований времени, изменение жизненных потребностей, дающие новое направление всему» [10, 283].

В своем труде о теории фольклорных жанров С. Каскабасов поясняет: «Жанр – это категория многогранная и универсальная, с одной стороны, и конкретная, точная – с другой стороны». Ученый считает, что каждый жанр обладает своими особенностями и вместе с тем, жанр – это способ изображения жизни, событий [1, 10], жанр – способ повествования, изображения и развития сюжета [1, 13], жанр – способ превращения с определенной целью события, сюжетного материала в произведение с единым содержанием и ясной идеей [1, 17]. Учитывая, что эти понятия в литературоведении рассматриваются в системе поэтики, можно уверенно сказать, что они применимы и к фольклору. В широком смысле жанр – это множество литературных произведений, объединенных общностью поэтической системы и совокупностью схожих параметров. Поскольку фольклор включает произведения устного творчества, прежде всего нужно познать особенности и закономерности такого творчества, его поэтику. Поэтика представляет собой совокупность художественных средств, необходимых для познания художественной цели, эмоционального и мыслительного мира, или, если сказать кратко, его конкретного, фабульного и идейного содержания в единстве с его формой.

В.Я.Пропп подчеркивал важность названной проблемы: «Надо сказать, что изучение

поэтики, закономерностей художественного творчества народа находится в некотором пренебрежении как в русской фольклористике, так и в фольклористике других стран» [3, 36]. Эти слова ученого говорят о том, что несмотря на то, что данная проблема давно является объектом научного исследования, она остается значительной.

С.Каскабасов пишет о том, что советская фольклористика пользовалась терминами литературоведения и считает это закономерным, поскольку и литература и фольклор относятся к словесному искусству [1, 12].

Отличие фольклора от литературы в том, что он является синкретическим искусством, и, как известно его исследователям, естественным образом связан с другими видами искусства и областями знания. Для жанра в целом свойственно умение передать истину посредством образных художественных методов и средств. В литературе жанр проявляется в единстве формы и содержания. Иначе обстоит дело в фольклоре. В произведениях фольклора отразились народное мировоззрение и жизненные идеалы, считавшиеся единственно верными для своего времени и социальной среды. Фольклор является искусством устного слова и вместе с тем соединяет в себе особенности различных видов искусства (музыки, танца, обряда). В этом проявляется синкретичность фольклора. С этой точки зрения, синкретические свойства фольклора сближают его с этнографией. Этнография – это наука, которая изучает бытовые, культурные особенности народа, его традиции, обычаи и обряды, и тем самым является наукой, близкой фольклору.

«Невозможно изучать фольклорные жанры, не опираясь на этнографию. Использование этнографических материалов необходимо не только для того, чтобы выяснить происхождение жанров. Этнография очень полезна для исследования свойств фольклорных жанров в древности, путей их первоначального развития. Поскольку не только возникновение жанров, сюжетов и мотивов, но и их существование, изменение, пути дальнейшего развития связаны напрямую с жизнью, бытием» [1, 12]. Подтверждением этих слов является проявление этнографических признаков в топонимах. Например, топонимы «Қостіккен», «Елқонған» говорят о кочевках народа в этих местах, «Төретүскен», «Кілемжайған» – о почестях, ока-

занных торе, представителям аристократии, «Атансойған», «Табакқырған» - о бедствиях, выпавших на долю народа.

Таких топонимов, отражающих народные обычаи и обряды, приметы, поверья и предсказания, на нашей земле очень много. Но речь не о количестве подобных топонимов, а о творческих способностях, эстетических взглядах народа, сочинившего множество занимательных сюжетов подобной тематики. Такие сюжеты являются основным мотивом, объединяющим фольклор и топонимику. Эта тесная связь фольклора с этнографией, связанная с его функциями, жанровой нагрузкой – один из факторов, показывающих его отличие от литературы. «Следует прояснить две вещи. Первая – фольклор и литература не одно и то же. Отсюда и различия в их происхождении и бытовании. Эти различия требуют двух разных подходов в их исследовании. Вторая – следует прояснить точные значения понятий и терминов. Например, по отношению к жанру применяются словосочетания «способ повествования», «изобразительные средства». Кто-то повествует, сообщает, изображает. В фольклоре это сказитель, сказочник или певец. В литературе – писатель, поэт» [1, 13]. Чтобы выявить особенности жанра, следует понять его из самой природы произведения. Поэтому приняв за основу мнение С.Каскабасова: «Жанром мы называем способы повествования, отражения и преломления действительности в сюжете произведения», мы можем сказать, что основой создания и формирования жанров является сюжет, созданный фольклорной традицией. А если этот сюжет в плане повествования, изложения является фольклорным, а с изобразительной стороны – топонимическим, такой жанр выполнит свою нагрузку полностью.

Связь топонимики и фольклора бесспорна и известна всем, однако в качестве источника самостоятельных жанров наукой она не рассматривалась. Предлагаемый нами в качестве самостоятельного жанра топонимический фольклор отвечает всем требованиям, необходимым для признания его жанром. Сюда можно отнести и то, что он является продуктом народного творчества, и его социально-бытовые функции, и наличие нескольких вариантов, связанных с топонимами, и устный характер распространения. Это его особенности, связывающие его с фольклором, а с топонимикой его

связывают расположенность в пространстве, адресные и информативные функции.

Отсюда становится ясно: какие отличительные особенности имеют фольклорные жанры, такие же принципы соответствуют топонимике. Общей основой, объединяющей их, являются фольклорные сюжеты. Подводя итог сказанному, можно вывести тезис о том, что фольклор и топонимика тесно взаимосвязаны. Так вот, топонимика и фольклор, взаимно развивая, дополняя друг друга, увлекая слушателей, вдохновляя исполнителей, тем самым давая импульс расширению народного творчества, послужили источником, первопричиной для создания и формирования жанров топонимического фольклора.

Помня о том, что топонимические названия, подобно другим произведениям фольклора, являются продуктом народного поэтического творчества, мы осознаем высоту его поэтического облика и силы эстетического воздействия. В. Пропп считал одной из важнейших задач фольклористики задачу изучения жанрового состава фольклора своего народа [3, 13]. В связи с этим, несомненно, важным делом для современной развивающейся науки является всестороннее изучение фольклорного наследия народа на каждом этапе его истории, его жанров, рождавшихся в связи с запросами своего времени.

В современной науке распространились новые тенденции изучения проблем фольклористики, еще больше усилилось понятие о фольклоре как синкретическом искусстве, расширились границы исследований, появилось осознание значимости народного творчества, сохранившегося в устной передаче, как обобщение многовековой исторической памяти народа. Обширное культурное наследие нашего народа – фольклор, который не утратил своего значения как многовековой жизненный опыт, который в каждую эпоху расцветал и говорил по-новому, развиваясь и создавая новые жанры. Результат такого развития – формирование жанров топонимического фольклора.

Подобно всем видам искусства, топонимический фольклор служит задаче художественного познания жизни народа в определенные периоды его истории.

Анализируя фольклор с точки зрения его развития, жанрового состава, следует особо отметить его познавательные и эстетические

функции. Потому что фольклор, в первую очередь, доносит отзвуки прошлого в наши дни, его цель - с помощью языкового богатства донести до наших дней сохранившиеся в народной памяти лучшие стороны прошлой жизни. Мы не ошибемся, сказав, что главная функция фольклора - познавательная. К тому же, в зависимости от особенностей исполнения, регионов распространения, контингента слушателей, формируются и развиваются другие функции фольклора.

Фольклор является искусством слова, поэтому особое значение имеет его эстетическая функция. По этому поводу академик С.Каскабасов заметил: «Когда идет речь об отношении фольклорных жанров к жизни, очень важная вещь - художественность фольклора. Главная нехудожественная цель фольклора - познавательность. Сюда относится группа произведений несказочной народной прозы: устные рассказы, хикаяты - рассказы о пророках и святых, предания, шежиры - родословные летописи, мифы, легенды и былички. Их задачи - передать молодому поколению «знания» об окружающей природе, о прошлой жизни и истории народа. Вот почему в этих жанрах нет чрезмерного приукрашивания жизни» [11, 29].

Применив это теоретическое обоснование к рассматриваемой здесь теме, можно заметить две особенности. Первая - одни из жанров топонимического фольклора выполняют познавательные, а другие - эстетические функции. Конечно, выполнение фольклором эстетических функций, а также его воспитательное значение является его главной и отличительной чертой.

А вот главная цель произведений народной несказочной прозы (устный рассказ, быличка, легенда, родословная летопись, миф, легенда-хикаят) - познавательность. То есть, названные жанры фольклора не имеют своей целью дать эстетическое воспитание, для них важны жизнь и бытие человека, его отношение к природе, летопись прошедшей жизни в познавательном плане.

Если посмотреть со стороны топонимического фольклора, то обнаружим две противоположные проблемы. Например, в эпосе есть и познавательные, и эстетические стороны. В составе казахской несказочной прозы жанр предания считается более художественным, чем легенда, но ее художественная сторона ниже,

чем у сказки, но познавательные свойства и назидательность в предании проявлены в равной мере.

Следовательно, принятый при анализе фольклорных жанров принцип разграничения, деления их на жанры с преобладающей познавательной функцией и жанры с более выраженным эстетическим началом, не может быть применен при классификации жанров топонимического фольклора. Поскольку жанры топонимического фольклора выполняют одновременно обе эти функции, и при анализе его функций мы рассматриваем познавательную и эстетическую функции одновременно. «При изучении фольклора необходимо всесторонне исследовать и его познавательную, и эстетическую стороны. В противном случае невозможно было бы создать теорию фольклора и раскрыть закономерности его развития. Например, недостаточная изученность прозаических жанров, в которых познавательная сторона преобладает над эстетической, объясняется несоблюдением вышеназванных принципов. В результате до настоящего времени жанровый состав казахской народной прозы недостаточно изучен, жанры не получили должной научной оценки, не выявлены закономерности их внутреннего развития и постоянные признаки. Не зная природу, особенности, признаки определенного жанра, будет трудно объективно и правильно оценить произведение, относящееся к этому жанру. Поскольку определить индивидуальные особенности любого явления можно лишь через его связь с общим» [11, 30].

Следовательно, можно сказать, что определить единичные, специфические качества жанра топонимического фольклора можно только в сопоставлении с другими жанрами и выявлении сходств в выполнении функций. Один из факторов, выявляющих такие качества - особенности исполнения произведений этого жанра. Этот известный фактор, который необходимо учитывать, изучая теорию фольклорных жанров, - манера исполнения, вероятность участия рассказчика в изображаемых событиях, или же он повествует о событиях, к которым не имел никакого отношения - вот обстоятельства, которыми различаются фольклорные жанры.

Следует сказать о еще одной особенности: способы повествования жанров топонимического фольклора могут быть разными. То есть,

рассказчик (исполнитель) даже в рамках одного жанра мог использовать два разных способа изложения. В одном случае он разворачивает повествование от своего имени, в другом – рассказывает так, будто не имеет никакого отношения к изображаемым событиям.

С.Каскабасов разделяет фольклорные произведения на несколько видов в зависимости от способов их исполнения: трансформативные (рассказчик вносит изменения), презентативные (не высказывает своего отношения к излагаемым событиям), экспозитивные (поясняет, дает свою оценку) [11, 33-34].

Подобное деление свойственно и для жанров топонимического фольклора. Например, если говорить о предании (аңыз), то такой жанр не допускает вымысла, фантастики, события изображаются в соответствии с правдой жизни. В манере исполнения применяются как презентативные, так и экспозитивные способы повествования. В подтверждение сказанного приведем пример. В народе бытуют предания, повествующие об причинах возникновения названий местностей, ставших свидетелями войн между казахами и калмыками, когда топонимы стали отголосками тех давних событий. Одно из них – «Невольник и Девушка» («Құл мен Қыз»). В предании говорится о том, как попавший в калмыцкий плен юноша и дочь богача-калмыка полюбили друг друга. Оказалось, что матерью девушки была казашка, когда-то попавшая в плен и насильно взятая младшей женой калмыцкого бая. Она захотела помочь своей дочери убежать вместе с казахским пленником на его родину. И вот однажды ночью юноша и девушка под покровом темноты убегают в надежде достичь казахской земли. Но когда они уже приблизились к пограничным землям, их настигла погоня. Джигит отправил девушку вперед, а сам, надеясь на судьбу, стал сражаться с калмыками. Однако под натиском многочисленных врагов был убит. Увидев, что убившие юношу калмыки теперь устремились за ней, девушка бросилась с высокого обрыва в воду и утонула.

С тех пор вершина, на которой погиб юноша, стала называться «Құл» (пленник, раб), а высокий обрыв над озером, в котором утонула девушка – «Қыз» (девушка), говорится в предании. Мы видим, что в данном предании присутствуют все виды повествования, характерные для фольклорных произведений.

Анализируя разные способы исполнения топонимических преданий, С.Каскабасов пишет: «Ко второму виду топонимических преданий относятся произведения, в которых географические названия не имеют отношения к конкретному историческому факту, но рассказывают о каком-либо событии, которое могло происходить в реальности, а также предания о происхождении какого-либо природного объекта, не связанные ни с какими мифологическими представлениями, но основанные на вымысле. Содержание таких преданий чаще бывает трагическим, рассказ внезапно обрывается, события быстро прерываются, а персонажи обречены на несчастье» [11, 150].

Приведенное выше предание «Невольник и Девушка» как раз вписывается в теоретическое обоснование ученого. В предании нет конкретных исторических фактов. Войны между казахами и калмыками являются лишь общим фоном. Но о событии повествуется как о достоверном факте, происходившем в действительности. Поскольку о тех войнах и их тяжелых последствиях знают все, правдивость изложенного не вызывает сомнений у слушателей. И потому события в предании излагаются как соответствующие действительности. Названия природных объектов «Құл» и «Қыз» не связаны с мифическими понятиями или чудесными событиями, но имеют исторически правдивое объяснение. Хотя начало предания имеет оптимистический характер, в целом содержание основано на трагическом событии, завершаясь гибелью молодых людей. Этот фольклорный сюжет, объясняющий происхождение географических объектов, называется топонимическим преданием и выполняет познавательную функцию. И в целом, если не говорить о изобразительно-языковых средствах повествования, топонимические предания не имеют эстетического предназначения. Его главная функция – познавательность.

А если говорить о жанре легенды (эпсана), его основной функцией является назидательность, нравоучение. Внутри жанра легенды можно выделить две группы – историко-топонимические и утопические легенды. Такое разделение мы объясняем тем, что функции топонимических названий в этих двух группах легенд разные: так, в историко-топонимических легендах рассказывается о возникновении определенного географического объекта

(например, горы или озера), иногда о причастности к этому событию известной исторической личности. При разработке жанра это условие непременно должно соблюдаться, иначе его историко-топонимическая функция не будет выполнена.

Таким образом, предназначение историко-топонимических легенд в том, чтобы в произведениях народной прозы в художественной форме и с назидательной целью рассказать о различных природных объектах родной земли. Рассмотрим, например, топонимическое название в легенде-хикаяте под названием «Кэлкен». Когда-то давно у одного бая, обычно останавливавшегося на летнем пастбище у озера Тұздықөл (Соленое), была единственная дочь по имени Кэлкен. Девушка повзрослела и полюбила юношу из соседнего рода. Влюбленные мечтали соединить свои судьбы, но отец девушки воспротивился этому браку, запер девушку дома и не выпускал ее из дома. Причиной тому была бедность юноши, который был всего лишь конюхом у другого богача.

Не в силах выдержать разлуку с любимым, девушка долго горевала и умерла от тоски. Через три дня после ее смерти бай пришел к берегу озера и увидел, что прежде прозрачное озеро стало черным. Ничего не понявший бай приказал своим слугам очистить озеро от грязи. Но ничего из этого не вышло, напротив, и сам бай, и его работники увязли в болоте и погибли. С тех пор народ назвал это место, где принял свою смерть жестокий бай, не внявший слезам единственной дочери, именем этой девушки - «Кэлкен» [12, 74].

Как видим, в этой легенде нет исторических фактов. Нет ничего, что может подтвердить реальность произошедших здесь событий, кроме названий здешних мест - Тұздықөл, Кэлкен. Понятно, что название Кэлкен дано этой местности по имени человека, поскольку оно не передает ее рельефа или других природных особенностей. Очевидно, что название данной местности связано с вымыслом.

Еще один вид легенд – утопические легенды. Иногда их называют социально-фантастическими. Как бы их не называли, их суть одна – мечта о жизни на благополучных, богатых землях, «где жаворонки вьют гнезда на спинах овец», народ назвал эти сказочные земли - «Жиделібайсын», «Жерұйық». Народная мечта отправляет легендарного героя Асанкайгы ис-

кать землю Жерұйық и в своих поисках давать названия и оценку казахским землям.

«Можно выделить два вида религиозных легенд-хикаятов. В сюжетах первого вида повествуется о герое, избавляющем свой народ от бедствий, во втором виде сюжетов – о далеких благодатных землях», - данное утверждение свидетельствует об основном назначении социально-фантастических легенд [11, 175].

Избавиться от горя и нужды, искать земли, изобильные для скота и благоприятные для людей – стремление, свойственное человеческой психологии. На этой основе и родились в народе легенды о всемирном потопе, легенды о поисках Асаном Кайгы благодатной земли Жеруык. Такие легенды являются плодом народной фантазии, поскольку Жидели Байсын, Жеруык не являются названиями реальных местностей, это воплощение мечты народа о счастливой земле.

В народе бытует множество легенд, основанных на вымысле, одна из них связана с именем Кортки, верной жены богатыря Кобланды, героя одноименного эпоса. Содержание легенды таково. Однажды ехал всадник верхом на коне и, увидев бегущую лисицу, стал ее догонять. Конь был быстрый, и всадник уже почти настиг лису. Однако, виляя хвостом из стороны в сторону, лиса добежала до межи и юркнула в нору. Не сумев поймать лису, раздосадованный всадник долго ждал ее возле норы. А когда собрался уезжать, лиса вылезла из норы и, приняв облик другого животного, заговорила с ним.

- Я Кортка, - сказала она. Я живу вечно, потому что однажды выпила воду бессмертия. Кобланды отказался пить ее, уверенный в своих богатырских силах. И теперь я сторожу золотой слиток размером с конскую голову, захороненный вместе с ним в его могиле.

Изложенный сюжет по способу разработки можно отнести к легендам-хикаятам, в нем есть мотивы превращения, питья воды бессмертия – черты, присущие мифам.

Далее обратимся к топонимическим рассказам-хикаятам, цель которых - образно передать книжно-религиозные сведения и сюжеты о мусульманских пророках и святых. Таковы хикаяты о горах Казыгурт и Кап.

Таких хикаятов немного. Но если рассматривать хикаяты, связанные с географическими объектами в более широком плане, можно найти различные варианты таковых. Часть из

них, бытующих в народе, связана с именем мусульманского пророка Кыдыра (Хыдыр, Хизр).

Вместе с тем, функции топонимических хикаятов заключаются в распространении не только книжных, религиозных исламских сюжетов, но и рассказов о чудесных событиях, связанных с реальными, жившими когда-то людьми. Здесь проявляется различие между хикаятами и топонимическими хикаятами.

А вот в жанре фольклорного рассказа в сравнении с другими жанрами народной прозы наиболее всего проявляется народный характер. Менталитет казахского народа, с младенческих лет жившего на лоне природы, напрямую связан с природой, степной культурой. Поэтому мысли, слова казахов были сродни тайнам природы, мелодиям степи, и оттого народ создавал множество рассказов, с высокой познавательной и эстетической ценностью.

Многими своими чертами рассказ похож на предание. Подобно легенде, рассказ правдиво изображает реальную жизнь. Но, в отличие от предания, рассказ повествует о каком-либо отдельном событии из жизни человека или общества [2, 611].

Фольклорный рассказ близок к преданию и по выполняемым функциям. Но, излагая определенный рассказ, сказитель может повествовать так, будто все события происходят в настоящее время, а иногда сам он является их участником. И, если даже речь идет о происхождении какого-либо древнего географического названия, то рассказчик объясняет значение топонима с точки зрения современного понимания, не сомневаясь в правильности своих слов. Потому что обсуждаемое название известно слушателям, только связанные с ним события могут быть различными.

Известно, что рассказ как жанр художественной литературы и фольклорный рассказ различаются по особенностям повествования, и это закономерно, потому что они выполняют различные функции. Точно также своими специфическими функциями обладает другой фольклорный жанр, топонимический рассказ, повествующий о названиях природных объектов, их этимологии и смысловом значении, о людях и событиях, связанных с ними.

Фольклорный рассказ может повествовать и о событиях настоящего времени, и о том, что было в прошлом, но в основе и тех,

и других лежат достоверные события, изображенные в реалистическом плане. Самый главное назначение таких рассказов – название географического объекта. Таких топонимических названий, способных стать основой для рассказа, на земле немало. А когда первоначальное название объекта утрачено и сохранилось лишь в памяти народа, и рассказчик начинает повествование с того, что прежде эти места имели иное название, в таком случае перед нами не рассказ, а другой жанр – предание. В рассказах может идти речь только о реально существующих на земле топонимах, такие рассказы имеют познавательные, поучительные цели.

Если название местности было изменено в связи с известными всем событиями, колониальной или советской политикой, рассказчик добавляет и эти обстоятельства в свое повествование. От этого сюжет получает еще большее развитие.

Так, связанные с родной землей рассказы ведут речь о духовных ценностях, важных не для отдельного человека, а для всех. В этом и его главное отличие от художественной литературы: если в основе рассказа, как жанра художественной литературы, лежат события, связанные с главным героем, то в топонимическом рассказе это события, происшедшие с народом.

Если фольклорный рассказ может рассказывать об отдельном случае, произошедшем с одним человеком или группой людей, топонимический рассказ повествует об истории определенного природного объекта или края так, что не вызывает у слушателей сомнений в достоверности излагаемого. В этом различие между фольклорным рассказом и топонимическим.

Итак, основное предназначение топонимического рассказа – рассказать обществу реальную историю природных объектов родного края. И в целом, все жанровые разновидности топонимического фольклора преследуют такие же цели.

Таким образом, в настоящей статье показаны предпосылки формирования самостоятельных жанров топонимического фольклора, его жанровые разновидности, функции и особенности их исполнения.

Литература:

1. Қасқабасов С. Елзерде. – Алматы: Жібек жолы, 2008. - 504 б.
2. Қазақ әдебиетінің тарихы. Он томдық. 1-том. – Алматы: ҚАЗАқпарат, 2007. – 670 б.
3. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – М.: Наука, 1976.
4. Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. – 180 с.
5. Путилов Б.Н. Фольклор и народная традиция. СПб., 1994. - 304 с.
6. Реформатский А.А. Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. М.: Наука, 1964. – 200 с.
7. Агеева А. Происхождение имен рек и озер. – М.: Наука, 1969. – 304 с.
8. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. – 382 с.
9. Әбдірахманов А. Қазақстан этнотопонимикасы. – Алматы: Ғылым, 1979. – 127 б.
10. Бердібай Р. Эпос – ел қазынасы. – Алматы: Рауан, 1995. – 351 б.
11. Қасқабасов С. Жаназық. – Астана: Аударма, 2002. – 584 б.
12. Ақтөбе облысының топонимиялық кеңістігі – Ақтөбе, 2007. – 226 б.

Об авторах:

Пангереев Аскар Шамович, доктор филологических наук, профессор, Актюбинский региональный государственный университет им. К.Жубанова, г. Актобе, Казахстан, pan.abat@mail.ru

Балтымова Мира Рашидовна, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Актюбинский региональный государственный университет им. К.Жубанова, г. Актобе, Казахстан, mbr76@mail.ru

УДК 372.881.1

Руссу А. Н.

Применение инфографики в обучении иностранному языку как средства формирования и развития когнитивной и коммуникативной компетенций

В статье рассматриваются возможности применения инфографики в процессе обучения иностранному языку в высшей школе. Инфографика рассматривается как эффективное средство формирования когнитивной и коммуникативной компетенций. Автор отмечает существующие трудности при работе с инфографикой на иностранном языке и ставит вопрос о необходимости систематической работы по обучению описания и интерпретации визуального представления числовых данных и отношений. В статье приводится схема вербализации закодированной в инфографике информации, описываются возможности применения разных типов инфографики в дисциплинах языкового профиля. Предлагаются возможные варианты коммуникативных заданий на иностранном языке с числовой информацией. Автор также обращает внимание на инфографику как способ презентации данных, полученных студентами в результате проведения научно-исследовательской работы по лингвистическим проблемам.

Ключевые слова: инфографика, визуализация данных, обучение иностранному языку, коммуникативная компетенция, когнитивная компетенция

Russu A.N.

Application of Infographics in Teaching Foreign Language as a Means of Formation and Development of Cognitive and Communicative Competencies

The article examines the possibilities of using infographics in the process of teaching a foreign language in higher education. Infographics are considered as an effective means of forming cognitive and communicative competencies. The author notes the existing difficulties when working with infographics in a foreign language and raises the question of the need for systematic work on teaching the description and interpretation of the visual representation of numerical data and relationships. The scheme of verbalization of information encoded in infographics is given, possibilities of application of different types of infographics in disciplines of language profile are described. Possible variants of communicative tasks with numerical information in a foreign language are proposed. The author also draws attention to infographics as a way of presenting data obtained by students as a result of research work on linguistic problems.

Keywords: infographics, data visualization, foreign language training, communicative competence, cognitive competence

В процессе обучения иностранному языку формирование и развитие коммуникативных навыков традиционно происходит с опорой на устный и письменный текстовый материал, разнообразные средства аудиовизуальной наглядности, фотографии, картинки и т.п. В данной статье автор анализирует возможности приме-

нения информационной графики с целью формирования когнитивной и коммуникативной компетенций в процессе обучения иностранному (в частности, немецкому) языку в высшей школе на языковых специальностях (профилях). Инфографика – синтетическая форма организации информационного материала, которая

включает в себя визуальные элементы (графики, карты, диаграммы, схемы и схематичные изображения и т.п.) и лаконичные тексты, поясняющие данные визуальные элементы [1].

Объекты инфографики характеризуются более высокой плотностью концентрации коммуникативных возможностей [3, с. 372], поскольку информация в инфографике, систематизированная по определенным параметрам и подкрепленная визуальными элементами, является закодированной и скомпрессованной, представленной в свернутом виде. Реципиент же декодирует информацию с опорой на ассоциации, вызываемой графическими изображениями или символикой, на имеющиеся предшествующие знания и опыт, и становится, таким образом, соавтором информации [3].

Информация в инфографике может быть визуализирована в виде схем, диаграмм, графов, иерархий, разнообразных карт, например, географических или тепловых, интеллект-карт, пиктограмм, облаков тэгов (облаков слов), таймлайнов (хронологических шкал, лент времени) и т.д.

Инфографику используют, как правило, для визуализации численной информации, для наглядной демонстрации связи между явлениями или объектами. Преимущества инфографики заключаются в ее иллюстративной функции, в привлечении внимания благодаря визуальной составляющей и быстрому восприятию информации за счет минимального количества текста. Однако, инфографика имеет также когнитив-

ные и коммуникативные функции. Когнитивные функции заключаются в следующем: структурирование и систематизация информации; связь образного и абстрактного; целостность восприятия; стимуляция анализа и синтеза информации; активизация ассоциаций (позволяет осуществлять: сравнение; выявление причинности событий и фактов, определение их механизмов и структуры; объяснение последствий; многовариантный анализ; интегральное описание событий и действий в пространстве и времени и т.д.) Разнообразны и коммуникативные функции инфографики: инструкция к действию; визуальное указание (на необходимость переключение внимания или его фиксации на значимом объекте); маркировка значений фрагментов; визуальная рекомендация; руководство по освоению информации; вовлечение в соавторство (активизация механизмов аналитического или критического мышления при работе с систематизированными визуальными данными) [3, с. 379-381].

В настоящей статье интерес представляют, прежде всего, связанные между собой когнитивные и коммуникативные функции инфографики, которые могут быть эффективно задействованы в процессе обучения иностранному языку с целью формирования когнитивной, коммуникативной, а также информационной компетенций. Уточним, что автор опирается на практический опыт преподавания в вузе немецкого языка, но целесообразность, эффективность и возможно-

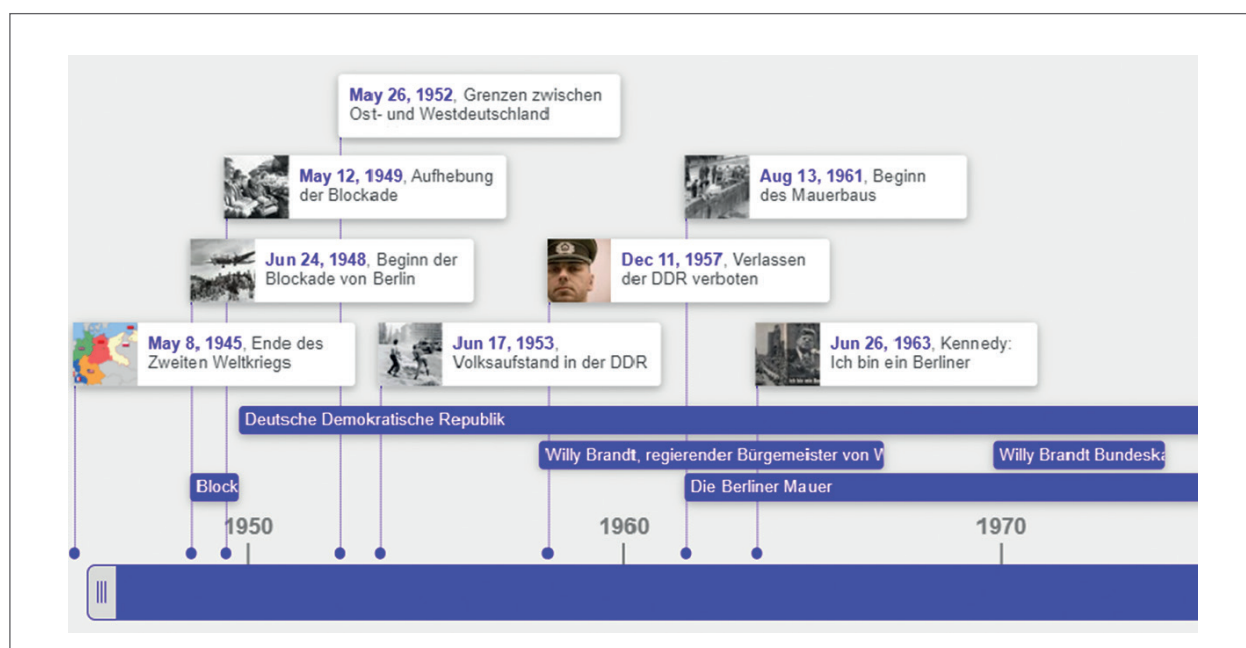

Рис. 1 – Фрагмент таймлайна «Berliner Mauer» (Источник: www.timetoast.com)

сти использования инфографики распространяются на процесс обучения любому иностранному языку.

При изучении иностранного языка широко распространенной и хорошо знакомой обучающимся является работа с интеллект-картами и географическими картами. Одним из традиционных упражнений по развитию коммуникативной компетенции является задание на составление интеллект-карты по определенной теме с последующей вербализацией в связной и структурированной речи содержащейся в ней информации. Применение метода интеллект-карт в изучении иностранных языков имеет широкие возможности при работе с кейсами, усвоении нового материала, при брейн-сторминге, в презентациях и многих других видах учебной деятельности [2, с. 132].

Обратим внимание на возможности применения в курсе лингвострановедения или литературы страны изучаемого языка, а также практическом курсе иностранного языка тайм-лайнов, которые позволяют представить явление в развитии, например, историю Берлинской стены (рис. 1) и могут послужить опорой для говорения. В курсе литературы, стилистики или аналитического чтения применение облаков тэгов позволит рассуждать об особенностях индивидуального авторского стиля или ключевых понятиях писателя; визуализация в виде сетевой диаграммы – раскрыть характер отношений между литературными героями.

В процессе обучения иностранному языку следует обратить особое внимание на коммуникативные компетенции, опирающиеся на логические операции описания, сравнения, выявления связей, установление иерархии, причинно-следственных, временных отношений и т.д. Весь этот потенциал заложен в работе по декодированию информации, представленной в инфографике. Умение изложить статистические данные, представленные в наиболее распространенных типах графиков и диаграмм, формируется в заданиях серий немецких учебников как DaF-Kompakt A1-B1, Ziel B1-C1, Mittelpunkt B1-C1, составленных в соответствии с требуемыми компетенциями согласно Общеввропейской системе оценки уровня владения языком, еще с уровня A1. Определенный набор лексических моделей на немецком языке, необходимый для описания и анализа инфографики, предлагается постепенно, пополняясь на каждом следующем

уровне владения языком более сложными лексико-грамматическими структурами и логико-коммуникативными операциями.

В ходе преподавательской деятельности в высшей школе автором статьи было обнаружено, что студенты испытывают значительные трудности при работе с инфографикой на иностранном языке. Сложности с описанием инфографики и сравнением числовых данных и отношений, а также с анализом и интерпретацией информации, заложенной в них, с объяснениями причин статистических показателей или связей, объясняются, с точки зрения автора, недостаточной сформированностью первичных логических и коммуникативных операций на родном языке. Это предположение подтверждается наблюдением за студентами во время защиты курсовых или выпускных квалификационных работ, когда представляемая по результатам работы инфографика зачастую не подкрепляется со стороны студента должным описанием и комментарием с попыткой вскрытия причин.

Вследствие этого следует поставить вопрос о необходимости систематической работы по обучению описания и интерпретации визуального представления числовых данных и отношений на родном языке. Начинать данную работу следует еще со школы и продолжать на следующих уровнях обучения, поскольку навыки работы с инфографикой востребованы не только в академической, но и в корпоративной среде, особенно в бизнес-аналитике, когда при помощи инфографики необходимо уметь представлять в свернутом виде информацию и пояснять ситуацию или прогнозировать тенденции,

В процессе обучения иностранному языку тренировочные коммуникативные упражнения с инфографикой в конечном итоге (к уровню C1) должны привести к умению описать и интерпретировать закодированные в инфографике данные по следующей схеме:

I. Информация к инфографике:

- тема инфографики,
- источник данных и год составления,
- тип инфографики,
- значения символов инфографики.

II. Описание заложенной информации: озвучивание числовых параметров, отношений, иерархий, рейтингов и т.п.

III. Обобщение и интерпретация (анализ) данных. В комментарии должно быть предложено

но возможное объяснение представленным показателям или связям, на этом этапе также может быть проведено сравнение с иными данными. В ходе объяснения возможных причин должны четко прослеживаться речевые конструкции, выражающие мнение, предположение, сравнение, аргументацию, обобщение. При выполнении данного шага задействуется целый комплекс общелогических операций: сравнение, обобщение, анализ, формулировка гипотезы и т.д. и интенсивно развивается критическое мышление.

Как уже отмечалось, во многих современных учебниках немецкого языка включена инфографика, но в случае работы с иными источниками или при недостатке материала в качестве источника актуальных статистических данных на немецком языке, представленных в визуализированной форме, порекомендуем официальную онлайн-страницу Федерального статистического управления ФРГ (Statistisches Bundesamt) [6]. Ресурс представляет данные по таким категориям, например, как *Gesellschaft und Umwelt* (общество и экология), *Wirtschaft* (экономика), *Branchen und Unternehmen* (отрасли и предприятия), *Arbeit* (работа), *Staat* (государство), *Länder und Regionen* (страны и регионы) и др. Данные категории, в свою очередь, включают разнообразные подкатегории, например, категория *Gesellschaft und Umwelt*, затрагивающая практически весь спектр проблем, по которым должен уметь высказываться владеющим язы-

ком, начиная с уровня B2, содержит статистику по следующим группам: *Bevölkerung* (население), *Bildung, Forschung und Kultur* (образование, исследования и культура), *Einkommen* (доход), *Konsum und Lebensbedingungen* (потребление и условия жизни), *Gesundheit* (здоровье), *Soziales* (социальная сфера), *Umwelt* (экология), *Verkehrsunfälle* (дорожные происшествия), *Wohnen* (жилье), *Nachhaltigkeitsindikatoren* (индикаторы устойчивого развития).

Так, например, обсуждая тему *Bildung*, студентам можно предложить задание описать актуальные статистические данные по выбору студентами направлений в высшей школе в Германии (рис. 2) и выразить аргументированное предположение, почему наиболее востребованными в настоящий момент являются направления, связанные, во-первых, с юридическими, экономическими и социальными науками, а во-вторых, с инженерными науками. Почву для дальнейших рассуждений, а соответственно, и для тренировки коммуникативных навыков на иностранном языке может дать задание предположить, какие дисциплины объединяются под общим названием *Übrige Fächer* (прочие дисциплины) и почему они не столь востребованы. И, наконец, можно предложить сравнить результаты статистики с ситуацией по выбору направлений в своей стране или в своем регионе, городе, вузе.

Также обратим внимание на инфографику как способ презентации данных, полученных

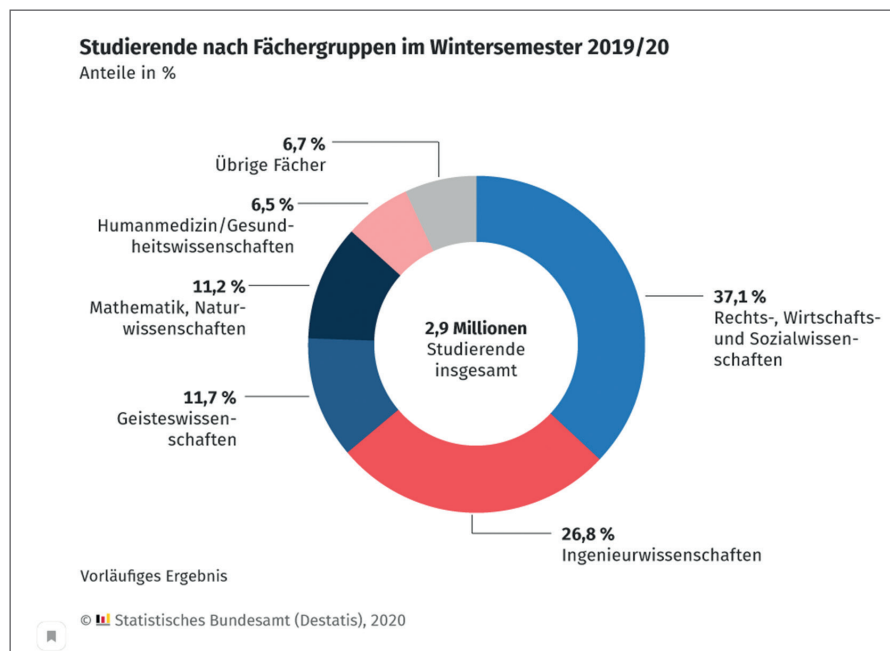

Рис. 2 – Пример инфографики по теме „Bildung“
(Источник: <https://www.destatis.de>)

в процессе проведения научно-исследовательской работы по лингвистическим дисциплинам, например, в курсе лексикологии, семантики, теоретической грамматики или теоретической фонетики, социолингвистики, стилистики, истории языка и т.д. Благодаря структурированию и упорядочиванию данных в визуализации исследователь, интерпретируя полученные в ходе изысканий результаты, может по-иному взглянуть на них, вскрыть ту связь, которая до него ранее ускользала. Более того, при про-

ведении лингвистического исследования ценный материал для анализа, обобщения и интерпретаций представляет уже созданная научно-исследовательскими организациями и проектами инфографика. Так, автоматически сгенерированные облака слов помогут исследовать, например, коллокации в иностранном языке и их частотность, графики с частотностью употребления определенных лексических единиц

(рис. 3) или явлений позволят прийти к выводам о тенденциях развития, карта метафор послужит для обнаружения и анализа метафорических связей в языке.

Итак, инфографика представляет большой объем разнообразной информации в организованном и компактном виде, удобном для восприятия. Инфографика, вовлекая реципиента в коммуникацию с автором инфографики в процессе декодирования и интерпретации информации, активизирует мыслительные процессы и в связи

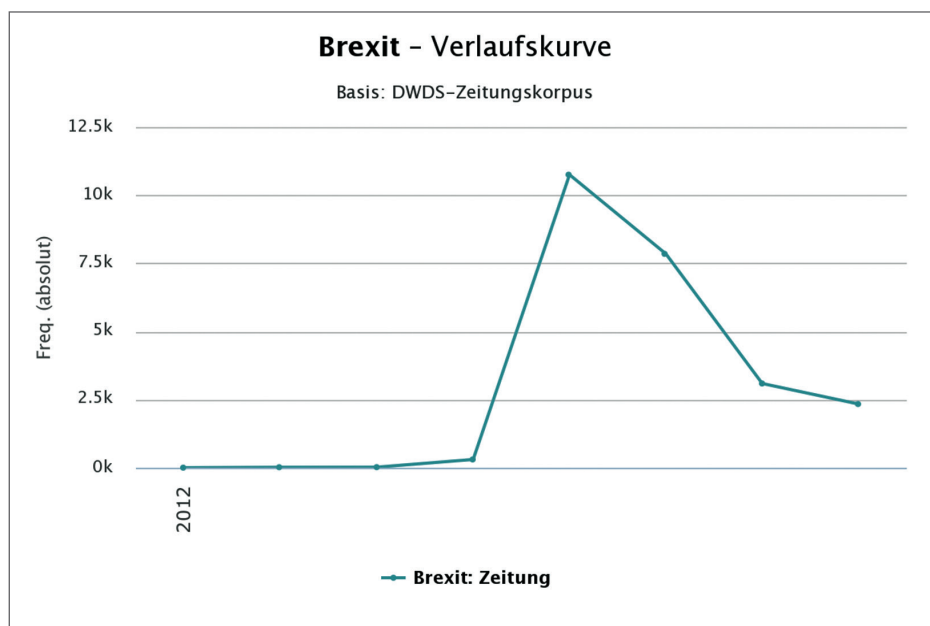

Рис. 3 – Пример инфографики с градиентом частотности употребления слова Brexit (Источник: www.dwds.de)

с этим является эффективным средством развития критического мышления и информационной компетенции, а при условии целенаправленной и четко структурированной постоянной тренировки способствует совершенствованию коммуникативной компетенции, в том числе, на иностранном языке. По этой причине целесообразно систематически внедрять инфографику в цикл дисциплин языкового профиля, подбирая типы заданий и виды инфографики в соответствии с конкретными учебными целями.

Литература:

1. Ермолаева Ж.Е., Герасимова И.Н., Лапухова О.В. Инфографика как способ визуализации учебной информации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – № 11 (ноябрь). – С. 26-30. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14302.htm>.
2. Креер М. Я., Пилипчук Е. Д. Применение инфографики в обучении иностранному языку студентов-экономистов и его учебно-педагогический потенциал // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т.7. – №3 (24). – С. 131-135.
3. Никулова Г.А., Подобных А.В. Средства визуальной коммуникации — инфографика и мета-дизайн // Образовательные технологии и общество. – 2010. – №2. – С. 369-387.
4. Die Berliner Mauer: timeline. – URL: <https://www.timetoast.com/timelines/die-berliner-mauer>
5. Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache. – URL: www.dwds.de
6. Statistisches Bundesamt. – URL: <https://www.destatis.de>

Об авторе:

Руссу Анна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков и методики их преподавания, Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко, Рыбницкий филиал, г. Рыбница, Республика Молдова, Приднестровье, arussu@yandex.ru

УДК 372.881.1

Сафиуллин Н.А.

Электронные сервисы изучения иностранных языков

В статье описывается процесс цифровой трансформации в области изучения иностранных языков и приводятся основные направления цифровых технологий в процессе обучения. Проводится анализ результатов социологического опроса предпочтений пользователей электронных сервисов изучения иностранных языков, приведены основные преимущества и недостатки данной формы обучения. Дается определение термина «геймификация» процесса обучения. Перечислены наиболее популярные платформы для обучения иностранному языку.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровые технологии, подкасты, электронный сервис, дистанционное обучение

Safiullin N.A.

Electronic Language Services

The article describes the process of digital transformation in the field of foreign language learning and provides the main areas of digital technology in the learning process. The results of the sociological survey of the preferences of users of electronic language services are analyzed, the main advantages and disadvantages of this form of education are presented. The term «gamification» of the learning process is defined. The most popular platforms for learning a foreign language are listed.

Keywords: digital transformation, digital technology, podcasts, electronic service, distance learning

Цифровая трансформация образования в сфере изучения иностранных языков предоставляет возможность слушателям и студентам возможности совершенствовать владение языком на основе информационно-коммуникационных технологий. Исследования в данной сфере позволяют выделить три основных направления применения цифровых технологий в образовательном процессе:

1. Смешанная форма базируется на интеграции цифровых технологий в традиционный процесс обучения.

2. Дистанционная форма предполагает использование цифровых технологий, позволяющих вести образовательный процесс без прямого участия преподавателя. Это позволяет слушателю развить навыки самостоятельного поиска, обработки и использования знаний.

3. Форма массовых открытых онлайн-курсов, которые позволяют проходить обучение самостоятельно и без участия преподавателя. Данная форма является признаком нового об-

разовательного феномена, основанному на концепции образования через всю жизнь.

В условиях самоизоляции, вызванной пандемии коронавирусной инфекции, массовые открытые онлайн-курсы показали себя, как наиболее перспективное и постоянно развивающееся направления электронного обучения в настоящее время. В июле 2020 года автором было

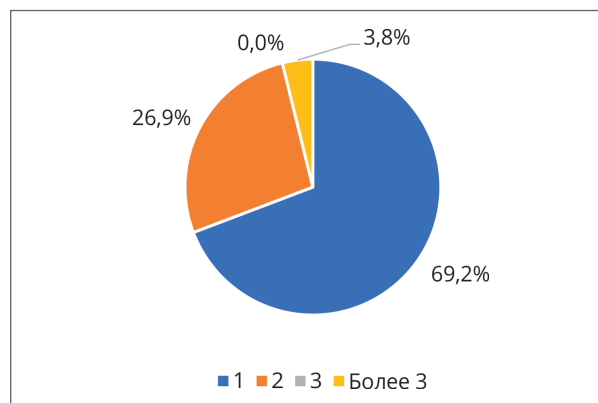

Рис. 1 – Количество иностранных языков, которым владеет респондент

проведено исследование в форме онлайн опроса, которое выделило основные преимущества и недостатки электронных сервисов изучения иностранных языков [2].

Как видно из представленных данных большинство опрошенных (69%) владеют лишь одним иностранным языком. Двумя языками владеют лишь 7%, а общаться на трех языках могут лишь 4% опрошенных. Поэтому при разработке электронных сервисов изучения иностранных языков необходимо выбрать лишь один основной иностранный язык: английский, французский, немецкий или китайский и все внимание оказывать совершенствованию процесса обучения на один язык.

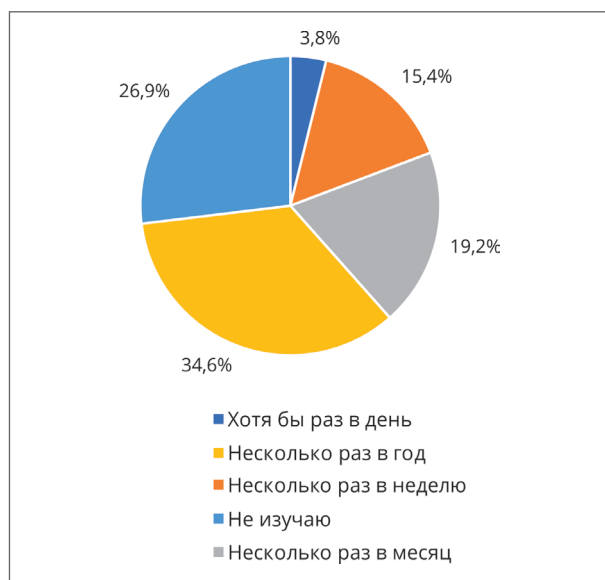

Рис. 2 – Частота изучения респондентами иностранных языков

Большинство опрошенных предпочитают проходить обучение лишь несколько раз в год (34,6%) либо несколько раз в месяц (19,2%). Поэтому разработчикам электронных сервисов необходимо разрабатывать краткосрочные курсы в форме программ повышения квалификации либо искать механизмы мотивации пользователей для привлечения на сервис чаще. Кроме этого, достаточно большое количество респондентов не изучают иностранный язык вовсе (26,9%), поэтому важным становится привлечение новых пользователей на сервис с помощью маркетинговых акций, рекламы и работы с аудиторией в социальных сетях.

Представленные данные свидетельствуют о том, что большинство респондентов предпочитают при изучении иностранного языка видеоконтент (34,6%), многие стараются найти со-

беседника, который владеет языком с рождения (26,9%), определённое количество опрошенных читает книги и статьи на иностранном языке (19,2%).

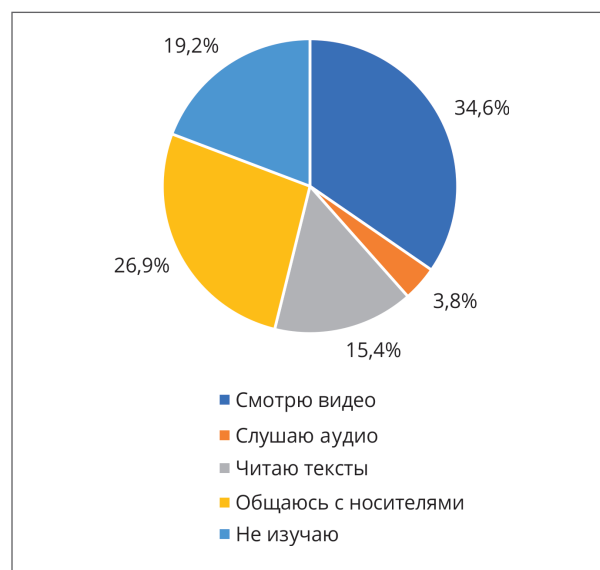

Рис. 3 – Формы изучения респондентами иностранного языка

FluentU – сайт по изучению языков при помощи видео. В качестве заданий пользователям предлагается реальные видео для разных уровней владения языком: видеоклипы, трейлеры к фильмам, новости, выступления и так далее. Доступны испанский, французский, севернокитайский (мандарин), немецкий, японский и английский языки.

Одним из наиболее популярных сервисов для общения с носителями языка является платформа InterPals. Основная задача сайта – помочь вам найти друзей по переписке (penpals) для языковой практики. Международная социальная сеть объединяет пользователей большинства стран мира, поэтому не ограничивается одним языком. После регистрации на сайте пользователю необходимо заполнить свой профиль, рассказав о себе, изучаемых языках, интересах, а также раздел “About”, так как эта информация показывается в поиске пользователей.

Кроме данного сервиса, можно выделить следующие социальные сети для изучения иностранного языка с его носителем:

1. Italki – поиск онлайн-репетиторов и партнеров для бесплатной практики,
2. Speaky – письменная, разговорная практика,
3. Lang-8 – сервис для письменной практики.

Наиболее существенным недостатком при использовании платформ для обучения иностранному языку респонденты выделили слабую мотивацию (30,8%), также большинство сервисов не позволяет слушателю курсов пообщаться с преподавателем (34,6%), что в свою очередь снижает качество освоенного материала. Многие пользователи таких платформ хотели бы проходить обучение по расписанию (15,4%).

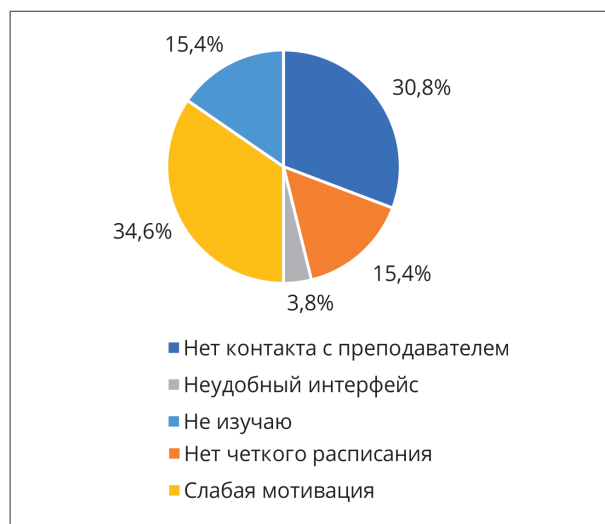

Рис. 4 – Основные недостатки электронных сервисов изучения иностранных языков

Для решения проблем, связанных с мотивацией пользователя изучать иностранный язык, многие сервисы прибегают к концепции геймификации процесса обучения. Геймификация – это технология адаптации игровых методов к неигровым процессам и событиям для большей вовлеченности участников в процесс.

Например, в сервисе LinguaLeo вместо набора обучающих материалов, английский язык изучается в виде «Языковых джунглей»: фильмы, клипы, художественные книги, записи передач с радио. Материалы на сервис добавляли сами пользователи. В практике геймификации философия сервиса иногда доносится через создание «игрового мира» и метафорические названия привычных возможностей: Библиотека материалов – Джунгли, Сообщество друзей – Прайд, Внутренняя валюта – Фрикадельки. В концепции геймификации это называется «эмоциональная упаковка».

Идея сделать обучение английскому инновационным, захватывающим, не рутинным была воплощена в сервисе просто и изящно, задания даются конкретно и прямо.

Busuu – также удобное приложение в игро-

вой форме: много картинок и тестов. Подойдет тем, для которых изучение иностранных языков как хобби. Доступны английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, португальский, японский, турецкий, арабский, польский и китайский.

Школа английского Skyeng.ru использует сервисы видеосвязи для обучения слушателей иностранному языку с преподавателями. В настоящее время кадровый состав платформы насчитывает 42 штатных сотрудника, а также порядка 500 репетиторов, работающих на удаленной основе. Учеба в Skyeng.ru является комбинацией интерактивной программы и работы с репетитором. Урок проходит с помощью платформы Vimbox, а преподаватель рассказывает материал, контролирует вас и дает различные подсказки по Skype.

Репетитор контролирует и помогает вам проходить упражнения во время урока. Причем все внимание специалиста сконцентрировано на ученика. Тем самым пользователь эффективно закрепляет пройденные знания и быстро прогрессирует в изучении языка. Интересно, что занятия также контролируются со стороны методистов.

MosaLingua – это аудио-приложение. Вы повторяете и переводите за диктором слова, которые приложение проверяет. Таким образом, можно добиться хорошего произношения. Доступны английский, французский, итальянский, немецкий и португальский языки.

Duolingo – наиболее популярная бесплатная, научно обоснованная платформа для обучения языкам. Основой сервиса является мобильное приложение на основе геймификации процесса изучения языка. Сервис анализирует, как учатся пользователи и формирует эффективную образовательную систему, в которой курс персонализируется и является уникальным для каждого участника. Поэтому при помощи современных информационных технологий сервис предоставляет доступ к обучению, который сравним с репетиторскими занятиями.

Основателями сервиса являются Льюис фон Ан – профессор университета Карнеги Меллон, изобретатель системы проверки CAPTCHA и программы MacArthur Fellow и Северин Хакер – бакалавра наук по информатике в Швейцарской высшей технической школе Цюриха и диплом доктор наук университета Карнеги Меллон.

Основой методологии Duolingo является

функциональный подход, который фокусируется на конечных целях пользователей. Уроки фокусируются на реальных жизненных целях — например, сделать заказ в ресторане. Пользователи осваивают лексику и грамматику, необходимую для достижения этой цели, выполняя упражнения на чтение, письмо, восприятие на слух и устную речь. [1]

Сервис Duolingo применяет концепцию косвенного обучения, которое позволяет пользователям самостоятельно выявлять языковые закономерности, не фокусируясь на изучении правил грамматики. Это позволяет сформировать фундаментальные знания о языке и его правилах. Методами изучения языков в сервисе являются живые встречи, интерактивные истории и подкасты.

Подкасты – отдельный аудио- или видео-файл, либо серия таких файлов, публикуемых в

интернете на определённом сайте с возможностью подписки. На данном сервисе подкасты помогают пользователям изучить язык в аудиоформате в любом удобном месте и в любое время.

Представленные дополнительные форматы помогают пользователям развить навыки общения, а также восприятия иностранного на слух и в виде текста.

Таким образом, в сети Интернет представлено огромное количество различных электронных сервисов по изучению иностранных языков, которые удовлетворяют различные потребности широкой аудитории. Основной задачей таких сервисов является вовлечение пользователей в процесс обучения. Для этого можно использовать разнообразные форматы подачи материала, использовать инновационные технологии мотивации слушателей и формы взаимодействия с ними.

Литература:

1. Астанина А.Н. Проблемы цифровизации при обучении иностранному языку в вузе // В сборнике: Глобальная конференция по технологиям в образовании Edcrunch Ural: новые образовательные технологии в вузе – 2019, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». 2019
2. Опрос: Электронные сервисы изучения иностранных языков // Microsoft Forms URL: <https://clck.ru/QRvac> (дата обращения: 30.07.2019).
3. Чекун О.А., Лушников И.И. Современные технологии в обучении иностранным языкам цифрового поколения студентов // Педагогика и психология образования. 2015. №1.

Об авторе:

Сафиуллин Нияз Азатович, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Казанский государственный аграрный университет», г. Казань, Татарстан, Россия, nsafiullin@gmail.com

УДК 8.81-115

Халикова М.К.

Некоторые фрагменты формирования межкультурных компетенций языковой личности (на материале узбекского, русского и английского языков)

Данная статья посвящена теоретическим проблемам формирования межкультурных компетенций языковой личности в условиях глобализации и диалога культур.

В ней на примере узбекских, русских и английских фразеологизмов путем сопоставительного (грамматического и лексико-семантического) анализа сделана попытка исследования таких важных семантических категорий, как фразеологическая номинация, специфика отражения национального менталитета в языковых структурах, и тем самым, выявлено своеобразие культурного фона и языковой картины мира народов-носителей исследуемых языков.

Устойчивые выражения репрезентируют культуру, своеобразие мировосприятия и мировидения народа. Изучение фразеологических единиц в сопоставительном аспекте дает возможность выявить как систему оценок и ценностей, необходимых для исследования межкультурных различий, так и своеобразие менталитета и миропонимания людей. Это способствует не только расширению знаний учащихся об истории, нравах, обычаях и других реалиях жизни народа, язык которого изучается, но и воспитанию уважения к традициям и культуре народа, формированию межкультурных компетенций личности, что является очень важным в эпоху глобализации. Этим фактором аргументируется необходимость изучения культурно-прагматической информации, содержащейся в языке, имеющее важное значение в современных условиях международного сотрудничества.

Ключевые слова: глобализация, межкультурная коммуникация, национальный менталитет, фразеологизмы, языковая личность, языковая картина мира, компетенции

Khalikova M.K.

Some Fragments of Formation of Intercultural Competences of a Language Personality (on the Material of Uzbek, Russian and English Languages)

The article is devoted to the theoretical problems of the formation of intercultural competences of a linguistic personality in the context of globalization and dialogue of cultures. The article makes a comparative lexical and semantic analysis of phraseological units and reveals the originality of the linguistic picture of the world. The article also argues the need to study the cultural and pragmatic information contained in the language, which is important in modern conditions of international cooperation.

Idioms represent culture, the originality of the worldview of the people. The study of phraseological units in a comparative aspect makes it possible to identify both the system of assessments and values necessary for the study of intercultural differences, and the originality of the mentality and worldview of people.

This contributes not only to the expansion of students' knowledge about the history, morals, customs and other realities of the life of the people whose language is being studied, but also to foster respect for the traditions and culture of the people, the formation of intercultural competencies of the individual. This

factor justifies the need to study cultural and pragmatic information contained in the language, which is important in modern conditions of international cooperation.

Keywords: globalization, intercultural communication, national mentality, phraseological units, linguistic personality, linguistic picture of the world, competencies

Понимание самобытной жизни и внутреннего строя отдельного языка целиком зависит от умения увидеть своеобразие национального духа в его полноте.

Вильгельм фон Гумбольдт

В эпоху глобализации проблема успешной межкультурной коммуникации, стремление понять другие культуры и их носителей, познать культурные сходства и различия становится все более насущной.

Процесс межкультурной коммуникации многогранен и позволяет утверждать наличие в нем как лингвистических, так и социокультурных элементов.

Язык занимает определенное и важное место в системе культуры, являясь средством сохранения, передачи и обозначения культурных традиций, норм, ценностей данного культурного сообщества.

Адекватное понимание в межкультурном общении во многом зависит не только от знаний лингвистических парадигм, условий общения, намерения говорящих, ситуативного контекста, но и от знаний культуры народа, норм и стереотипов, принятых в обществе, одним словом, экстралингвистических факторов.

Вся культура как единый континуум, в котором живет тот или иной народ, представлена и отражена в содержании языка, что определенным образом сказывается на понимании в межкультурном общении. В условиях межкультурного общения речевой акт приобретает черты, обусловленные знанием культуры и образа жизни народа.

Каждый определенный язык репрезентирует ментальность, мировидение, мировосприятие говорящих на нем людей, картину мира этноса, народа. В своё время Э. Сепир писал: «Каждый язык есть сам по себе некое коллективное искусство выражения. В нем таится совокупность специальных эстетических факторов - фонетических, ритмических, символических, мифологических, которые не полностью совпадают с тем, что наличествует в любом другом языке. Изучите внимательно фонетическую систему языка и прежде всего ее динамические особенности, и вы сможете сказать, какого рода стихосложение в нем развито или, в случае, если

история подшутила над его психологией, какого рода стихосложение должно было в нем развиться и рано или поздно разовьется» [1, с.180].

Экстралингвистические факторы определяют взаимопонимание партнеров по межкультурному общению с точки зрения коммуникативной реализации языковых правил на уровне лексических, фразеологических, семантических, грамматических, синтаксических единиц.

Фразеологические единицы, благодаря устойчивости и воспроизводимости в речи, накапливают и несут в себе культурную информацию о социуме и о мире. Культурный фон находит отражение в значениях фразеологических единиц, в особенностях их моделирования, в их функционально-стилистическом использовании.

Фразеологизмы, устойчивые выражения с социокультурным компонентом и национальной атрибутикой как яркие примеры отражения жизни определенного народа составляют культурный фон, знание которого в процессе межкультурного общения необходимо для успешного понимания иноязычного партнера и правильной интерпретации его действий.

Фразеологический состав сравниваемых языков (узбекский, русский, английский) подтверждают данное положение.

В плане грамматики это своеобразие выражается в преобладании во фразеологической системе языка определенных структурных типов или в наличии грамматических моделей, характерных только для фразеологии данного языка. Например, фразеологизмы с деминутивами характерны для русского языка (*с повинной головошкой, с иглочки*), а изафетные конструкции специфичны только для узбекских фразеологизмов (*нони яримта, зуваласи пишиқ*).

В лексико-семантическом плане возможны следующие типы межъязыковых расхождений:

- некое значение, представленное в семантической системе сопоставляемых языков может выражаться различным лексическим содержанием. Например, *это ещё цветочки – буниси*

ҳали ҳолва (это еще халва). Значение «если кто-то не совершит действия, требующего напряжения сил, не достигнет желаемого результата» передается в английском языке выражением *He who would eat the nut must first crack the shell* (Кто не разгрызет орех, не съест ядра). В русском языке это значение представлено выражением *Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*;

- в одном языке могут быть фразеологизмы, значения которых в семантической системе другого языка не представлены. Например, *демьянова уха, кўзи тўрт бўлди, take care of the pence*;

- наличием в лексическом составе фразеологизма безэквивалентной лексики. Например, во фразеологизмах *бить баклуши, гол как сокол, лезть на рожон, ой ўтов тутибди, қоққан қозикдек, баланд охурдан сув ичган* слова *баклуши, сокол, рожон, ўтов, қозик, охур* являются безэквивалентными;

- мировидение, характерное для данной лингвокультурной общности включаются в образную мотивацию фразеологизмов. Например, в русском менталитете слово «ангел» выступает в качестве эталона добродетелей в христианском миропонимании, выражения самой положительной оценки. Значение фразеологизма *ангельский характер* соотносится именно с этим стереотипом.

Вследствие общности процессов мышления и единства общечеловеческих оценок, фразеологизмы, направленные на сходные объекты или ситуации, могут создаваться по единой семантической формуле, с использованием сходных семантических конструкций. Даже в этом случае внутренние формы фразеологизмов остаются индефферентными.

Однако, гораздо чаще разные языки избирают разные внутренние формы для номинации сходных объектов, что ведет, как правило, и к принципиальному различию синтаксических конструкций. (*Яблоко от яблони недалеко падает – Қазисан, қартасан – асл наслинга тортасан*).

Изучение фразеологических единиц в сопоставительном аспекте дает возможность выявить как систему оценок и ценностей, необходимых для исследования межкультурных различий, так и своеобразие менталитета и миропонимания людей. Например, значение «обещать что-то невозможное» в английском языке представлено фразеологизмом *to promise the moon* (обещать луну), в русском языке это значение передается выражением *обещать золотые горы*. В узбек-

ском языке данная коннотация представлена фразеологизмом *қўйини пуч ёнғоққа тўлдирмоқ* (наполнить пазуху пустыми орехами).

Как видно, для передачи одного и того же значения каждый народ использует свой опыт мировидения, мирообразования, миропредставления, миропонятия, мироосознания. Этот опыт несёт в себе и следы мифологического мышления, и привычные в данном языковом сообществе ассоциации, и сложившиеся средства создания образности, внутренних форм.

Формирование национальной семантики языка связано и с такими экстралингвистическими факторами, как географические, исторические, культурологические. Например, в русском языке более употребительны фразеологизмы с опорным компонентом «лес» (*Волков бояться – в лес не ходить; Лес рубят – щепки летят*). В узбекском языке весьма распространены идиомы с фитонимами, имеющими отношение к бахчеводству (*келаси қовун пишиғида, қовун туширмақ, тарвузи қўлтиғидан тушмоқ*).

Для англичан характерна скорее отрицательная оценка такого культурологического качества, как гостеприимство, чем положительная – *The best fish smell when they are three days old, a constant guest is never welcome*. Англичане убеждены, что долго быть в гостях неэтично, неприлично. В русском языке есть выражение – *Незванный гость хуже татарина*. Данное выражение этимологически восходит к исторически печальному опыту татарского нашествия на Русь. В узбекском языке есть выражение *Чақирилмаган меҳмон сариқ итдан ёмон*.

Выражение *East or west – home is best* (Восток или запад, а дома лучше) равносильно русскому устойчивому выражению *В гостях хорошо, а дома лучше* и узбекскому *Ўз уйим – ўлан тўшагим* (свой дом – своя постель).

Значение «родиться счастливым» передается в русском языке выражением *родиться в рубашке*, в английском языке – *to born with silver spoon in mouth* (родиться с серебряной ложкой во рту).

Значение «никогда» в английском языке представлено идиомой *When hell freezes* – (когда ад замерзнет), соответственно в русском *Когда рак на горе свистнет* и узбекском – *Туянинг думи ерга текканда* (Когда хвост верблюда опустится до земли).

Очень своеобразны в лексическом плане выражения *stupid as an owl* (буквально «тупой,

как сова»), *олух царя небесного, алифни калтак дейди* (алиф называет палкой. Алиф – первая буква арабского алфавита).

В следующих выражениях значение репрезентируются различными зоонимами: *Два медведя в одной берлоге не уживутся; Two dogs over one bone seldom agree* (Две собаки об одной кости редко договариваются); *Икки қўчқорнинг боши бир қозонда қайнамас* (головы двух баранов в одном котле не варятся).

Русское выражение *делать из мухи слона* равносильно английской идиоме *to make a mountain out of a molehill* (сделать гору из мухомора) и узбекской *игнадек нарсани туюдек қилмоқ* (превратить иглу в верблюда).

Важнейшим культурологическим фактором, влияющим на состав идиом, является религия. В узбекском языке представлены только выражения, отражающие почтительное отношение к религии (*бир динлилик, бейб парвардигор*). Во фразеологизмах русского языка может проявляться определенное вольнодумие и даже скептицизм (*На бога надейся, а сам не плошай*).

Субъективность языка следует усматривать именно в его человеческой природе. Он передает одновременно и ментальное своеобразие, ограниченность познания, ошибки, заблуждения, стереотипы, фантазии, самобытность, особенность жизни народов и т.д.

Соотнесенность культурных и языковых знаков позволяет утверждать, что в межкультурной коммуникации недостаточно знаний лингвистических, в большей мере для взаимопонимания играют знания культуры народа, культурного фона, что составляет прагматический характер межкультурного диалога.

Таким образом, коннотативные значения и культурные коды в процессе межкультурного

общения способствуют большему пониманию национального характера, его отношения к окружающей действительности, а также взаимоотношений внутри социума, тем самым способствуют формированию межкультурных и коммуникативных компетенций языковой личности.

Культурная коннотация, национальная символика, фразеологизация представляют собой социологический и прагматический фактор межкультурной коммуникации, знание которых определяет межкультурную компетенцию, вступающих в диалог.

Глобализация и диалог культур выявляет факт наличия проблем в межкультурном общении. Изучение культурной прагматической информации, содержащейся в языке культуры со стороны иноязычного коммуниканта во многом способствуют решению таких проблем межкультурной коммуникации, как:

- адекватное понимание и адекватная интерпретация культурно обусловленного поведения партнеров в культурном диалоге;
- повышение мотивации к изучению иностранного языка;
- снятие национального, культурно обусловленного барьера;
- вхождение в пространство данной культуры, постижение ее ценностей и идеалов.

Многоаспектность и многосторонность такого сложного процесса, как межкультурная коммуникация требует междисциплинарного исследования в области лингвистики, социологии, педагогики, этнографии, антропологии, психологии, философии, истории, переводоведения. В современных условиях международного сотрудничества и диалога культур это имеет большое значение.

Литература:

1. Сепир Э. Язык. Москва: Государственное соц-экон. изд-во, 1934. – 289с.
2. Кессиди Ф.Х. Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. 2003. №1. С. 76-79.
3. Рейслер Л. А. Межкультурная компетенция и ее структура // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. 2012. № 1. С. 59-67.
4. Intercultural Competencies. The Higher Education Academy, 2014. <https://www.heacademy.ac.uk>

Об авторе:

Халикова Мохира Кундибаевна, Доктор философии (PhD), доцент, руководитель специальных учебных курсов, научно-практический исследовательский центр «Оила», г. Ташкент, Узбекистан, avestabest@mail.ru

ISSN 2713-2730

9 772713 273002 >